

Демидов
Вадим

Сделай и живи
спокойно 1

Попаданец в 1949 год. Хочешь прожить вторую жизнь? Легко! Выполни задание и живи дальше. Одно условие — до поры до времени веди себя спокойно и не лезь куда не просят. Не дай бог, что-то пойдёт не так и история изменится. Придётся постараться, раз уж такие условия. А кто говорил что будет легко?

Пролог и 1 глава

Пролог

А ведь, так хорошо начиналось...

Пенсионеру тоже, иногда, надо отдохнуть. Вот и решил я откликнуться, на приглашение хорошего знакомого. А что? Посидим, вспомним былое и угостимся, чем хозяйка пожалует. Отдохнём от скучных будней. Решено — иду!

Я вам честно скажу, не знаю кто учил эту женщину готовить. Но готов поставить учителю памятник при жизни. Так меня ещё никто не удивлял. Да нафига, я это рассказываю? Это не передать словами. Вкусно, до такой степени, что можно язык свой проглотить.

Вот и представьте, иду довольный жизнью. Никого не трогаю, просто иду. Да и нафига мне кого-то трогать? Мне семьдесят пять лет, я — пенсионер. Так что иду и наслаждаюсь жизнью. Расстались мы с другом у их подъезда. Солнышко, только-только собирается скрыться за горизонтом, но пока ещё светит и греет, в полный рост. Мне хотели вызвать такси, но я отказался. Пройтись по свежему воздуху, сбросить лишние килокалории, что мне мешает? К тому же, по дороге, есть множество лавочек, а это самое главное для меня. Вот и пошёл.

Июнь месяц — самый конец. Двадцать девятое число. Тепло, как в тропиках. Градусов под тридцать, а может и больше. Откуда у меня градусник, чтобы точно определить? Так что — просто поверьте. Короче, иду и наслаждаюсь жизнью. Почти дошёл.

У нас, в нашем районе, есть одно место. Такой знаете, участок с зеленью. Мой батя там грибы собирал, когда-то. Но, это когда было? Сейчас — всё проще. Десяток берёз и кусты сирени, с лопухами и крапивой, как положено. Короче — скрытный угол для любителей играть в прятки. Ну, ещё там, девчонки любят свои секретки прятать. Мне, как старшему поколению — там делать нечего. Но мимо, я хожу и примерно знаю, что там делается. Внуки и внучки там висают. Всё свои проблемы детские решают. И ведь просто так, туда не попасть. Для взрослых тут нет места.

Иду и стараюсь, даже не смотреть в ту сторону. Пусть у детей будут свои секреты. Хотя, в голове представляю картину, как кто-то из мелких высунув язык от усердия и наморщив лобик, ковыряет землю, чтобы соорудить очередной "секретик". Даже, улыбнуло немного. Поэтому я был готов ко всяким неожиданностям.

— Пароль! — раздалось из зарослей.

О, как тут всё серьёзно, оказывается. Мелкие в войну играют. И я даже знаю, кто тут сейчас командует. А значит и слово заветное мне известно.

— Сова! — чётко произнёс я. Чуток подождал и спросил в ответ: — Отзыв!

— Медведь! Проходи, — разрешил из кустов детский голосок.

— Передайте санинструктору, что уже поздно и пора домой, — попросил я у зарослей.

— Хорошо, дядь Вадим, — кусты зашуршали и затихли.

Ну и ладно. Пойду дальше, а возле подъезда отдохну. Там лавочка, как раз, в тенёчке стоит и будет более менее прохладно. Надеюсь посидеть и передохнуть, немного.

Зря надеялся. Возле подъезда стояла знакомая машина. Эх! Надо было на ночь оставаться, чтобы не встречаться с этим человеком. Теперь-то уж, что страдать, почти дошёл. Да и водитель меня заметил. Тьфу, блин!

— Привет Николаич! — раздался знакомый голос из-за полуоткрытой двери.

Разглядеть, кто сидит внутри, не представлялось возможным. Стёкла были затонированы по полной программе. А лезть головой в салон, мне претило отрицательное отношение к этому кадру. Но, этого и не требовалось. Я и так прекрасно знаю, кто со мной пытается поговорить.

— И тебе не хворать Илюша, — нейтрально ответил я, — что это ты, на ночь глядя пожаловал?

— Дело у меня к тебе! — радостно ответил этот угод, пытаюсь выбраться из машины на улицу.

— Никак хорошо зарабатываешь? — спросил я, — Что-то тебя прибавилось с нашей, последней встречи?

— Не жалуясь, — ответил Илья, вытирая ладонью пот с лица, — вот, с тобой решил деньгами поделиться.

«Эх, блин! — подумал я, — шёл бы ты куда-нибудь подальше и побыстрее, вместе со своими деньгами». А сам направился к лавочке. Ноги уже начинают наливаться тяжестью. Скоро болеть начнут. Надо срочно присесть — во избежание, так сказать.

— Николаевич, помощь твоя нужна, — продолжил разговор хозяин машины, — деньгами не обижу.

— Что-то я не понимаю? — пытаюсь изобразить искреннее удивление, — вроде, я давно отошёл от дел. Да и нафиг тебе инвалид? Я ходить-то нормально не могу, не говоря уж про работу по профилю. Молодых и здоровых что ли не хватает?

Толстяк, наконец-то, вылез из машины. Сделав несколько шагов, присел рядом со мной на лавочку. Смотри, куда-то вдаль, начал жаловаться:

— Молодые, может быть и справились бы. Но всё они привыкли к новой аппаратуре. Тахеометры, лазерные нивелиры и даже лазерный уровень — всё что угодно и знаний, чтобы с ними работать никаких не надо. Жми на кнопки, подключаай к планшету и всё, дальше оно само. А тут бац — аномалия! Интернет не работает, со спутником связи нет и компас крутится как бешеный. Местные говорят, что всегда так было. Поэтому, надо по старинке, с помощью простых приборов: нивелиров и теодолитов. А специалистов не осталось. Хотя, все изучают эти приبلуды в институтах и университетах, но работать и знать — это две большие разницы.

Закончив этот спич, Илья достал из кармана сигариллу. Немного помял её пальцами. Затем достал зажигалку в виде пистолета. Прицелился, с дебильной улыбкой, в кошку, что лежала на газоне. Щёлкнул курком. Потом, посмотрел на огонёк, что выбивался из ствола. Немного подумал, прикурил и резко сказал:

— Двести баксов за день работы. Думай!

Интересное предложение. Если перевести в рубли то выйдет, как раз, моя пенсия. Но, я не я буду, если не стрясу, с этого козла, раз в пять побольше. Ему нужна моя помощь?! Я согласен помочь, но не за такие деньги. Значит, для начала, надо немного его напрячь. Что и озвучил сразу же:

— Не спеши Илюша! Я не знаю, что за работа? Какие условия и где это вообще находится? Может там, нырять с аквалангом надо, а я не умею? Деньги — это дело второе. Обрисуй ситуацию поподробнее.

Пыхтя, как паровоз, Илья начал рассказывать суть предстоящей работы. Через некоторое время, он соизволил раскрыть, мне все карты. Даже, достал из машины пакет

документов.

Ознакомившись и внимательно изучив, предстоящую работу, я вынес свой вердикт — полторы штуки баксов и ни цента меньше. Иначе, может искать другого исполнителя. Цена действительна пару дней, потом будет дороже. И ещё, я сразу предупредил, что за один день могу и не справиться. Так что или там рядом обеспечивает место для ночёвки, или пусть возит туда и обратно за свой счёт.

После непродолжительных торгов, я согласился на тысячу двести долларов. Но, с утра, он пришлёт за мной машину. Инструмент и приборы я беру свои. Подсобных рабочих и помощников, он предоставляет сам, заодно и оплачивает их труд. Мой заработок это мой заработок. Аванс, в размере пятисот баксов, я получил сразу.

Немного разочарованный, я поднялся в квартиру. Выпил чаю и пошёл собирать всё, что мне завтра пригодится. Музыкальный центр бодренько выдавал "Not Going away", что способствовало ясности мыслей и лёгкости в передвижении по комнате. Давненько я не собирал свою сумку, но как говорится — "опыт не пропьёшь". Собрался быстро — чего там собирать-то? Тем более под такую музыку. Вроде, всё на своих местах, только и остаётся, что аккуратно закинуть в сумку. Делов-то — начать и кончить. Как не странно, но мне никто не мешал. Ну и я, тогда, никого беспокоить не буду.

Что-то сердечко ноет. Устал наверное. Давно столько не ходил. Да и приборы эти, ещё советского производства, вес имеют не маленький, точно — не для моего возраста. Выпил на ночь, что-то из прописанного врачом. Пока ворочался в кровати вроде полегчало. Потом заснул.

Во сне я стал задыхаться. Открыл глаза и понял, что конкретно не могу вздохнуть. Так бывает и у меня это уже было, когда лежал в больнице, прямо в ночь перед операцией. Тогда, меня спасла медсестра. Ведь я уже почти ничего не соображал. Видел только мелькающий, белый халат и чувствовал руки, что меня дёргали и тормозили. Потом, вдруг, я вздохнул... и ещё раз... и ещё. Пришло облегчение и понимание того, что я дышу. Всё повторяется. И вот теперь, опять это чувство беспомощности и желание вздохнуть. А медсестры рядом — нету. И помочь мне — некому. Тупо лежать и спокойно умирать мне не хотелось. Но, как и тогда в больнице, руки и ноги не шевелились, совсем. Я лежал и тупо хлопал глазами, пытаюсь раз за разом вздохнуть, но ничего не получалось, кроме как судорожно открывать и закрывать рот. Сознание медленно угасало.

Не было никаких, чёрных туннелей и сияющих врат. Я не видел себя ни сбоку, ни сверху. Просто, в какой-то момент я понял, что очутился на нашем, деревенском покосе. Солнечное утро и роса на траве. Дед живой и здоровый косит траву. Хотя, в возрасте ста лет, он бросил косу и сказал: "Я косил сто лет, теперь давайте сами!" — я это помню точно. А может это не он?

Я начал приглядываться, пытаюсь найти, хоть какие-то подсказки.

— Да, я это! — громко сказал дед, — что глазками блукаешь?

В ответ, мне удалось вытянуть, из себя, только одну букву: "А-а-а?"

— А ты помер! — со знакомой, хитрой улыбкой сказал дед.

Не знаю почему, но явно не по своей воле, я начал искать причины, чтобы попытаться вернуться:

— Но, я не могу! У меня договор и мне просто необходимо быть дома. В конце концов, я обещал!

— Забудь! — коса резко воткнулась в землю, а дед сделал несколько шагов ко мне,

попутно продолжая говорить, — У тебя, теперь, другая задача. Пока есть время, я могу вернуть тебя назад. Но, так уж получилось, что попадёшь ты в другое тело. Это уже не от меня зависит.

— А..? — только и успел произнести я.

— Не "акай", а слушай, — дед подошёл, почти вплотную ко мне, — времени нет всё объяснить. Когда очнёшься, то начинай сразу всё вспоминать. Я не даром помогал тебе всю, твою жизнь. До и после смерти, я приглядывал за тобой. Сколько раз, ты избегал смерти? А? Это было не случайность, а моя помощь. Теперь, ты сам должен вспомнить и сделать то, что у меня не получилось. Сделаешь и всё — живи спокойно. Собственно, там поймёшь сам.

Дед ещё ближе подошёл ко мне. Теперь, между нами было не больше метра. А дальше... дед замахнулся и резко ударил меня в лоб.

— Это тебе, чтобы не забывал! — как сквозь вату услышал я, и моё сознание, во второй раз, покинуло меня.

Глава 1

Первое, что я увидел это кулак, который летел мне в лицо. Времени что-либо осмыслить не было. На полном автомате и наверное, потому что это самое простое решение — просто, немного наклонил голову вперёд. Вовремя, я это сделал. Удар пришёлся по моему лбу. Удар сильный. Меня даже, немного отшатнуло назад. Хорошо что так, а ведь могла и шея пострадать. Зато крик боли был свидетельством, что Ньютон был прав и третий закон, его имени, никто не отменял. Попытался выпрямиться и сделать, хотя бы шаг вперёд. Не получилось. Кто-то удерживал меня сзади за плечи. Причём, делал это плохо. Хотя, может быть, ему просто, что-то мешало это сделать. Пока я пытался осмыслить, что вообще происходит вокруг, мне прилетел мощнейший удар в правое ухо, который я пропустил. Искры из глаз и жуткая боль. Против меня не один противник, что ли? Скручиваю корпус вниз влево. Успеваю заметить некоторые детали, что промелькнули перед глазами и понять, где я примерно нахожусь. Анализируя, я не прекращаю попыток вырваться из захвата. Скорее всего я в тамбуре вагона, очень характерные двери и звуки. Раздёргиваю захват резкими рывками вниз вбок влево-вправо. Делаю полшаг назад. Наконец-то удалось немного сдвинуть того, кто меня держит. Освещения, как такового нет. Но сандал моего противника я как-то увидел. Сразу же бью пяткой по нему. Пропускаю ещё один удар по шее. Хорошо, что вскользь. Но, зато, захват рук слабеет. Теперь, рывком вправо вверх и сразу же скрутка корпуса влево и шаг вбок. Всё, я свободен!

Рано обрадовался. Сильный толчок в корпус чуть не валит меня с ног. Удерживаюсь на ногах, только благодаря узости помещения. Некуда падать и я сразу упираюсь в металлическую дверь. Тёмная фигура наваливается всем своим весом прижимая к металлической двери. С разворота бью локтём. Удар получился не сильный, места мало, но наверное куда-то попал. Потому что, я услышал вскрик боли. Это хорошо! А то надоело это молчание. Никаких разговоров, а это значит — минимум информации. Но, опять же, меня достают сильнейшим ударом в плечо. При скудном освещении, краем глаза замечаю, что это какая-то короткая дубинка. Может быть это обрезок трубы или арматуры. Хз. Но бьёт сильно и больно. Руку отсушило хорошо. Меня аж согнуло от боли. Рвусь вперёд. Руки непроизвольно загибаются назад. Что-то меня опять держит. Дергаюсь вперёд ещё раз и, наконец-то, пропадает давление на плечи. Разворачиваюсь лицом к противникам. Немного времени на оценку обстановки. Вижу трёх человек. Один идёт на меня с поднятой, в замахе рукой. Двое: один пригнувшись движется вдоль стенки, другой наклонился и одной рукой

пытается развязать, какой-то сидор, при этом продолжает отслеживать все, мои передвижения. Скорее всего это мой вещмешок(вот что мешалось и держало меня). Лиц не разглядеть. Освещение почти отсутствует. Немного света попадает через остекленную дверь вагона.

Неожиданно, меня накрывает, такая волна ненависти, что аж зубы скрипнули. Это! Мои! Вещи! Подныриваю под замах. Проскакивая мимо мужика с дубинкой, коротким ударом бью в печень. Он бы ещё повыше замахнулся. Отдохни немного. Футбольным ударом бью кренделя, что стоит согнувшись, прямо в морду. Нормально пошло. Его аж откинуло на спину. Вторым попытался защититься сидором, но я уже близко, и с силой толкаю его ногой. Он падает на пол. Подхватываю мешок одной рукой, а второй пытаюсь открыть дверь в вагон. Урод не отпускает лямки сидора. Тяну сильнее, но, в этот момент, меня сносит, вместе с вещмешком, с места. Это мужик с дубиной очухался, развернулся и кинулся на помощь своим подельникам. Втроём мы врезаемся в наружную дверь вагона. Опять меня прижимают, но одной рукой, я всё ещё удерживаю свой мешок. Другой рукой пытаюсь, хоть куда-нибудь по кому-либо попасть. Ногами топчусь по телу, что оказалось на полу. Ярость даёт силы и я отталкиваюсь от двери, одновременно с этим, меня неожиданно бросает куда-то вбок. Поезд тормозит и как-то очень резко. А нет, ни фиги! Просто качнуло вагон, скорее всего на стрелке или ещё по какой причине. Бывает. Зато, я почти высвободился.

Опять разворачиваюсь и рвусь вперёд. На мне висит один из напавших. Вторым, который с дубинкой, тяжело дышит и ковыряется в наружной двери. Это что? Он выйти собирается? Скатертью дорога! Третий продолжает мешаться под ногами и даже пытается схватить меня. Лёжа на полу это у него плохо получается. Все постоянно на него наступают и не дают встать.

Дверь резко открылась и тут же закрылась. Этому гаду всё-таки удалось её открыть. Вот и правильно — бегите на фик. Чтобы придать им скорости, я заорал в полный голос:

— Убью гадов! Идите сюда суки! Всех порежу козлы, блят!

Ножа у меня нет, но они-то этого не знают. Мужик, что цеплялся за меня, отпрыгивает в сторону. Наконец-то! Я придаю ему скорости, при помощи пинка куда-то в район задницы. Неожиданная атака снизу, чуть не роняет меня на пол. Но, я опять упираюсь в стенку и удерживаюсь на ногах. Груз в виде тела, что повис на моей пояснице, пытаюсь сбить рукой. Вторая занята сидором. Активировался попрыгунчик и попытался меня ударить ногой. Я скручиваюсь и отклоняюсь в сторону, пропускаю ногу мимо. Попадает телу, что висит на мне. Вскользь, но всё равно, наверное, ему неприятно. Что он тут же подтвердил вскриком, правда сквозь зубы, но и то хлеб. Опять мужик с дубиной бежит на меня. Да, что ж ты до меня докопался-то?

Не ожидал я такой подлости. Пока я пытался, в очередной раз, вырваться из рук этих уродов, мы, все вместе оказались возле наружной двери. Кто её успел открыть в этот раз, я не заметил. Меня стали дружно выталкивать. Один, полусидя на полу, держал открытую дверь, чтобы она не захлопнулась, а остальные, двое толкали меня. Дубинкой, хоть перестали махать — и то хорошо. Одновременно толкают гады, не в первый раз, наверное. Сил у меня почти не осталось. И так еле держусь. Вроде, прошло всего пару минут, а устал как после тяжёлого, рабочего дня.

Одной рукой держусь за ручку сбоку от двери. Второй рукой пытаюсь вырвать мой сидор из рук уroda с дубиной. Но не удалось. Мешок рывками уплыл куда-то вглубь тамбура, а мне начало доставаться по голове и рукам. От боли кричу:

— Суки! Я всё равно вас достану!

Правой рукой хватаю одного из противников за голову. Точнее, за первое, что попало под пальцы. Это было ухо мудрилы с дубиной. Тут же получил сильнейший удар в живот. Вторая рука соскочила с ручки и я, теперь, падал наружу. Радовало одно — со мной вываливается чел, которого я держу за ухо. Вижу оскал ужаса и открытые глаза. Жаль не смогу ударить. У него спереди зуб сломан, наполовину — я бы добавил, чтобы выбить окончательно. Ещё один удар, теперь в бедро. Я ещё быстрее вылетаю на улицу. Выскальзывает ухо из руки, хотя вроде держал крепко. Видимо, предыдущий рывок что-то надорвал у этого уroda и мои пальцы были скользкие от крови. Хотя, это могут быть и сопли, и пот, и слёзы. Темно же — не видно ничего.

Полёт мой закончился быстро. Я даже не успел испугаться. Повезло, что не встретился со столбом каким-нибудь. Зато, дренажная канава приняла меня, с распростёртыми объятиями. Всё! Жив! Вырвался! Жаль, что вещмешок остался у этих козлов. Подняв голову я взглядом проводил уезжающий поезд.

Минут десять я потихоньку полз на пузе. Это не дренажная канава была, как оказалось, а какое-то болото. Хотя, может быть и просто большая лужа. Вверх по склону ползти не получалось, хоть и пытался, а вот вбок пожалуйста. Так и передвигался вдоль «железки». Любые попытки изменить направление, приводили к тому, что я окунался с головой в непонятную жижу. Встать, тоже, не получалось из-за повреждённой ступни. Всё-таки прыжок с поезда, во время его движения, не прошёл даром. Ушиб колена и растяжение голеностопа и это, ещё не всё, а то, что я смог определить.

То, что я попал это понятно. В последнее время, столько литературы, на эту тему было прочитано, что сомнений не оставалось. Ещё и дед всякого наговорил. Разбираться буду потом, когда выберусь на нормальное, сухое место. На данный момент понятно одно — ночь и тепло, хоть и мокро. Но, надеюсь, что это ненадолго.

Ну, дед! Ну, удружил, блин. Мысли перескакивали с одного на другое как сумасшедшие. Сосредоточиться не получается совершенно. Ничего, нам стройбатовцам не привыкать в грязи по уши находиться. Не из таких передрыг выходили без потерь и ощутимых травм. Я отсюда выберусь и ещё натяну этой компании глаз на жопу. Все мои вещи забрали гады. Да я их забетонирую в асфальт! Они у меня кирпич, марки двести, будут грызть вместо мармелада — суки! Вот так, постоянно накручивая сам себя, мне удалось достичь более менее сухого места. Правильно говорил наш старшина: «Если стройбатовца разозлить и правильно мотивировать, то нет для него преград, как и для настоящего коммуниста!»

Всё! Отдыхаю! Пришло время вспомнить всё, что я помню о себе. Хотя бы вкратце. Дед, вроде бы, так говорил? Родился в Калуге это помню. Детский сад с его вкусными завтраками и обедами — помню! Но, не подробно. Пацанов почти всех и девчонок некоторых, тоже помню. Потом болезнь и жизнь в деревне — помню. Это хорошо! Первый класс в деревенской школе это помню отлично! Школа в Калуге, куда пошёл со второго класса — помню! Занятие в бассейне до четвёртого класса. Потом бокс, до десятого класса занимался — КМСа получил. Потом одиннадцать раз подтверждал. На мастера сдать не получилось. В первом же бою, в третьем раунде, получил нокаутирующий удар, прямо в левый висок. Зрение сразу упало до минус трёх. Все мои мечты о десанте накрылись медным тазом. А ведь я готовился. У меня девять прыжков с парашютом, было. До десятого не допустили, в связи с нокаутом. ДОСААФ чётко следил за здоровьем. Эх! А у меня такие надежды были, на эту организацию. Так, дальше у меня армия. Ну, это не забывается. Из-за зрения и ещё

кое-чего, попал в стройбат. Отслужил, заодно и денег заработал. На мотоцикл "Ява" хватило. Магнитофон "Олимп" и полный набор "Радиотехники" купил на остатки. Дальше работа каменщиком. Строили и в Калуге, и в области. Потом перестройка и гласность. Вовремя закончил техникум наш, Калужский, строительный — пока было бесплатно. Меня прораб наш отправил, на заочное отделение. Хороший мужик был. Я с отличием закончил. С красным дипломом и значком, тоже красным. Дальше, работа мастером у женщин штукатуров и маляров. Потом работа прорабом. Женитьба и рождение двух дочек. Инвалидность и пенсия. Смерть. Вроде всё. Чего я ещё должен вспомнить?

Под это дело из, не знаю откуда, полезли воспоминания моего, нового тела. Зовут меня Вилор Тихий. У папы была такая фамилия. Имя выбирали, скорее всего, вдвоём: папа и мама(обычное имя для начала тридцатых годов). Детдомовец. Родителей помнит плохо(папа был высокий, а мама красивая). Они погибли в 1938 году. Участвовали в ликвидации чумы в Калмыкии. Оба были лаборантами в Сталинграде, поэтому, одними из первых, их мобилизовали в зону заражения. Из-за отсутствия близких родственников, парня забрали в Брянский детдом. Ему тогда было пять-шесть лет. Потом война и эвакуация детдома в Кострому. Где было тяжело и голодно. Днём учились в школе, а вечером ходили в госпитали, где помогали раненым — кому письмо написать, с кем просто поговорить. В 1943 году, сразу после ноябрьских праздников вернулись в Брянск. Директор постарался. В Костроме, долго будут вспоминать, как он дошёл до секретаря обкома, чтобы организовать переезд в родной город. Так и вышло. Детдом, как не удивительно, оказался почти цел. В некоторых комнатах, даже стёкла были в окнах. Начали обживать. Всё делали сами. Помощники не помещали бы, но Брянск, тоже, заново отстраивали. Да и война шла. Мужчины, в основном, на фронте. Хорошо, что школа работала, куда детдомовцы ходили вместе с местными. В 1947 году вступил в комсомол. Из-за войны и эвакуации положенную семилетку закончил в шестнадцать лет. Сейчас направлялся в Мурманск. Мореходное училище с удовольствием брало ребят из детдома. К тому же у него в аттестате не было плохих оценок. В поезде на него напали.

Дальше появился я.

Хм. Даже не знаю, что сказать. Присутствие "второго я", я не ощущаю. Мне никто ничего не шепчет в ухо. Мыслительный процесс проходит свободно. С другой стороны, я легко вспоминаю любой эпизод из жизни, что моей, что этого тела. Повезло наверное или, что скорее всего, дед продолжает мне помогать. Надо не забыть поблагодарить, при встрече, если она когда-нибудь будет.

Значит 1949 год и память, этого тела, это подтверждает. Блин! И что я должен вспомнить, относящееся к этому периоду? Я не историк и всё что помню это ежегодное снижение цен на продукты. Ещё, что два года назад была денежная реформа. Её, по моему, так и называли «Сталинская реформа 1947 года». В памяти моего оппонента присутствуют только мечты о девушках, о кораблях и заморских странах, а также посещение кинотеатра и танцев. А мне нужно вспомнить, что-то полезное, что поможет во-первых — выжить в эту эпоху и во-вторых — выполнить задание деда. Ладно, это немного терпит. Надо с самим телом разобраться. Первичный осмотр показал, что этот Вилор пренебрегал, хоть какими-то занятиями типа физкультуры. А по сути, являлось телом натурального дрища. При таком росте, в этом возрасте, вес должен быть, хотя бы, на пару десятков килограмм побольше. Откуда я это узнал? Да, всё просто, человек проходил медкомиссию перед поступлением в "мореходку". А данные никто от него не скрывал. Рост 180 см., вес 55 килограмм — это что?

Нормально? Я, в его возрасте, постоянно тренируюсь, при росте 170 см. весил не меньше 58–60 килограмм. Хотя, что там говорить, за моим весом наблюдал тренер. Да-с.

Как он вообще выживал? Его, там, в детдоме наверное каждый второй пинал, как не знаю кого. Хотя, покопавшись в памяти, понял, что парень обладал авторитетом, и немаленьким — между прочим. Комсомолец и, к тому же, комсорг старшей группы детдома(я сам офигел когда узнал!). Предлагали стать секретарём комитета, но он взял самоотвод, в связи с поступлением в мореходку. Что ж, идейные яйца у парня имеются, теперь, надо к ним нормальную мускулатуру наработать. Но, это дело второе. Сейчас надо разобраться с документами. Хотя, и это можно отложить ненадолго. Темно пока и ничего не видно.

Пытаясь, разложить в голове, всё мысли по полочкам. Я неожиданно понял, почему все мои удары, были такие слабые. Этот парень, совершенно не умел по-нормальному бить. Всё, на что он был способен это размахнуться посильнее и ударить куда-то туда, в сторону противника. И ладно бы это был хорошо поставленный удар. Нет! Это был удар с большого замаха — "по деревенски" так сказать. А там как повезёт. Блин! Даже, как-то неловко, за него стало. Я, конечно, ни разу не супермен, хоть и имел разряд по боксу. И уж точно не супер-пупер каратист какой-то. Занимался, немного, с нашим замполитом во время выходных, когда делать было нечего. Он, оказывается, давно искал себе спарринг-партнёра. А тут я, по утрам, вместо положенной утренней зарядки, разминаюсь по своему, включая упражнения на турнике и брусьях. Ничего сверхубойного мы с ним не отработывали, просто несколько основных связок-приёмов, на освобождение от захватов и против вооружённого ножом противника. В той жизни эти знания, мне, особенно не пригодились. Надеюсь, что в этой не пригодятся совсем. Хотя придётся вспомнить всё — для здоровья полезно. Да и откуда мне знать, что пригодиться в этой жизни, в это время.

Хоть и тепло на улице, но сырая одежда свою роль сыграла. Я начал замерзать. Разводить костёр в темноте посреди болота это особый вид мазохизма. Мало того, что ночью найти топливо для костра — не реально. Так ещё и мои травмы не дают мне передвигаться нормально. А тут ещё, как оказалось, у моего нового тела в карманах нету спичек. Совсем. Не курил потому что. И в походы не ходил, совсем. Дрищ — одно слово, хоть и авторитетный по комсомольской линии. Будем исправлять в физическом плане и правильно мотивировать морально. Да-с... Придётся постараться. А это значит, что работы предстоит немерено. Но, это ничего. Раз уж досталось новое тело и новая жизнь, то можно и попотеть. Для своего же блага, как никак. Можно начать прямо сейчас. Всё равно спичек нет и костёр не зажечь, а согреться надо. Прыгать и бегать не получится. Но, кто сказал, что греться можно только такими способами?

Ничего не успел сделать. Неожиданно накрыло отходняком. Меня начала бить сильная дрожь. Реакция организма на произошедшую драку. Блин, этот парень, походу, был не только дрищ, но и тормоз. Что-то поздновато, это тело со мной внутри, накрыло. Теперь, вкупе с тем, что я замёрз, меня ещё и колотило, как не пойми что. Но, с другой стороны, его можно понять. Парень, в первый раз, побывал на волосок от смертельной угрозы. Прошёлся «по краю» — так сказать. Ничего. Средство, для быстрого приведения организма в порядок есть и, слава добрым наставникам и тренерам, я его знаю. Не раз, после поединка на ринге, так же, как и этого дрища, начинало трясти.

Помощников рядом не было. Пришлось всё делать самому. Но, для начала, ещё раз ощущал себя со всех сторон. Не скажу, что это мне далось легко. Но вроде бы справился.

Рассечений и кровотечений не обнаружил. С одной стороны — это фигово, буду весь в синяках. С другой — уж лучше сине-фиолетовый, чем истекать кровью, без возможности перевязки. Кстати, одно ухо, даже на ощупь, стало раза в два больше другого. А уж про боль говорить не буду. Ничего, Земля квадратная, так что, ещё встретимся с этими гопниками, за ближайшим углом. Надеюсь, к тому времени, я приведу это тело в порядок. Так что смогу их удивить.

Пятнадцать минут дыхательных упражнений и жёсткого растирания живота, в области пресса(пресс у дрища?), дали свой результат. Дрожь почти прекратилась. Заодно и согрелся. Хороший результат, если брать во внимание, что делать всё приходилось одной рукой. Вторая почти не работала.

Пока занимался собой, мимо меня прошло три состава. Один, в том же направлении куда ехал я, то есть в Москву, а два в обратном. Все три тянули паровозы, что, собственно, и не удивительно для этого времени. Зато, благодаря этим раритетам, точнее гудкам которые они издавали, я точно знаю куда идти, чтобы встретить людей. В пределах двух-трёх километров от меня, что-то находилось. Паровозы постоянно сигналили, проезжая мимо, не взирая в какую сторону они направляются.

На востоке небо стало светлеть. Пока, ещё едва заметно, но даже это позволяло смотреть на жизнь веселее. На траву, что росла по бокам тропинки, выпала роса. Неудобство какое-то. Мало мне воды в болоте, а тут ещё и это. Если ещё и дождь пойдёт, то я точно буду знать, что меня сглазили.

Как только более менее просветлело, я решил, что больше не буду ждать. Потихоньку, на коленках, матюгаясь и скрипя зубами, я двинулся вперёд по тропе. А что? Сидеть и ждать когда меня спасут? Так это не реально. Не то время сейчас. Хотя, всё может быть. Сезон заготовки сена, в самом разгаре. Может кто и пройдёт мимо меня. Но, надеяться на это, я не буду. Лучше вот так, потихонечку доковыляю до места, где паровозы сигнал подадут. А там, может быть и люди найдутся.

Метров сто, с одной остановкой на пару минут, я преодолел. Случайно, или опять помощь из вне, нашёл кусок непонятного материала. На ощупь, что-то типа мешковины. Даже, что скорее всего, это и было когда-то мешком. Но, из-за больших дыр и потёртостей, его просто выкинули — за ненадобностью. Это не помешало мне, с помощью различных, настоящих, чисто русских, обрядовых выражений, собственных зубов и работающей руки разорвать ненужную тряпку на более менее подходящие полоски. А дальше — все просто. Туго перемотал растянутый голеностоп. При этом не забывая произносить древние наговоры и заговоры, поминая всех причастных к моему переносу. Начиная от собственного деда и заканчивая грёбаным, божественным пантеоном. Без которого, я просто уверен, точно не обошлось. Только непонятно, кого там дед попросил, так что досталось всем без исключения.

Двигаться стало, не скажу что легче. Но как-то сподручнее, что ли? Ещё бы, что-то типа костыля найти или хотя бы палки подходящей. Тогда бы и вообще прекрасно стало. Но, чего нет — того нет. Будем использовать то что есть, то есть ничего. Кстати, пока оказывал сам себе первую помощь, солнышко показалось из-за горизонта. Радости это не добавило. Роса стала богаче. Каждый шаг, который и так давался с трудом, добавлял сырости моей одежде. А когда подскользнулся и рухнул в траву, то понял, что душ мне точно не нужен. Я теперь сама сырость. Про туфли вообще молчу. Мало того, что перевязанная нога не влезла в туфель и пришлось идти разутым, так ещё и обутая нога промокла насквозь. Теперь ступня

скользила внутри обуви. Что, ясен пень, мне не добавляло настроения.

В какой-то момент, я подумал, что больше не смогу сделать ни одного шага. Ещё и эти дурацкие мысли, насчёт обещания деду, постоянно отвлекали. Но, в самый подходящий момент, я заметил в траве горку из старых шпал. Которой сразу же воспользовался. Посидеть и отдохнуть — это то что надо, в моем случае. Уже достаточно рассвело, чтобы осмотреть, наконец-то, получше свои травмы, а заодно одежду и документы, что мне достались. Информация — это наше всё! А выход "в люди", пока отложим. Ненадолго.

Одет я, не так уж и плохо. Грязный конечно, но это исправимо. Я не в курсе, конечно же, какая сейчас мода. Но, этот комсомольский активист был одет и обут вполне себе достойно. Покопавшись в памяти я, к своему удивлению, узнал такую вещь. Оказывается, в детдоме, все дети обшивались в прикрепленной артели, на это дело, специально из бюджета, выделялись деньги. А вот обувь, до прошлого года, шил наёмный мастер, но, опять-таки все затраты на материалы и работу, оплачивались из фондов детдома. Раз в полгода сапожник приходил, снимал мерки, забирал, если было нужно, какую-то часть обуви для ремонта и делал новую. Конечно же, какую-то часть одежды и обуви получали по заявкам с фабрик. Но это больше для дошкольников. Зимой ещё проще. Валенки и поршни для всех без исключения. С прошлого года, стало ещё легче. В обиход вернулась школьная форма — общая для всех. Кстати, детские дома получили новую форму в первую очередь. У меня тоже такая форма была. В рюкзаке! Блин.

Ладно. В остатке, имеем пошитый по заказу костюм. Специально для выпускников нашего детского дома. Это директор ввёл такое новшество. Ничего особенного. Пиджак и брюки серого цвета. К ним тонкий, чёрный, брючный ремень. Голубая сорочка. Чёрные туфли. Хотя, я бы назвал эту модель — полуботинками. Но в памяти, почему-то, фигурируют именно туфли.

Офигеть — не встать! Документы были спрятаны в ложном кармане. Ребята из детдома оказались теми ещё затейниками в плане защиты от возможной кражи. Но, это всё мелочи. Самое главное, что документы в порядке и ни грамма не пострадали. Хотя пиджак промок насквозь. Шёлковый, потайной карман выручил и в этой ситуации. Паспорт, комсомольский билет — это для предъявления. Конверт из вощёной бумаги с документами в мореходное училище (запечатанный). Переданный мне директором, прямо перед отъездом, под честное слово — хранить и лелеять до самой приёмной комиссии. Слава старшей группе детского дома! Конверт не пострадал и выглядел целым. А насчёт милиции, теперь, можно не беспокоиться. Все документы присутствуют и находятся в прямом доступе. Дополнительный бонус это двести рублей. Оплатить учёбу и немного на первое время. Чтобы с голоду не помереть. Теперь можно и к людям выходить. Тем более, что полностью рассвело.

Понимание всего, что произошло со мной, придёт позже — сейчас же мне надо выйти к людям. И конечно же, первым делом заявить о покушении и краже моих вещей. Пошёл я, потихонечку. Посмотрю на предков.

Глава 2

Глава 2

— Нет, товарищ лейтенант! В лицо я их не видел, — потирая распухшее ухо, ответил я, — да и темно там было. Мне показалось, что светильник в тамбуре специально загородили чем-то.

— Как это возможно, — спросил лейтенант транспортной милиции. — там же постоянно горят два светильника?

— Не знаю, — резко ответил я. — некогда мне было разглядывать! Тут бы живым остаться. Я только вошёл в тамбур, как тут же получил в ухо. Ещё и сзади, кто-то напал и держал за руки. Пока вырвался, пока защищался только и успел, что понять количество этих уродов.

— Я, конечно, передам описание на Киевский вокзал в отдел транспортной милиции, — лейтенант вытер лоб платком и что-то дописал в блокноте, — но, мне так кажется, что уже поздно. Сбежали эти гаврики. Сошли с поезда в Малоярославце или ещё где. Остановок много до Москвы.

— Вы попробуйте, — стал настаивать я, — у одного, и это точно, повреждено правое ухо. Очень сильно повреждено. Я чувствовал, что оно было скользким, когда выпустил из кулака. А это уже примета — какая никакая!

— Понимаю я всё, — быстро проговорил лейтенант, всматриваясь в свои записи в блокноте. — но и ты меня пойми. Единственная примета — надорванное ухо! Да, надо мной вся Москва смеяться будет! С такими уликами.

— Не забудьте добавить, что один хромает, — я постарался сделать ударение на последнем слове, — каблуки у моих туфлей хорошие. Бил я в полную силу. Не жалел гадов.

— Хорошо! — как отрезал, произнёс лейтенант. — выйди на улицу, покури пока. А я позвоню куда надо.

Следователь потянулся к телефонному аппарату, что стоял на столе. Я же, выходя в дверь, бросил через плечо:

— Не курю я, и вам не советую.

Лейтенант проводил меня удивлённым взглядом и начал набирать номер, крутя диск телефона.

Я вышел на улицу. На лавочке сидел дежурный по переезду и сигналист одновременно. Пожилой мужчина с уставшим лицом. Он держал в одной руке свёрнутый жёлтый флажок. В другой, между пальцев, была зажата папироса. Резко затянувшись, он произнёс, выпуская дым вместе со словами:

— Не переживай паря. Лейтенант Собкин хороший специалист. Если есть хоть какие-то зацепки, то он найдёт твои вещи. И преступников прищучит — однозначно. Это ж надо! У школьника одежду украли. Совсем обнаглели барагозы.

— Надеюсь, что так и будет, — сказал я, — там ведь не только одежда была.

Присел рядом на лавочку. Прислонился к тёплой штукатурке. Закрыв глаза и начал вспоминать с чего началось наше, знакомство с этим замечательным человеком.

Тропинка вывела меня из заболоченной местности. Я хорошо отдохнул и уже неплохо передвигался. Очень помогало найденное, не до конца сломанное косовище. Видимо кто-то бросил в надежде потом починить. А может и просто бросили. Что тут, в округе, деревьев

нету что ли? Не верю! А мне, даже этот обломок (доломал и оставил кусок побольше), вполне себе подошёл — в качестве опоры при ходьбе. Нормально иду. Опираюсь и шагаю. Медленно но уверенно — шаг за шагом.

Вокруг сенокос в разгаре. То тут, то там стояли небольшие и аккуратные стожки сена. Значит люди точно есть и они уже недалеко.

Гудки редких паровозов слышались уже совсем рядом. Скоро увижу, что заставляет их это делать.

Через небольшой промежуток времени, как я и предполагал, даже можно сказать надеялся, увидел переезд с будкой дежурного. Повезло. Ведь это мог быть мост или стрелка в тупик, или вообще какой-нибудь полустанок забытый всеми службами и нужный только в военное время. На железной дороге свои правила, здесь сигнал подают во многих случаях.

К маленькому домику, то есть будке дежурного по переезду, я доковылял на морально-волевых. Хорошо что рядом с укрытием была лавочка. Уселся, закрыл глаза и наконец-то расслабился. Не прошло и пары минут, как на крыльцо вышел мужик в форме. Дежурный по переезду. В руке у него был жёлтый флажок. Ни слова не говоря, он подошёл к деревянному шлагбауму и закрыл переезд. Потом забрался на крыльцо и облокотившись на перила выставил руку с флажком. Раздался сигнал локомотива. Поезд проскочил мимо, подняв на переезде небольшое облако пыли.

Пока состав проезжал мимо, начальник этого переезда ни словом не обмолвился. Зато открывая путь и поднимая поперечину шлагбаума, озадачил меня вопросом:

— Где ж тебя так угораздило?

Мне, собственно говоря, скрывать было нечего. Так что ответ был простой:

— С поезда меня скинули. Ограбили перед этим. И избили. Вот, иду кое-как до ближайшего телефона. Надо с милицией пообщаться. Я же совсем без вещей остался. Хорошо что документы не украли.

— В этом я тебе помогу, — ответил мужчина, — меня, кстати, Петром Алексеевичем зовут.

— Меня Вилор, — ответил я, — Вилор Тихий, если уж совсем полностью.

— Заходи в дом Вилор, — открывая дверь и жестом приглашая войти, произнёс дежурный, — сейчас я на линию позвоню. Будем наряд ждать.

Внутри маленького домика не было никого. Обстановка самая спартанская. Стол возле окна, три стула, топчан для отдыха, печка "буржуйка" в углу со стоящим сверху большим чайником. Собственно всё. Не считая, конечно, тумбочки с кучей рабочих журналов сверху. Что поразило — это два телефона. Один стоял на столе, а второй висел на стене возле входной двери. Зачем два? Не знаю. Но раз есть, значит надо!

Пётр Алексеевич сразу же начал названивать по телефону, что был на стене. Я аж заслушался, как он умело: коротко и по существу, докладывает о произошедшем со мной. Минуты две на доклад и минуту на уточнение и всё, мы сидим за столом. Сразу видно опытного человека.

Дальше пошли разговоры по душам. Кто, откуда, куда, зачем? Говорили долго, за это время успели выпить по три стакана чая и съесть почти полный батон белого хлеба с небольшим количеством засахаренного мёда. Я узнал много о Алексеиче, а он, теперь, знал почти всё о Вилоре Тихом. А что? Не про меня же ему рассказывать. Тогда точно НКВД и в гости к "стопятьсот мильёнов невинно осужденным". Оно мне надо? Вот и я про что! Наконец-то определился на местности. Как оказалось, я нахожусь в моих родных местах.

Впереди, в нескольких километрах по направлению к Москве, находится станция Суходрев. Если вернуться назад и немного в лес, то совсем рядом родная деревня Аргуново, а значит и Тихонова Пустынь близко. Там сейчас дед мой. Живой и здоровый. Тот который дал мне, пока непонятное для меня задание.

Сигналист по совместительству, а на самом деле дежурный по переезду Петр Алексеевич ещё, раз пять выходил продемонстрировать жёлтый флажок проходящим мимо составам. Я успел немного почистить брюки и пиджак. Сорочку надо стирать, так просто с ней не получится. Туфли, вообще, просто протёр тряпочкой — стали как новые. Нога, заново перетянутая бинтом, с помощью нового знакомого, почти не беспокоила. Жизнь налаживается.

Милиция появилась через час. Чёрная "Победа" с красной полосой сбоку и надпись "милиция" остановилась прямо возле шлагбаума. Два человека в чёрной форме, фуражках с малиновым верхом и, почему-то, с шашками на боку направились к домику дежурного. Ни фиги себе! Это что за жандармы? Их же, вроде как, ещё во время революции всех уконтропутили. Или я что-то путаю? Смотрю на Алексеича, а он ни ухом ни рылом. Стоит спокойно и встречает гостей. Меня чего, опять куда-то переместило? Да ну нах!

Лейтенант и старшина-шофёр зашли в домик. Алексеич поздоровался с лейтенантом(знакомые наверное?), а мне и делать нечего было. У меня всё на лице написано. Ещё и ухо опухло как пельмень сибирский. Шофёр и сигналист вышли на улицу, а лейтенант сел за стол. Для начала он попросил документы. Пришлось показать все, даже, запечатанный конверт. Затем начался экспресс — опрос (не путать с экспресс — допросом!) с обязательными повторениями и уточнениями. Чувствуется, что этот человек работает в серьёзной организации и имеет богатый опыт в таких делах. Скорее всего во время войны служил в разведке или чего-то в этом роде. Уважаю специалистов. Глядишь найдут мои вещи. Обидно потерять, там подарки от близких людей. Особенно жалко тёплые вещи, которые мне вязала наша нянечка.

Лейтенант выжал из меня всё, даже то, что я не хотел говорить. Но видимо такая у меня судьба — именно сегодня и прямо сейчас вспомнить, в мельчайших подробностях, жизнь Вилора Тихого. Я даже немного благодарен следователю, теперь жизнь этого парня, до попадания меня в это тело, стала намного яснее и понятнее. Дальше, следователь восхитился моим потайным карманом. Как оказалось, именно, такую систему лейтенант видит впервые. Пришлось рассказать, что такой способ расположения внутреннего кармана был придуман в детдоме, ребятами из старшей группы. Следователь сразу разгадал, что проникнуть в карман можно только расстегнув пиджак. Нет, конечно, опытный карманник может разрезать незаметно ткань и вынуть всё что лежит в кармане. Но, для этого нужны определённые условия, которых легко избежать, если знать заранее. Потом пошли конкретные вопросы по внешности бандитов. Но, тут, я ничем не мог помочь. Пытался хоть что-то вспомнить и ничего не получалось. Темно было в тамбуре. Пришлось, даже, описать всю драку поэтапно. Где и всплыли такие подробности как надорванное ухо и отбитая нога. Да-с...

От моих размышлений отвлёт окрик лейтенанта:

— Тихий! Давай заходи, несколько вопросов надо закрыть.

А я что? Я ничего. Встал и пошёл в гости к следователю. Мне деваться некуда. В Мурманск можно попасть только из Москвы. Нет, есть конечно альтернативный путь через Ленинград. Но, где я и где этот город. А это значит, придётся перемещаться вместе с рядом милиции. Пока мне не оформят новые билеты. Кстати, лейтенант обещал доставить

меня в Москву используя свои возможности.

После нескольких уточняющих вопросов, следователь протянул мне бумагу, чтобы я расписался. Читать не стал. В это время протоколы ведутся правильно, без приписок. Так, для вида, просмотрел несколько страниц и подписал в конце. Сначала думал, что не получится правильно поставить подпись. Но, память у тела, какая никакая, сохранилась. Всё получилось на загляденье. Что не могло меня не порадовать. Ещё одной проблемой меньше.

— Подожди на улице, — собирая бумаги в одну стопку, произнёс лейтенант, — через пять минут поедем на то место, где тебя скинули с поезда.

Вот ведь! А я так рассчитывал побыстрее продолжить поездку. Ладно. Надеюсь, что это ненадолго.

— Там пешком-то еле-еле пройти можно, — поспешил предупредить следователя я, — а на "Победе", даже, не знаю пойдём ли?

— Ничего, — уверенно ответил Собкин, — не попробуем — не узнаем! Но, я верю в нашу машину и старшину, он опытный шофёр. В случае чего пешочком прогуляемся. Здесь же недалеко?

Я пожал плечами и попытался объяснить, что шёл-то я пешком и, к тому же, с травмой ноги. Поэтому, как и сколько, оно будет на машине не представляю. На что получил заверения, что в случае чего меня донесут на руках. Ну и ладно. Пошёл собираться(шутка).

Чтобы не говорили в будущем, но, на данный момент, я ехал в машине с настоящими профессионалами своего дела. Мы останавливались возле каждой, моей стоянки. Там где нашёл косьё, там где подобрал кусок материи, где просто отдыхал. Лейтенант всё скурпулёзно осматривал, задавал уточняющие вопросы, что-то записывал в свой блокнот, ходил кругами и смотрел с разных сторон. Старшина-шофёр, кстати, тоже от него не отставал, но его больше интересовали следы на тропинке и различный мусор вдоль железной дороги. Моё дело маленькое — показал и сиди в машине. Они сами всё осматривают. Так, потихоньку мы добрались до того, заболоченного места, откуда началось моё путешествие. Я в эту большую лужу не полез. Ну нафиг. У меня нога болит. Зато, старшина проследовал до места моего приземления и осмотрел там каждую травинку. Ничего не нашёл, но косвенно подтвердил, что упал я в лужу уже без вещей. Вот ведь — Фома неверующий! Да и ладно — это их работа.

Полчаса понадобилось чтобы добраться обратно к будке дежурного. Четверть пути проехали задом, так как развернуться было негде. Но, добрались. Я из машины не вылезал, лейтенант сказал, что он ненадолго. Так и оказалось. Десять минут и хмурый Собкин занял своё место на переднем сидении.

Меня так и подмывало спросить о новостях, но видя недовольный взгляд лейтенанта, решил это дело не педалировать. Старшина, вообще, сделал вид, что его тут нету. Уцепился в руль и не отводил взгляд от дороги.

"Победа" хорошая машина. Дорогу от Суходрева до Калуги, преодолела за час. Это с небольшими остановками. Так-то, без остановок, было бы быстрее. Но что есть, то есть.

Я калужанин. Был. В той жизни. Но, те дороги, по которым мы ехали, не узнавал совершенно. Не внесла ясности и остановка возле одноэтажного здания в каком-то, непонятном тупике с железнодорожными путями. Деревянный забор, столбы с колючей проволокой, груды металлолома и, как вишенка, два паровоза с нацистскими крестами и надписями на германском языке. Я устал, до такой степени, что сразу не обратил внимание на эти железяки. Хотя, что-то такое мелькало в глубинах памяти, но усталость и полная

апатия не дали сосредоточиться на этих вещах. Когнитивный диссонанс в действии. Нужно время и нормальный отдых, желательно с употреблением алкоголя, чтобы осознать всю глубину той задницы, в которой я оказался. Сейчас же просто и тупо плыву по течению. Надеюсь, что лейтенант предоставит какое-нибудь спальное место, чтобы хоть немного отдохнуть. Про алкоголь, я даже не думаю. Ну его на фиг.

Калужский вокзал я могу узнать в любом состоянии, по крайней мере, мне так казалось. Пришлось, в своё время, поучаствовать в ремонте и, можно так сказать, реставрации. Но, с этого ракурса и учитывая моё состояние, чуть не опростоволосился. Не узнал! Блин! Нет, потом-то в спокойной обстановке реабилитировался перед собой, но осадочек, как говорится, остался. Ещё большим удивлением стала надпись на табличке перед входом в двухэтажное здание, к которому мы подъехали минуя вокзал. Даже не сама надпись, а несколько букв на ней — "МГБ СССР". Я конечно не историк, но меня эта надпись удивила. Может я что-то не правильно увидел? Мы же остановились, потоптались немного разминая ноги и сразу же ринулись внутрь здания. Где тут разглядывать всякие подробности? Нога ещё болит. Зараза! Мельком, увидел табличку возле двери, удивился и, пока пришло понимание, почти сразу забыл. Буду выходить, обязательно внимательно прочитаю и запомню. А пока — вот так! Но, не в этом вопрос. Дело в том, что — с какого бока здесь МГБ? Государственная безопасность и милиция, по моему, две разных службы. Или я что-то путаю? Ещё и форма эта, как у жандармов. Откуда, что взялось? Не понимаю!

В кабинете у Собкина, я понял, что такое "строгий минимализм". Стол, два стула, сейф и радио на стене — всё. Как он тут работает? Но, по прошествии нескольких минут, на столе появилась чернильница и стаканчик с карандашами. Дальше ещё интереснее. Из ящика стола, была извлечена пустая папка с верёвочными завязками. Затем, на столе появились несколько чистых листов бумаги и ещё какие-то бланки. Ага! Что-то будет!

Не успел я насладиться чужой работой, как в кабинет зашёл здоровенный старшина(опять с шашкой на боку). Это заставило отвлечься лейтенанта Собкина от насущных дел. Кивнув головой в мою сторону, он попросил старшину:

— Фёдор! Возьми нашу машину и отвези потерпевшего в больницу. Надо снять побои. Ну и проследи, чтобы ему там оказали первую помощь. Намазали чем-нибудь или укол сделали. Короче! Проследишь, чтобы всё было нормально.

— Товарищ лейтенант, — начал гундеть старшина, — куда ехать-то? Обед, наверное, у всех. Ждать придётся, а я с выезда.

— Вот и хорошо, — не согласился Собкин, — заодно покормишь парнишку, после обследования в столовой учительского института. Тьфу! Он теперь педагогический! Никак не привыкну. Как раз, он рядом с больницей "Красного креста". Далеко ходить не надо. Талон, для него, я тебе сейчас дам.

— Может лучше "неотложку" вызвать, — спросил Фёдор, грустно смотря на лейтенанта, — а покушать можно в нашей столовой или на вокзале?

— Фёдор! — начиная закипать, воскликнул Собкин, — где тебе, что-то в моих словах непонятно? Я сказал — в Красный крест! Значит едешь в Красный крест. Я сказал — покормить пацана! Значит берёшь талон и кормишь его. Что непонятного?

— Так точно! Товарищ лейтенант, — вытянулся по стойке смирно старшина и добавил, — всё понятно!

— Выполняйте, — коротко закончил лейтенант и в догонку добавил, — незачем врачей из "неотложки" отвлекать, по пустякам.

Вышли из здания через другую дверь. Поэтому внимательно прочитать, что написано на табличке перед входом не получилось. Ну и ладно. Успею ещё.

Если бы не моя травмированная нога, то этот поход в больницу, а затем и обед, можно было бы назвать самым лучшим моментом этого дня. В больнице, мне, конечно, заново перебинтовали ногу. Но, ходить из-за этого, я лучше не стал. Мне бы костыли, тогда да, а так хромал по-прежнему. Предложили забинтовать травмированное ухо. Я отказался. Также не решился обработать синяки и ссадины. Не очень хочется ходить измазанным в зелёнке. После больницы пошли в институт. Там в столовой накормили от души. Даже не скажешь, что это студенческая столовая. Порция, на мой взгляд, была маловата. Но это сугубо моё мнение. Что поделаться кушать хочется постоянно, а тут ещё утренний променад и растущий организм, который постоянно требует подпитки. Но, от добра добра не ищут. Перекусил малёхо и ладно.

Любоваться пейзажами старой Калуги было некогда. Федя постоянно гундел, о необходимости как можно быстрее вернуться в расположение отдела. Что я могу ему возразить? Давай остановимся и посмотрим на город моего детства! Не поймёт. Однозначно.

Зато, никто не мешал мне, смотреть на улицы Калуги из окошка машины. Впечатлило. Город восстанавливался после войны. Казалось бы, середина рабочего дня, а народу на улицах много. Грузовые и легковые машины, телеги с лошадьми и посреди этого мы. Жаль, что быстро доехали.

В кабинете у лейтенанта Собкина ничего не изменилось. Он что-то заполнял в листах бумаги. Мне делать было нечего. Сидеть на стуле и смотреть на чужую работу, мне быстро надоело. Поэтому я попросил у начальника чего-нибудь почитать. Газеты, журналы всё равно. Начальство долго не думало. Лейтенант мельком посмотрел на меня и позвал старшину.

— Федя проводи товарища Тихого в Ленинскую комнату, — не отрываясь от заполнения каких-то бланков, громко произнёс лейтенант Собкин, — там свежая пресса. Она лежит отдельно. Если интересно то, на столе под стенгазетой, есть подшивки газет этого года. Там и калужская, и центральная пресса.

— Пройдёмте товарищ Тихий, — сказала физиономия старшины Феди, заглянув в кабинет.

А я что? Пошёл конечно. Газеты почитать — это мы всегда готовы. Память у моего тела, конечно, хорошая. Но, освежить воспоминания никогда не помешает. Уже покидая кабинет, я услышал вопрос от Собкина:

— Товарищ Тихий! Вы ничего не вспомнили?

Пришлось остановиться в дверях и ответить:

— Нет, товарищ лейтенант. Но, я работаю над этим.

Ответом мне стал удивлённый взгляд и последовавший, за этим, взмах руки предлагающий побыстрее покинуть помещение. Что я и сделал.

Ленинская комната не впечатлила. Видал и получше. Поэтому, для начала, взял годовую подшивку газеты "Знамя" и уселся на место в президиуме. А что? Зато никому не мешаю и найти меня не трудно.

Калужская газета порадовала обилием информации. Если убрать лозунги и пропаганду, то всё в городе нормально. Получено пять новых автобусов. Теперь их пятнадцать — мало конечно, но лиха беда начало. На правом берегу Оки появился небольшой водный стадион спортивного общества «Буревестник» с трамплином. Город борется за звание самого

благоустроенного. В связи с этим проводятся воскресники. Куда приглашаются все желающие. Комсомольцы разбирают старый театр и очищают Театральную площадь. Заканчивается благоустройство сквера имени Карпова. Возводятся дома на улице Чичерина. Утверждён новый проект Калужского драматического театра и площади возле него. Любимый калужанами футбольный клуб «Локомотив» в сезоне 1948–1949 становится абсолютным лидером области. В связи с этим в 1949 году «Локомотив» допускается к участию в первенстве России среди команд производственных коллективов центральной зоны. Это только те новости за которые, как говорится, цеплялся глаз. Я читал и впитывал эту атмосферу всеобщей радости. Радости от великой победы. Радости от возможности сделать жизнь лучше. Так что порадовался я за любимый город. Жаль, что не удастся погулять по знакомым местам. Меня ждёт Мурманск и мореходное училище.

Полтора часа я потратил на просмотр всей подшивки газеты "Знамя". Прежде чем приступить к центральной прессе, решил немного отдохнуть. Вышел в коридор. Удивительно, но мне никто не встретился. Создавалось впечатление, что все разбежались по делам или наоборот где-то сидят и что-то обсуждают. Попытался выйти на улицу. Но дежурный, что сидел возле входа, меня не выпустил. Блин, даже пресловутого Фёдора не видно. Зашёл в туалет. В небольшом, настенном зеркале посмотрел на своё отражение. Тьфу. Мало того, что дрищ, так ещё и последствия драки красоты не добавляли. Особенно ужасно выглядит ухо. Ещё небольшие припухлости под глазами, пока красного цвета, но уже темнеют потихоньку. Результат от удара в лоб. Завтра буду похож на енота. Может в аптеку зайти. Бадяга, я надеюсь, есть в продаже. Можно, конечно, свинцовые примочки использовать. Но, там лежать спокойно надо. Не, не пойду. Поздно. Уже не исправить. Буду ходить с синяками.

Вернулся в Ленинскую комнату. Там, на моём месте, за отдельным столом сидела девушка и что-то писала. Увидев меня сразу же оживилась и прямо-таки забросала вопросами:

— Здравствуйте! Меня зовут Катерина Воронцова! Вы комсомолец? Я секретарь местной ячейки. Вы наверное новенький? А что у вас с лицом? Вы бандитов задерживали? Сколько их было? Они были с оружием? А я в архиве работаю, по комсомольской направлению.

Жест рука-лицо здесь ещё наверное не знали. Я, на всякий случай, его изобразил. Но это не помогло. Катя продолжала сыпать вопросами и выдавать "на-гора" информацию. Чтобы хоть как-то прекратить этот словесный поток, я положил перед красавицей свой комсомольский билет. И минут пять наслаждался тишиной. За это время смог, наконец-то, рассмотреть это говорливое чудо.

Про рост этого секретаря, я ничего не могу сказать. Так как она сидела на стуле. А вот насчёт внешности это мне повезло. Есть с кем сравнить. Девушка была похожа на Елену Исинбаеву. А судя по темпераменту, то и характер, тоже был под стать прославленной легкоатлетке. Чтобы избежать повторного расстрела вопросами, я решил сам проявить инициативу.

— Привет Катя. Я Вилор Тихий. Детдомовец из Брянска. Здесь нахожусь как свидетель и потерпевший одновременно. Во время следования в Мурманск, где я должен был поступить в мореходное училище, подвергся нападению грабителей. В схватке с бандитами удалось выжить и даже, нанести некоторые повреждения этим уродам. Сейчас жду следователя Собкина. Он обещал посадить меня на поезд до Москвы.

Катерина смотрела на меня широко раскрыв глаза. Видно было, что девушка действительно переживает. С другой стороны, пока я говорю она молчит.

— Катя! Я только что вернулся из больницы. Врач запретил всю активную деятельность. И рекомендовал — тишину и покой. Так что извини, но мне надо отдохнуть.

— Ой, Вилор! Извини меня, — секретарь Воронцова смущённо посмотрела на меня, — конечно же отдыхай.

— Я вон там посижу, — ответил я и показал на стол с газетами, — прессу полистаю.

— Конечно, конечно, — быстро проговорила Катерина, — обрати внимание на последний номер «Комсомольской правды», там про Калугу есть упоминание.

— Обязательно Катя, — сказал я усаживаясь на стул.

Минут пятнадцать в Ленинской комнате стояла тишина, прерываемая только шелестом страниц. "Комсомолку" я просматривал быстро, ориентировался на названия статей. Если что-то привлекало внимание, то останавливался и уже читал более внимательно.

Сначала эта фотография, на первой полосе газеты, не привлекла моё внимание. Но, прочитав название передовицы, я начал внимательно изучать содержание. Сама статья была из серии "ни о чём", а вот фотография главного персонажа чем-то заинтересовала. Пытаясь понять, что тут не так, я, на некоторое время, выпал из реальности.

Я смотрел на газету и не мог поверить. Шок! Молния в мозг и просветление одновременно. Я вспомнил! Я понял! Мысли хаотично метались в голове. Пришлось сжать кулаки и пару раз слегка стукнуть самого себя по кумполу. Помогло. Наконец и до меня дошло, что именно хотел сказать дед, говоря о задании. Ну блин, конспиратор фигов. Так закрутить, блин! Перед глазами вставали картины детства. Дед бьёт кулаком по столу и что-то говорит гостям. Дед показывает на моего отца и призывает его в свидетели. Дед сильно ругается и делает жест, как будто бы сворачивает кому-то шею. И в конце, этого фрагмента памяти, дед проводит большим пальцем по шее — вроде как отрезает голову противнику. Я всё вспомнил. Осталось придумать, что со всем этим делать?

Глава 3

Мои переживания, по поводу задания деда, были неожиданно прерваны. В Ленинскую комнату вошли четыре человека. Екатерина подскочила со своего места и начала рассаживать гостей. Когда все расселись, она зачитала тему комсомольского собрания.

Вот ведь! Не знал я, что тут такие страсти творятся. Обсуждали справку-рекомендацию ЦК ВЛКСМ "О культурном досуге молодежи". Повезло же мне увидеть и услышать, что думают комсомольцы о джазе, о иностранных фильмах и театральных постановках зарубежных авторов. Собственно, даже не вникая в тему, можно было понять, что все присутствующие ссылались на «Выступление Сталина на встрече с творческой интеллигенцией в 1946», что сами неоднократно подчёркивали. Своё, конкретное мнение никто прямо не высказывал. Брались цитаты и из статей или выступлений Сталина. Причём, слова других, известных людей не брались или упоминались вскользь. Это меня немного удивило. Но, вспомнив, в каком времени я нахожусь, решил не вмешиваться в процесс. Пусть всё идёт так как идёт. Чтобы выполнить задание деда, мне, вообще-то, надо очень аккуратно относиться к своим поступкам. Не дай Хронос, что-то изменится в истории — тогда у меня ничего не получится.

Не свезло. Совершенно некстати, обо мне вспомнила Катерина. Она стала размахивать руками, приглашая меня присоединиться к собранию. Как бы я не старался, тоже жестами показать, что не могу участвовать в дискуссии из-за травмы, меня не услышали. Пришлось подойти поближе и поучаствовать. Заодно познакомились с ребятами. Началось всё, ясен пень, со слишком активной Катерины. Которой надоело смотреть, как мы просто разговариваем, на отвлечённую тему.

— Вилор! — неожиданно для всех, громко спросила Екатерина, — не хочешь поучаствовать в собрании? Ты же комсомолец. Что ты думаешь по поводу этой справки из ЦК ВЛКСМ?

Пришлось встать и подойти поближе к центральному столу, где заседала секретарь. Не знаю, что на меня нашло. Но, честное слово, надоело слушать одно и то же. А может Екатерина понравилась и поэтому, я решил обратить на себя внимание? Фик его знает! Короче, вспомнил я кое-что. Решил, что это будет хороший пример личной инициативы, переложённой на собственное мнение. А то цитаты-цитаты и ничего более. Заодно попробовать вспомнить свои навыки в риторике, что не помешало бы. Пригодится однозначно. Учили нас, в своё время, как правильно доводить информацию, до любой аудитории. Надеюсь, что это не сильно повлияет на ход истории.

Начал я с того, что попросил карандаш у секретаря. Быстро набросал, в столбик, несколько фраз на немецком языке с переводом. Потом предложил всем ознакомиться. Екатерина, на всякий случай, прочла эти фразы, на русском языке вслух:

- Мать или товарищ?
- Человек или машина?
- Бог или дьявол?
- Кровь или золото?
- Раса или полукровка?
- Народная песня или джаз?

— Национал-социализм или большевизма? (*Посмотреть изображение плаката можно в доп. материалах).

— Что это Вилор? — почти одновременно спросили все ребята.

— Это выражения с агитплаката нацистов, — ответил я.

— Причём тут этот плакат? — возмутилась Екатерина, — мы, про твоё отношение к джазу спрашивали! Зачем нам нацистская пропаганда?

— Этот плакат имеет самое, прямое отношение к моему мнению о джазе, — начал объяснять я, — сейчас расскажу... В ноябре 1943 года, наш детдом вернулся из эвакуации назад в Брянск. Повезло, что бывшая, дворянская усадьба в здании которой был расположен наш детдом, почти не пострадала. Но, всё равно, водопровод не работал. Электричество отсутствовало. Канализация была забита напрочь. Поэтому туалет был на улице. Нам, пацанам это не мешало, а вот девчонкам — сами понимаете. Если младшая группа пользовалась горшками, то девчонкам постарше приходилось труднее. Наш директор отчаявшись, что-то сделать собственными силами, пошёл в Брянский горком партии. Ему выделили целую телегу, вот таких вот плакатов. Мы ими обклеили стены туалета. Самое место для фашистской пропаганды. Бумага хорошая была — плотная. Содержание — подкачалось. Зато из щелей не дуло.

Я ненадолго прервался. В горле пересохло. Хорошо, что на столе стоял графин с водой. Выпил стакан воды с большим удовольствием. Все в комнате смотрели на меня с изумлением. Самая нетерпеливая, секретарь Екатерина, даже, начала подгонять меня своими вопросами:

— А что дальше-то? Причём тут джаз? Рассказывай быстрее!

— А дальше... Дальше, кто-то перевёл этот текст с немецкого и озвучил результат на совете дружины, — я кивнул в сторону листка бумаги и продолжил рассказ, правда, перед этим пришлось поудобнее усесться на краешек стола, нога всё ещё беспокоила, — я же тогда был пионером. Сами понимаете, как всё это было. Война ещё идёт, общая ненависть к нацистам и фашистам. К тому же, мы все, находясь в эвакуации, помогали как могли раненым в госпиталях. Видели наших раненых воинов вблизи. Были бы постарше, честное слово, убежали бы на фронт. Все без исключения. Кулаки сжимались, зубы скрипели видя наших раненых. А тут эти плакаты. Если смысл всего текста, почти никто не понял, из-за детского возраста, то слова о джазе были понятны всем. Лично в моём понимании это означало, что фашистские народные песни лучше джаза. Наивно, да?

— Нет, что ты?! Нормально! А как иначе? — начали высказываться комсомольцы.

Пришлось ненадолго замолчать. Тело этого активиста, отреагировало соответственно. Слёзы начали скапливаться в уголках глаз. Подождал, успокоился чуть-чуть и продолжил:

— Так вот! На совете дружины, единогласно, было принято решение: слушать джаз назло нацистам. Все поклялись перед знаменем отряда. Теперь понимаете?

— Но, ты же теперь не пионер... — начала говорить Екатерина, а потом вдруг замолчала и с испугом посмотрела на меня.

— Да! Я теперь не пионер, — пришлось встать, чтобы речь звучала более весомо, — но, от своего слова отказываться не собираюсь. Как бы это не выглядело со стороны. Окажешься один раз, потом другой, а потом так и пойдёт. А я, между прочим, собираюсь стать настоящим коммунистом. Если не ошибаюсь, то коммунист всегда держит своё слово! Или не так?

— Так! Всё так, — начали успокаивать меня ребята, — ты молодец, что так решил. Так

и надо!

— Вилор! — раздался голос секретаря, — ты меня прости. Я не подумала. Конечно же надо держать своё слово. Тем более если ты хочешь вступить в партию.

Все в комнате начали бурно обсуждать моё выступление. Я не вмешивался. Потихонечку дохромал до своего места. Сел и стал слушать.

Спор разгорался и грозил вырасти в что-то более, чем простая дискуссия. Ну, вот! Сам, того не подозревая, внёс разлад в ранее сплочённый коллектив. Кто-то из ребят не стесняясь, в отсутствии подходящих примеров, стукнул кулаком по столу. Остальные начали его успокаивать. Чём ещё больше повысили градус спора.

Из коридора начали заглядывать проходящие мимо сотрудники. Они прислушивались к предмету спора, заходили и сами включались в дискуссию. Здесь уже пошли весомые аргументы. Имя Сталина и курс партии упоминались постоянно. Офигеть! Спокойный как скала лейтенант Собкин, тоже, не остался в стороне. Он прибежал в Ленинскую комнату со стаканом чая только посмотреть и тут же присоединился к спору. Даже Федя прибежал и начал орать. Блин...

Я перестал следить за спором и попытался переключиться на свои проблемы, которых тоже хватало. И самая первая — это куда податься? В связи с просьбой деда, мне незачем ехать в Мурманск. Значит надо обустроиваться в непосредственной близости от места действия. Калуга мне подходит на всё сто процентов. Остаётся придумать куда пойти учиться и желательно заочно.

Опять меня отвлекли. Неожиданная тишина в Ленинской комнате и взгляды направленные на меня не оставляли места сомнениям — все, что-то хотят от меня услышать.

— Что? — недовольно спросил я у всех сразу(с какой стати мне быть довольным?).

Наверное, выражение моего лица, чем-то не понравилось окружающим. Потому что все, не сговариваясь, начали обступать место где я сидел. Но, как и раньше, первая не выдержала Екатерина. Вот, блин... нетерпеливая девушка. Она крикнула из-за стола:

— Вилор! Объясни товарищам своё мнение. Многие не согласны с ним.

— А я чё? — начал говорить, пока не очнулись спорщики, — это вы спорите, а для меня всё понятно.

— Что понятно?

— Пусть пояснит! Пусть скажет! Давай Вилор! — это уже не выдержали остальные. Не только комсомольцы, но и остальные присутствующие.

Как там говорил товарищ Суворов? Удивил значит победил — вроде так? Значит будем удивлять. Мне больше ничего не остаётся. И так засветился больше всякой меры.

— У вас тут, как насчёт работы? — спросил я у всех, — учеником можно устроиться или не берут без стажа?

— Какая нафиг работа? — раздалось из толпы, — ты конкретно говори, с чем ты не согласен в письменном распоряжении ЦК ВЛКСМ.

— Какое распоряжение? — я сделал вид, что ничего не понимаю, — мне теперь работу надо искать! А вы про какое-то распоряжение говорите.

Теперь все смотрели на Екатерину. Она, ничего не придумала лучше, как сказать:

— Может ему плохо стало? Вот и не помнит ничего. Посмотрите на него, он же избит весь. Ему отдохнуть надо, а мы к нему с вопросами.

Лейтенант Собкин решил пояснить, для всех окружающих:

— Парень боевой. Сегодня ночью, один против трёх бандитов выстоял. Правда, они его

всё равно смогли вытолкнуть с поезда на ходу. Но, как видите, выжил и даже, активно спорит со старшими несмотря на травмы.

Народ в Ленинской комнате загомонил подтверждая выводы лейтенанта:

— Как же, видим! Боевой пацан! Молодец! Так держать!

Только Фёдор не успокаивался и настаивал на разъяснении животрепещущего вопроса. Он, даже, прорвался в первые ряды, чтобы задать свой вопрос напрямую. Теперь стоит напротив меня и тыкая пальцем в листок бумаги, громко спрашивает:

— Ты внимательно прочитал это распоряжение ЦК ВЛКСМ? Почему тогда отказываешься выполнять, ты же комсомолец? Объясни, а то мы тебя не понимаем?

— Чего тут объяснять? Мне, например, всё и так понятно, — ответил я, — никто не хочет мне помочь. Даже, старшие товарищи коммунисты почему-то спорят о какой-то справке, вместо того, чтобы помочь комсомольцу найти работу и жильё на первое время.

Народ замер, переваривая новую информацию. И теперь, уже, лейтенант Собкин смотря, почему-то на Фёдора, спросил меня:

— Это ты что имел в виду?

— Если в виду — то ничего. А так, я имел рюкзак с тёплой одеждой, — начал объяснять я, — у меня его украли. Все знают, что в Мурманске холодно. И как мне говорили, в матросской форме не так уж и тепло. Поэтому надо за лето заработать на новую тёплую одежду. Ну, или хотя бы, чтобы купить свитер и вязанные носки. Мне кажется, что в Заполярье без них не обойтись. А вы, мне, не хотите помочь. Всё какие-то дурацкие вопросы задаёте.

Но, я не учёл характера и способностей этих людей. После войны прошло всего четыре года. Здесь собрались люди которые точно воевали, к тому же работа в транспортной милиции, тоже не отдых в Крыму. Происшествия случаются каждый день. Лейтенант Собкин по моему догадался, что я над ними издеваюсь. Блин... Заигрался я. Сейчас меня будут ставить на место.

— То есть, говоря другими словами, — начал закипать лейтенант Собкин, — мы занимаемся ерундой, вместо того, чтобы искать твои вещи? Так?

Что мне оставалось делать? Особенно, когда на тебя смотрят куча парней с пашками на боку и револьверами в кобурах. Пришлось согласиться с лейтенантом. Зря я это сделал. Теперь, уже все начали кричать, о моей неблагодарности и сомневаться, что я буду когда-нибудь коммунистом, с такой точкой зрения.

Вспышка активности прекратилась очень быстро и, слава богу, не переросла в рукоприкладство. Собкин держал ситуацию под контролем. После его короткой команды: "Тихо все!", всё замолкли. Лейтенант выдержал небольшую паузу. Потом поинтересовался:

— Что ж ты, товарищ Тихий молчишь? Скажи что-нибудь старшим товарищам. Объясни свою точку зрения. А то я уже стал сомневаться в твоей преданности делу революции.

Да-с, шуток здесь не понимают. Ладно. Надо как-то разруливать эту неприятную ситуацию. А то, согласно неправильным выводам, меня ещё и расстреляют без суда и следствия. Нафига я это всё затеял? Захотелось перед красивой девушкой покрасоваться? Долбанные гормоны и дурацкая привычка спорить по любому поводу. Умом понимаешь, что так делать нельзя, а язык живёт отдельной жизнью. Попробую сгладить углы и, при этом, остаться в выигрыше. А там глядишь Екатерина покажет мне город, пока я буду искать жильё? А может к себе пригласит из чувства комсомольской солидарности? Тьфу, блин! Размечтался, Дон Хуан шестнадцатилетний.

— Ладно! — спокойно, не вставая со стула, начал объяснять я, — извините, погорячился! Может дадите возможность исправиться?

— Валяй! — тут же отозвался Собкин, занимая ближайший стул, — товарищи, рассаживаемся на свободные места. Сейчас нам лекцию читать будут, на тему — как не выполнить приказ ЦК ВЛКСМ.

Народ проникся и, под надзором начальства, стал рассаживаться за столы. Вот, что мне нравится в людях этого времени, так это вера в приказ. Сказали тебе молчать, значит будут молчать. Сказали сесть за стол, сядут и будут ждать продолжения.

— Товарищи! — начал я, вспоминая всё о правилах риторики, — сразу хочу сказать, что произошло непонимание ситуации в общем. Сейчас всё объясню. А то меня тут, чуть ли не во враги записали.

Небольшой шум в комнате, резко пресек лейтенант Собкин. Немного приподнявшись над стулом, он погрозил кому-то кулаком. Когда тишина восстановилась, я продолжил:

— Так вот! Я сидел и читал газеты, когда меня попросили рассказать, что я думаю о джазе. Правильно Екатерина!

Девушка прямо с места громко затараторила:

— Да! Так и было. У них там забавный случай произошёл в детском доме. Они все поклялись слушать джаз на зло фашистам. Представляете! А перед этим...

— Достаточно Катерина! — я постарался сказать, как можно более мягко, но получилось так, как получилось, — это отдельная тема. Сейчас же о этом распоряжении.

Пришлось поискать на столе эту выписку. Когда нашёл, то сразу спросил у присутствующих:

— Вы сами читали эту справку или только на словах знаете?

Мнение в коллективе разделились. Кто-то кричал с места, что конечно же внимательно читал, а кто-то, что использовал конспект. Меня это полностью устроило и я продолжил:

— Всё вы здесь люди военные. Знаете, что такое приказ и чем он отличается от просьбы. Правильно?

Всё со мной согласились. А некоторые, даже, захлопали в ладоши. За каким надом, они это сделали — я не знаю. Впрочем, успокоились они так же быстро, как и начали.

— Тогда я задам ещё один вопрос. Где-нибудь, в тексте, вы видите слова: приказ, приказываю, приступить к исполнению или что-то подобное?

Народ, резко подхватился, начал шуршать бумажками. Некоторые, особо исполнительные, бросились к столу с газетами и стали, что-то там искать. Самые неподготовленные куда-то выбежали.

Я уселся на стул поудобнее. Закинул ногу за ногу и стал наблюдать за происходящим. А что? Вполне нормальная рабочая обстановка. Кто был на планёрке в крупной строительной компании, особенно в конце месяца, тот посмотрит на происходящее как на детский праздник. Всё мирно и культурно. Все стараются поучаствовать с полной отдачей и никто не прячется за спинами других. И хотя, с самого начала, собрание было комсомольским, то что здесь присутствуют коммунисты или кандидаты в партию никого не удивляет. Да-с. Чувствую себя Воландом в Московском варьете, когда он рассматривал людей в зрительном зале.

В комнате всё чаще звучали возгласы, о том, что я прав. В справке не было ни одного слова похожего на приказ.

Пришлось привлечь к себе внимание, простым способом — похлопать в ладоши. Когда

все более менее успокоились, я задал вопрос:

— Мне продолжать? Или все уже сами догадались?

— Продолжай! Что посоветуешь? Молодец! Так держать! — раздались выкрики со всех сторон.

Екатерина подбежала и пожала мне руку. Потом начала быстро говорить:

— Ты молодец! Как всё хорошо объяснил. У вас в детдоме все комсомольцы такие? Надо организовать встречу с вашими воспитанниками. У вас наверное очень хорошие воспитатели?..

— Спасибо Катя, — мне пришлось прервать этот поток слов и чуть-чуть отодвинуть девушку в сторону, — я продолжу, а то люди ждут.

— Да, да конечно, — быстро проговорила девушка и побежала на своё место.

— Как видим, у этой справки рекомендательный характер, а не исполнительный, — не громко, но с уверенностью в голосе, произнёс я, — отсюда вывод: ЦК ВЛКСМ оставило право решать — что делать, за самими комсомольцами. Мы, например, в нашем детдоме оставили всё по старому. Только, убрали из списка джазовых исполнителей, самых криворуких и не музыкальных. Да и действительно, их джаз совсем не похож на музыку. Набор звуков и ничего более. Вот как-то так!

Тишина, в Ленинской комнате, показала мне, что я на правильном пути. После недолгой паузы я продолжил:

— Поэтому, когда меня спросили, что я думаю о этом распоряжении, мне нечего было сказать. Для себя я всё уже давно решил. А так как у меня сейчас все мысли, о том как попасть в Мурманск, то и ответ был однозначный. Извините.

— Тебе не надо извиняться, — сказал, подойдя ко мне Собкин, — это наши, слишком упёртые и недалёкие комсомольцы, наоборот должны перед тобой извиниться.

Лейтенант, жестом отправил меня в первые ряды, а сам, уперев одну руку в бок, другую положив на шашку, начал раздавать "пряники":

— Ну что? Уделал вас пацан? Это ж надо, не обратить внимание на название документа? А ведь двое из вас подали заявление на вступление в партию! Да и ладно комсомольцы, а вы куда смотрели товарищи коммунисты? Первый раз, что ли видите такой документ?

Блин... Я стал невольным свидетелем полного разноса, неплохих в общем-то людей. Вся толпа сидела опустив головы и внимательно изучала пол в комнате. Только Катерина, с мольбой смотрела на Собкина и тянула руку, прося слово. Но, лейтенант ещё не закончил. Скорее всего, сейчас начнётся заключительная часть воспитательной работы с коллективом. Угадал. Товарищ Собкин, не дождавшись ответов от присутствующих, начал выносить приговор:

— С этого дня, я буду раздавать задания по политграмотности. Каждую пятницу экзамен, на знание документооборота и семинары, на тему полит устройства Советского государства.

Общий вздох уныния и тихий скрежет зубов, с тайным обещанием всё вспомнить в своё время. Но, ни одного возмущённого слова произнесённого вслух. Все всё поняли и приняли как данное к исполнению.

А чтобы не заканчивать собрание, на печальной ноте, Собкин предложил сотрудникам выход, как он это понимает. Правда, сделал это как-то слишком по начальственному. Но, всё равно, получилось очень запоминающе.

— Теперь надо поблагодарить нашего гостя, — с самым серьёзным выражением лица, сказал Собкин затем несколько секунд помолчав, громким голосом скомандовал, — товарищи милиционеры — встать, смирно! Спасибо нашему гостю!

— Ура! Ура! Ура!

Вот ведь! Пришлось благодарить. Хоть и незаслуженно, но вполне в духе времени. Минут пятнадцать я пожимал руки сотрудников милиции. А когда, вроде, всё закончилось, мне начали поступать предложения. Кто-то мог подарить вязаные носки. У кого-то есть свитер, как раз на меня. А один пообещал принести рюкзак, почти новый. Только переночевать никто не звал, оно и понятно, все женатики и отцы семейства. Куда там пятером ютиться в одной комнате. Я пообещал всем, что приду завтра, чтобы посмотреть на вещи. Хотел заикнуться об оплате, но после недолгих размышлений, решил этого не делать. Не то время, не те люди. Взаимопомощь и взаимовыручка, особенно среди молодёжи, одно из самых ярких реалий этого времени. Сегодня помог ты, завтра помогут тебе.

Всё разошлись. Мы с Катериной остались в комнате одни. Я опять уселся за газеты. В конце концов нужно знать, чем дышит Калуга и Советский Союз. Может прочитаю что-то, что мне пригодится в последствии, когда буду выполнять поручение деда. Екатерина расставляла стулья и двигала столы, действуя по какому-то, только ей известному, принципу. Удалось, достаточно точно, сравнить её с олимпийской чемпионкой из нашего времени. Фигуру, конечно, в подробностях не видел, но, по моему один в один, как у Исинбаевой. Вот ведь, что гормон неудовлетворённый делает. Вроде, только недавно еле ноги переставлял, а стоило увидеть красотку, тут же забыл обо всех проблемах. Хотя, что я хочу от шестнадцатилетнего детдомовца. Там, в детдоме, о пестиках и тычинках, знают не понаслышке. Но, стараются этими знаниями не афишировать. Уголовный кодекс, неоднозначно рассматривает отношения между несовершеннолетними.

Екатерина, когда все разошлись, закрывая дверь в Ленинскую комнату, предложила мне место на полу в её комнате. Как оказалось она снимает комнату, недалеко от вокзала. Буквально в пятнадцати минутах ходьбы. А я что? Согласился конечно. Переночевать с красивой девушкой, хоть и на полу — то что надо! Хотя, не в моём состоянии, и с такой внешностью, на что-нибудь рассчитывать. Мной, наверное, можно площадь освещать, если поставить посередине. Фингалы под глазами прекрасно заменят самые лучшие, уличные фонари.

Опять мне не повезло — не удалось прочитать табличку на входе в здание. Ладно — фигня. Это не самое главное.

Мы с Катериной шли по старой Калуге. Я ничего не узнавал. Вообще. Ну, не помню я эти деревянные домики и улицы на которых они стояли. Их, скорее всего, снесли до моего, прошлого рождения. Можно было, конечно, спросить у моей спутницы — что и как? Но, как-то постеснялся. К тому же, всю дорогу мы разговаривали. Тем было много. Я ей рассказывал о жизни и выживании в эвакуации, а она, о том, как работала во время войны. Нормальный разговор ни о чём серьёзном. Как раз чтобы скрасить время проведённое в пути. Пару раз останавливались. Рвали малину и тут же ели. Куда смотрит местная детвора? Почему ещё не всё кусты оборвали?

Неожиданно, после поворота из какого-то переулочка, я увидел ЕГО! Блин... Это был он — Брянский мост! Офигеть не встать! В моё время от него остались только быки опор. Сейчас же я вижу его полностью. Да-с!

Пришлось делать вид, что просто поражен висячим мостом, дабы не вызывать ненужных подозрений. А так, всё нормально — парень из провинции увидел красивую, железную штуку, вот и восхищается. Надеюсь, что прокатит. Так как, мы вышли немного сбоку от моста, то я попросил спутницу пройти под этим чудом. Что, собственно, мы и сделали. Надо сказать, что было как-то не по себе, когда проходили под мостом. Но, слава хорошей погоде и прекрасному настроению, прошли спокойно.

Дальше пошли хоть и незнакомые, но уже узнаваемые места. По крайней мере, я мог, опираясь на свою память, понять где мы находимся. Главным ориентиром стал мост. Теперь уже не так неуютно себя чувствую.

Наша неспешная прогулка продолжалась. Мы пересекли Московскую улицу и углубились в частный сектор. Петляя по узеньким проулкам добрались до Крестовского монастыря. Точнее, до того, что от него осталось. Это уже знакомые мне места — Поле Свободы. До революции это было Крестовское поле, потом его переименовали. Буквально в километре находится дом в котором я жил. Но, мы идём в другом направлении — мимо Пятницкого кладбища в сторону Подзавалья.

Перейдя, ещё одну улицу, мы вышли к клубу Машзавода. Здесь, в небольшом скверике, задержались, чтобы немного отдохнуть. Только присели на лавочку, как к нам подошла компания. Мне-то что? Ходят люди мимо, ну и пускай ходят. У меня здесь знакомых нету. Но... Всё пошло не так.

Глава 4

Мы бежали. Бежали быстро, как могли, точнее, как позволяла моя повреждённая нога. Нырjali в какие-то проулки, перелезали через невысокие изгороди, ломались сквозь заросли кустов, огибали деревья. Эти яблони, груши, вишни, да и смородина с малиной превращали мой костюм в нечто абстрактное. Как держала темп бега Катерина, я не знаю. Но, вроде бы постоянно находилась рядом и даже, поддерживала меня. А значит справлялась, при этом успевала командовать и направлять. Чуть не сдох, честное слово. Всё-таки это тело не было приспособлено к таким гонкам.

Наш забег закончился возле изгороди, обыкновенной пятистенки с садом и огородом. Катя по-хозяйски, совсем не стесняясь влетела внутрь. Меня она, через пару секунд, затащила во двор за рукав пиджака, увидев что я не тороплюсь заходить. Даже не дала отдышаться. А я не хотел идти в грязной одежде, тем более в гости к девушке. Но, кто меня будет спрашивать. Согласился, куда ж деваться и потом больше не сопротивлялся. Ну нафиг, спорить с девушкой. Сколько живу, столько и убеждаюсь в этом. Особенно, если она, чего-то там вбила себе в голову. Теперь жду обещанный ужин и одновременно с этим, пытаюсь привести в порядок свой костюм. Работаю деревянной одежной щёткой, а чтобы не было скучно, вспоминаю все подробности нашего небольшого приключения.

Как знал, что парни подошли к нам неспроста. Трое из пяти, как оказалось, узнали мою спутницу. Да и остальные, походу, были с ней знакомы, пусть и заочно. Всё бы ничего но, в какой-то момент, они переступили ту грань, что отделяет шутку от оскорбления. Катя с мольбой посмотрела на меня. Что ж, как говорил один известный персонаж: — «Вечер перестал быть томным».

Я, даже в свои лучшие годы, не смог бы справиться с пятью крепкими парнями. Пусть, они были слегка выпивши и, как следствие, реакция была ослаблена, но пять человек это в пять раз больше, чем я один. И надо не забывать, что мои травмы ещё не прошли, поэтому в драку лучше не ввязываться. Тут, ещё и телосложение подкачало. А значит ударить в полную силу, я не смогу. Короче, драться мне нельзя — однозначно. Огребу по полной программе, но и отступить совесть не позволит.

Совершенно некстати Екатерина уронила свою сумочку. Я наклонился чтобы поднять. С точки зрения самообороны этого не стоило делать. Терять противника из поля зрения — грубая ошибка. Но, как оказалось, кто-то наверху мне ворожит и направляет. Потому что под скамейкой лежала простая, дворницкая метла. Мысленно возблагодарив всё, вся и всех, я незаметно пододвинул метлу к себе поближе. Это был шанс! Шанс уйти без потерь и с минимальными повреждениями.

Я не шаолинский монах и не изучал бой с шестом. Но, на узкой аллее с помощью этого мирного предмета, можно спокойно, некоторое время, держать этих парней на расстоянии. А там как карта ляжет. Или Катя убежит, или менты появятся, или всё вместе случится. За себя я не боялся. Больше, чем в поезде, я не получу. Это не гопники, а просто выпившие работяги. Пришли на танцы в клуб, а тут мы, такие смешные попались. Поэтому будут бить сильно, но не насмерть.

Ребята продолжали насмехаться над нами. Я встал, взял за руку Катю и потянул на себя, помогая подняться со скамьи. Мне нужно, хотя бы несколько секунд, чтобы объяснить ей,

как действовать. Сделал шаг вперёд, оставляя девушку за спиной. Парни замолчали, с настороженностью смотря на меня. Ничего...но, мы же знаем, что «удивить значит победить». Поэтому я, вместо обычных приветствий, самым нормальным, русским языком пожелал ребятам, хорошо провести вечер, желательно пешком и не стесняться в способах удовлетворения своих желаний. Так же, я посоветовал им обратить внимание друг на друга, для этого посетить вместе уютное заведение с хорошей ритмичной музыкой, потанцевать вволю парами. А если не получится или чего-то будет недостаточно, то обратиться к ближайшим родственникам чтобы удовлетворит свои, самые интимные желания. Причём, я не просто говорил, а говорил очень громко. С одной стороны — я привлекал внимание, а с другой — выигрывал время. Не скажу, что моя речь заставила парней отступить от задуманного. Но, на какое-то время они впали в ступор или застыли в изумлении — не знаю. Короче, у них, по научному, был шок, что и дало мне немного времени.

Дальше всё стало происходить очень быстро. Я подтолкнул Катерину к выходу из скверика и крикнул ей:

— Беги отсюда! Беги и зови милицию!

Сам быстро наклонился и достал метлу. Ну всё! Слова закончились, пора применять оружие. Ясен пень, что ничего серьёзного, я сделать не смогу, но какое-то время выиграю. Чтобы придать весомость и хоть как-то напугать гопарей, я заорал что-то в стиле русских воинов. Только они больше про Русь и Отечество кричали, а я всё больше про мать иху. Ну и конечно, стал размахивать метлой, стараясь действовать резко и размашисто. У меня же простая цель, не дать пройти хулиганам, поэтому машем метлой и улыбаемся. Пару раз, вспомнив стройбатовский КМБ и упражнения с карабином Симонова, ткнул черенком двум зазевавшимся разгильдяям в район пуза. Так уж получилось, что попал хорошо. В какой-то момент, я даже поверил, что смогу выполнить всё, что задумал. Так как, парни, не ожидая от меня столь резкого перехода от пассивной обороны к активной атаке, начали сдавать назад, то есть отступать. Но, не даром время сейчас такое — послевоенное. А хлопцы выросли и жили во время войны, поэтому быстро сориентировались. Подобрали всё, что смогли найти под ногами и начали закидывать меня мусором. Это были мелкие камни, я бы, даже, сказал щебень и какие-то ветки, палки и почему-то старый ботинок. Мне сразу же прилетело много и никакая метла не помогла. Не сильно, конечно, но очень неприятно. И отвлекло немного, тоже. Я немного замешкался, а они этим воспользовались. Перешли в нападение размахивая кулаками. Мне пришлось, со всего маха, бросить метлу в противников. Сильно не вышло — не городошная бита всё-таки, но зато отвлекло. Пусть на пару секунд — мне и этого хватило. Развернулся и с той скоростью, которую мне позволяла развить повреждённая нога, бросился за Катериной.

Уважаю комсомольцев, а особенно комсомолок. Настоящих, переживших войну и всегда готовых на любое действие, которое ведёт к установлению справедливости. Ну... или к победе коммунизма, кто во что верит. Очень уважаю. Да-с!

Так вот! Короче, я, как спринтер-инвалид хромая выбегаю из скверика, так сказать, на оперативный простор, а тут Катерина заняла оборону. Стоит на четвереньках и своими, тоненькими пальчиками ковыряет мостовую. Добывает оружие пролетариата — булыжники. Я так понимаю, она собирается меня защищать. Я обожаю эту страну! Я обожаю это время! Снимаю шляпу, перед этой девушкой. Но и задерживаться нельзя, топот противников слышно прекрасно. Катерина, как гранату, метнула камень в сторону аллеи. Да и фик с этим, но, она ещё и заорала, как паровозный гудок — полностью нас демаскируя.

Полностью охренев от происходящего, я хватаю мою защитницу и быстро ковыляю, куда-то в сторону самой, тёмной подворотни. Катя врывается и ругается. Я её встряхиваю за плечи. Она смотрит и походу не узнает меня. Пришлось тащить за руку в темень.

Как оказалось, мы забежали во двор двухэтажного дома. Был бы я поменьше возрастом и ростом, то спрятаться не составило бы труда. Небольшой дворик с дровяными сараями и кустами жасмина. Тень, от самого дома, накрывала почти весь двор. Некоторые лавочки спрятались в густых зарослях плюща. Но, как оказалось, Катя думает по иному. У неё даже мысли не возникло, чтобы позорно прятаться по подворотням и кустам. Перехватив инициативу, она нашла другое решение(когда только сообразила?), ухватила меня за рукав и потащила в самый густой куст сирени. Там, не секунды не раздумывая, отодвинула доску в заборе и нырнула туда. Вовремя! Злые и чем-то огорчённые парни начали бегать по двору. Наверное ищут вход в столовую «Голубая устрица», куда я их послал, и не могут найти. Удачи в поисках, а мы погнали дальше.

Что там, дальше, делали эти неудачники, я не в курсе. Мы, сначала потихоньку, а потом всё быстрее стали углубляться в частный сектор. В какой-то момент, прямо рядом с нами, раздались крики и радостные вопли. Катерина, почему-то решила, что это наши преследователи. Она резко свернула в сторону и прибавила скорости. Так и бежали, если это можно так назвать, до упора. Собственно это всё, что произошло, до того момента, как мы пришли к Кате в дом.

Ужин меня порадовал. Жареная картошечка со шкварками и салатик из редиски с зелёным луком заправленный сметаной, в прикуску с чёрным хлебом. На мой вопрос:

— Откуда такое богатство, ведь сейчас не сезон? Для молодой картошки ещё рано, а старая наверное давно закончилась.

Катя мне ответила:

— Соседи поделились. У них немного осталось, после посадки. Пол-мешка отдали за два рубля. Хорошая цена, если учесть, что на рынке торгуют по пятьдесят копеек за килограмм.

Мне на это нечего было сказать. Я не в курсе нынешних цен, а память Вилора молчит. Не ходок он был по рынкам. С другой стороны — а не пофиг ли мне? Покушали и нормально. Так что разговор, на эту тему, сам собой закончился. Мы, ещё долго пили чай и разговаривали на разные темы. Обсудили всё. Даже ненастную погоду затронули. Как оказалось июнь 1949 года выдался холодным. Температура днём, редко была выше двадцати градусов, а буквально, на позапрошлой неделе, ночью, вообще приближалась к нулевой отметке. Поэтому все, у кого были сады и огороды, ночью жгли костры. Повезло, что у хозяев дома, где Катя снимает комнату, было прошлогоднее сено. Его и использовали, для создания дымовой завесы. Не знаю помогает это или нет, но вроде всё обошлось.

Катя, после моих неоднократных просьб, наконец-то прояснила всю ситуацию с нападением. Всё просто и банально. Один из напавших оказался её несостоявшимся женихом. Она, уже полгода как, перестала с ним встречаться. Парень был любитель выпить, что собственно не удивительно для этого времени. Но, как оказалось, выпивши он становился буйным и неуправляемым. Это и стало причиной размолвки. Ведь никому не запрещалось, после работы зайти в одну из многочисленных рюмочных или пивных и выпить. Так этот парень выпивал ежедневно и регулярно, после работы, в компании или в одиночестве. Тем более, что в Калуге питейные заведения были на каждом углу. Так уж получилось или просто нам не повезло, но впервые, с момента расставания, они встретились сегодня. Дурацкая

ситуация получилась. Но, слава недремлющему оку деда, всё закончилось нормально.

Пока окончательно не стемнело, мы вышли во двор, чтобы посидеть на свежем воздухе. Соседей не наблюдалось, так что никто не мешал нам наслаждаться видами калужского бора и поймы речки Яченки. Сейчас я уже сориентировался и знаю район, где нахожусь. Кстати этот дом, а точнее место, где он находится, мне знакомо. Тут, в далёком будущем, я принимал участие в строительстве больницы УВД. Один из первых моих субподрядов, где я выступал в качестве бригадира. Да-с...есть что вспомнить.

Незаметно стемнело. Катерина пошла в дом, а я остался ждать команды к отбою. Сидел на скамейке, смотрел как постепенно погружаются в темноту окрестности. Мысли, как таковые отсутствовали. Мне было просто хорошо. Вдалеке, то удаляясь, то приближаясь тархтел двигатель мотоцикла. Но, даже это не могло испортить мне настроение. Эх! Ещё бы музыку, какую-нибудь подходящую под настроение, типа баллад от группы «Scorpions» или «Blackmore's Night», было бы вообще замечательно. Но, чего нет того нет.

Блин! Мотоцикл! В голове тут же возникла картина, как мы с ребятами аккуратно выкатываем старый, весь в пыли и паутине, со спущенными колёсами, немецкий мотоцикл из сарая. Это было, как раз недалеко отсюда, буквально через один двор. Что, тут же подтвердилось — мотор мотоцикла заглох совсем рядом. Вот ведь — встреча через века. Не ожидал! Тогда ещё возник спор, по поводу марки этого чуда техники. Я не лез, так как не был экспертом в немецкой технике. Но, нашлись специалисты которые опознали, по одним только им известным признакам, германское производство. Потом, долгие три месяца, этот аппарат стоял возле нашей бытовки, пока не исчез в неизвестном направлении. Только, через десяток лет, мы вспомнили о нём, когда начался бум, на всякие раритеты военной техники. Сожалели что не сохранили. Надо же, а здесь, на нем ещё ездят. Чего только не бывает в жизни. Хотя, с какой стати я прицепился к этому мотоциклу? Может это вообще не тот. Что тут, мало трофеев осталось после войны? В каждом доме, небось, по мотоциклу стоит. Размечтался, блин... Развспоминался... У меня, между прочим, задание есть. Вот о чём надо думать, а не про трофеи мечтать. Мечтатель доморощенный. Ещё и Катерина куда-то пропала. Мне бы сейчас не помешало лечь и подумать в спокойной обстановке. Хотя и на полу. Страшно подумать, суток не прошло с момента моего попадания в это время, а уже столько всего произошло. Пойти помочь что ли?

Не понадобилось никуда идти. Катерина, как будто бы специально ждала этого момента и наконец-то позвала меня. Слава всем, кто там, где-то извне приглядывает за мной: прямо, косвенно или вообще в зависимости от настроения! Честное слово, мне больше, от вас, ничего не нужно! Можете отдыхать и не смотреть в мою сторону — я буду спать.

Мои ожидания не оправдались. Как бы я не старался заснуть, ничего не выходило. Это прямо какое-то проклятие. На улице глаза сами собой закрывались, а стоило лечь спать и всё — сна ни в одном глазу. Как бы не ворочался с боку на бок, ничего не помогало.

Овец считать, чтобы заснуть, я не стал. Ну их в малину. Зато стал строить далеко идущие планы, на мою будущую жизнь. Для начала, определился с местом учёбы. В связи с заданием, Мурманск мне не подходит категорически. Так что, пока останавливаюсь на Калуге. А что? Вместо мореходки пойду учиться в строительный техникум. Один раз, в той жизни, я его уже закончил. Почему бы и в этой не повторить? Не думаю, что это станет большой проблемой. Учили меня в советское время, значит, по идее, процесс ничем не будет отличаться. А если удастся повторить результат и окончить с красным дипломом, то перспективы открываются замечательные. В конце концов, кто мне может помешать? Не

знаю, но это уже не мои проблемы. Значит, всё, решено — иду в строительный техникум. Только, для лучшего эффекта и пользуясь моим послезнанием, идти надо на заочную форму обучения, ну или, если совсем будет неважгота, то на вечернюю. С этим решил, теперь непосредственно о задании.

Честное слово, даже думать не хочу об этом, чтобы не дай лом, где-нибудь не проговориться. А что? Всякое бывает. Мне это тело не знакомо. Может он разговаривает во сне или под действием девичьих чар, во время романтического ужина, становится болтливым. Хз. Так что лучше буду молчать и действовать аккуратно, как сапёр во время работы. Потихоньку, помаленьку, с толком и расстановкой по местам и никак иначе. В этом мне поможет мой дед, не тот что дал задание, а тот что по матери. Блин... сам запутался. Короче, у каждого человека есть два деда по определению. Вот и у меня так же! Один, по отцу, в деревне живёт и в ус, гад такой, не дует. Только и может, что задания невыполнимые выдавать. Второй, по матери, тут в Калуге живёт и работает столяром на заводе. В свободное время, занимается любимым делом — делает мебель на заказ. Между прочим, делает всё дома и из своего материала. А почему бы и нет? Если для этого всё есть. Есть токарный станок с ножным приводом. Есть трёхметровый верстак с различными прибабасами и целая куча всякого разного инструмента. Вот на него-то у меня есть определённые виды. Надеюсь что я не ошибаюсь.

Теперь о том, что мне может пригодиться в жизни до, во время и после завершения задания. Во-первых это деньги — и я знаю где их взять. Во-вторых это транспорт — и это тоже не проблема. В-третьих это карьера — здесь пока, не знаю в каком направлении идти или по партийной, или по профессиональной. Позже разберусь. Тут над этим надо хорошо подумать, так что, потом — время есть.

Может человек спать и решать свои проблемы? Не знаю. Но проснулся я с помощью Катерины. Когда заснул не помню. Ощущение такое, что вроде пытался найти решение своих проблем и бац... а меня уже будят. Да и ладно. Проснулся и проснулся. Трусой добежал до отдельной кабинки, что находилась в саду. Потом, слегка размялся, стараясь сильно не напрягать травмированную ногу. Через недельку можно будет выкладываться по полной программе. Надо, надо это тело приводить в нормальное состояние. А то даже стыдно перед моей соседкой. Кожа да кости одни, на которые смотреть страшно. Тьфу... блин! Что она про нас детдомовцев подумает? Что, бедных детей оставшихся без родителей, там не кормят нифига!? Последствия, в исполнении этой девушки, будут непредсказуемые. Или закормит до смерти, или поедет в Брянск разбираться, на месте с сотрудниками детдома.

Колодец на участке был свой. Так что, никто не мешал мне принять водные процедуры. Пришлось, правда, вместо полотенца использовать свою сорочку, но результат себя оправдал. Тело зажило с новой силой и реально попросило пожрать. С музыкальным сопровождением, исходящем от голодного пуза, я появился на завтраке. Калёные яйца с зелёным лучком и чёрным хлебом, утихомирили бунтующий желудок. А сладкий чай с творогом вприкуску, отправили ненасытное чудовище в нирвану.

Мне собрался только пыль смахнуть с туфель. Катя тоже, не на приём к английской королеве собиралась. Так что вышли из дома, через десять минут после завтрака.

Оглянувшись напоследок на Катеринин дом(возвращаться пока не собираюсь) я, почти не хромя, поплёлся за девушкой. Немного попетляв среди частных домов, мы вышли к незнакомому мне роднику. Тут Катя набрала воды в заранее приготовленную бутылку. Я тоже не стал тормозить и напился вкусной воды вволю. Дальше опять пошли заборы и

частные дома, а когда я совсем запутался, мы неожиданно вышли к улице Чичерина. Вообще не понял как? Да и знакомую с детства улицу пока ещё было не узнать. Её только заново начали строить и благоустраивать.

Мне показалось или обратная дорога оказалась гораздо короче, чем вчерашний забег? Мистика какая-то!

По дороге разговаривать было некогда. Шли быстро и, как оказалось, не совсем туда куда я думал. Пришли в медкабинет. Где мне заново перебинтовали ногу и намазали, какой-то гадостью, все синяки и ссадины, не обращая внимание на мои возражения. А что? Между прочим, это мне целый день ходить измазанным, а не им. Вот и возмущался. Катя пообещала, что скоро вся эта хрень впитается и ничего не будет видно. Посмотрим.

Круто поменяли направление. В этот момент я понял, что совсем не знаю свой родной город. Блин...пока пытался понять, где нахожусь мы уже пришли в отдел. И опять заходили не с главного входа. Да ну нафиг. Или Катерина владеет магией перемещения, или я вообще отказываюсь что-либо понимать.

Злой, на самого себя и на свою куцую память, зашёл в Ленинскую комнату. На столе, рядом с подшивками газет, лежали тёплые вещи и рюкзак. Они принесли не обманули. Я не знаю что сказать. Сказать, что слёзы навернулись в глазах и в груди, за рёбрами разлилась ноющая боль — так это всё равно не передаст всех тех эмоций, которые навалились на меня. Слова благодарности этим людям и слова проклятий, тем кто допустил то, что мы это всё потеряли. Всё переплелось. Поблагодарить людей и рассказать? Не могу сказать вслух. Не получится. Да и не надо. Некому говорить — здесь и сейчас люди другие, а значит меня не поймут. А если поймут, то не простят. Ух... блин! Как меня накрыло-то. Теперь, я точно знаю, что выполню просьбу моего деда. Чего бы мне это не стоило.

Всё! Нафиг! Вещи в рюкзак. Рюкзак на плечи и вперёд. Надо найти лейтенанта Собкина и узнать у него, о последних новостях и поделиться одним воспоминанием. Потом попробовать выпросить машину, чтобы доехать до будущей работы. А то я, с этой ногой, не скоро туда доберусь. Документы в техникум, на сколько я знаю, принимают до сентября. Если, конечно, я что-нибудь не путаю. Так что это терпит. Работа важнее.

Следователь встретил меня мрачной физиономией. Ничего не знаю — моей вины в этом нет. И вообще, я только что пришёл!

Собкин посмотрел на бумаги, потом на меня и сказал:

— Мало примет. Никого не нашли. — немного помолчал, подумал и спросил, — ничего не вспомнил?

— Доброе утро! — поздоровался я, а потом ответил на вопрос, — ничего нового не вспомнил.

— Жаль, — с громким вздохом произнёс лейтенант, — я надеялся, что ты отдохнёшь и что-нибудь вспомнишь. А да! Привет!

— Но, есть одна маленькая деталь, — пришлось показывать руками, что я имел ввиду, — в рюкзаке была книга. Даже не книга, а небольшой справочник по кладке печей. Это подарок детдомовского сторожа. Он совмещал несколько обязанностей и одна из них была истопник. Или печник, если так привычнее. Он ведь не только топил печи, но и ремонтировал их. Я из-за высокого роста часто помогал ему. Даже немного научился класть печи. После оккупации в Брянске многим требовалось ремонт отопления. Сторож иногда занимался этим, за небольшую денежку или просто за хороший харч. Меня часто брал, как помощника. А когда умер, то оставил этот справочник мне. С дарственной надписью.

— К чему, ты Вилор, мне это рассказываешь? — прищурившись поинтересовался лейтенант, — думаешь это, как-то может помочь?

— Я не думаю, — продолжил пояснять я, — просто уверен, что грабители эту книгу читать не будут. Скорее всего они её или выкинут, или продадут. Может быть в букинистический магазин о несут, что легко проверить. Это, по моему, след.

— Сомневаюсь, что милиция будет обходить всё букинистические магазины, — глядя куда-то вдаль, произнёс Собкин, — но, как вариант, можно попробовать. Сейчас же пойду позвоню в Москву.

Следователь подорвался с места, предварительно, конечно, всё убрав со стола в сейф. Вот ведь ракета неуправляемая. Ладно, тогда пойду попрощаюсь с Катей.

Глава 5

Сию в Ленинской комнате и сам себе удивляюсь. Не, я всё понимаю — гормоны юного тела, с одной стороны, а с другой — семьдесят с лишним лет общения с женщинами в различных ситуациях. Вот и получил. Ничего серьёзного, но обидное: «Мальчишка! Что ты себе позволяешь?» — я от неё услышал. И ведь, всего-то, хотел поцеловать в щёчку, а вышел, чуть ли не скандал со всеми вытекающими.

Я, когда вышел от Собкина, сразу наткнулся на Фёдора. Этот вечно недовольный товарищ, мне, был не нужен, но, как источник информации пригодился. Раскрутил его, на адрес строительной конторы «Калужстрой». Заодно попросил рассказать самый короткий путь, если мне идти пешком. Пока впитывал информацию и запоминал путь, вернулся лейтенант и затащил меня в кабинет. Ничего нового он не сообщил. Просто, положил на стол лист бумаги и начал спрашивать, как именно я поеду в Мурманск. Насколько я понял, это нужно для оформления билетов, по линии милиции. Когда разобрался в ситуации, то сразу пресёк это дело. Так и сказал, что передумал и буду поступать в Калужский строительный техникум.

Минут пять расспросов и всё — я свободен! Вылетаю в коридор, радостный и готовый к подвигам, а тут Катя. Ну, я, на радостях и сказал ей, что буду учиться в Калуге, что спасибо ей за всё, за ночь, за постель, за еду и вообще. Обнял и попытался поцеловать в щёчку. Блин... отвык совсем, что сейчас совсем другие отношения. Это в наше время, поцелуй в щёчку ничего не значит, а сейчас это чуть ли не приглашение в ЗАГС. Вот и получил. По заслугам — что ни говори. Правда при этом и Катерину напугал, но это уж так получилось. Поскользнулся немного, пытаюсь увернуться от пощёчины, вот и рухнул, как сноп повязанный.

Она испугалась, что сильно ушибла меня. Раз я на пол упал. Вот и не разобралась и начала пытаться меня в чувства приводить. А я наоборот от неё пытаюсь подальше отползти. Чтобы ещё не получить. Короче смех да и только.

На шум выглянул Собкин. Оглядел место действия и вынес вердикт:

— Вилор Тихий идёт в Ленинскую комнату, а Катерина зайдёт ко мне. Остальные работать, и чтобы я никого не слышал.

Народ моментально растворился во внутреннем пространстве здания. Мне же ничего не оставалось делать, как подчиниться приказу и пройти в Ленкомнату. Там, раз уж так вышло, начал опять листать подшивку газет. В этот раз «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». Нормальная и информативно-загруженная газета. Много всего, по моему, лишнего но это моё мнение. В нынешних реалиях — вполне ничего.

Моё невольное одиночество внезапно завершилось. В комнату ворвалась разгневанная Елена Исинбаева, в образе Катерины. Ну или наоборот, тут уже я не в чём не уверен. Мне продемонстрировали маленький кулак и пообещали, в следующий раз, отбить все руки, если позволю, что-то в том же роде.

Делая вид, что ничего не понимаю, но догадываюсь, я клятвенно пообещал — что впредь такого не повторится. Катя уставилась на меня и сказала:

— Лейтенант Собкин приказал проводить тебя в отдел кадров «Калужстроя». Помочь в устройстве на работу. И проследить, чтобы по дороге ничего не случилось.

Ну и ладно! Хорошо, что так. Появилась возможность поговорить по дороге и расстаться друзьями.

Опять мы идём незнакомым путём. Да что ж такое-то? Минут десять, я молча размышлял, пока не понял. Как оказалось нету знакомых ориентиров, к которым я привык с детства. Нету телевышки, которую, в будущем видно отовсюду. Половина домов, ещё не построено. Да и что там говорить, если некоторых улиц пока нету. Вот и не узнаю я ничего. Ничего, сейчас дойдём до центра и всё встанет на свои места. Старая Калуга какая была такой и осталась.

Здание строительной организации располагалась в доме ещё дореволюционной постройки. Отдел кадров был на втором этаже. Катерина наплевав, на все приличия и нормы поведения, вошла в кабинет без стука. Прямо, как к себе домой. Я решил ни во что не вмешиваться, поэтому аккуратноенько просочился за ней следом. Надо посмотреть сначала, в чём это мне решили помочь, а уж потом действовать самому. Как привык, в той жизни.

Ух ты! Как тут всё запущено!?! Я что-то такое предполагал, но реальность оказалась гораздо интереснее. Не брали здесь учеников. Совсем. Хочешь устроиться? Иди в ФЗУ. Учись и потом устраивайся. А брать неизвестно кого, тратить время и ещё платить за это деньги. Неохота никому. Такой вот кандибобер.

Дефицит кадров, конечно, присутствовал, но требовались квалифицированные специалисты, а не ученики. Как вариант, можно устроиться подсобным рабочим, но это совсем ни о чём. Девяносто пять рублей в месяц и это при шестидневной рабочей неделе. Добавьте обязательные воскресники и сверхурочные часы. Не, ну, на! У меня организм молодой и ему требуется усиленное питание в купе с положенным отдыхом. На такую зарплату я не выживу. А если пойду учиться? Это же вообще ерунда получится. Для учёбы много чего надо покупать. И это не тетради для школы. Здесь всё круче будет. Поверьте я знаю. Учился уже. Один ватман с миллиметровкой не в одну копейку встанет. Я не говорю уже про всякие расходники типа чернил, туши и карандашей с перьями и рейсфедрами. Да, до фиги чего придётся покупать! Время сейчас такое! Ладно... рано об этом. Надо на работу сначала устроиться, а то некоторые тут против детдомовцев, что-то имеют.

Но, всё решилось очень просто. Мне даже не пришлось прибегать к упоминанию голодного детства во время войны и невозможности приобретения профильного образования в детдоме. Для этого мне Катю и дали в сопровождающие. Она нависла над этой владычицей трудовых книжек, всем, своим, немаленьким ростом и тоном не терпящим возражения произнесла:

— Сейчас, вы берёте документы товарища Тихого и оформляете его учеником каменщика. А я схожу к вашему директору и поинтересуюсь — почему в отделе кадров, до сих пор, не ознакомлены с указом Совнаркома "О трудовых коллективах" и когда это будет сделано?

— Я знаю этот указ, — начала сдавать позиции кадровичка, — только, всё равно это не поможет. Ни одна бригада его к себе не возьмёт.

— Почему? — продолжая нависать над столом и специалистом по кадрам, спросила Катя.

— Им самим делать нечего, — махнув рукой в сторону окна ответила женщина, — кирпич на всё объекты не хватает. Когда его учить? Каменщики плотникам помогают, чтобы хоть что-то заработать.

— Это неваша забота, — сказала, как отрезала девушка с внешностью олимпийской

чемпионки, — займитесь оформлением. Всё остальное — оставьте решать мне. — и, уже обращаясь ко мне, добавила, — Вилор отдай документы и жди меня здесь. А я на минуточку загляну к директору.

Катерина вышла из кабинета. Я же остался наблюдать, как в этом времени принимают на работу.

Час меня промариновали в этом кабинете! Я заполнил три анкеты, написал три заявления и получил на руки список необходимых бумаг, которые мне ещё необходимо донести, включая фотографии. Если бы не кадровичка, то я начал бы ругаться после первых листов анкеты. Но видя, как эта женщина, со спокойным лицом, заполняет какие-то бумаги, списывая данные с моих документов, решил помолчать.

Кабинет директора, скорее всего, находился в соседней комнате. Поэтому разговор моей спутницы с директором, особенно некоторые фразы произнесённые на повышенных тонах, слышно было замечательно. Некоторые ответы слышно не было. Хотя, почти весь разговор мы с кадровичкой слышали. Судя по напору и энергии Катерины — меня возьмут, но, с некоторыми условиями. Директор выкрутился и нашёл лазейку, как не вызвать лишних разговоров. Это обязательный экзамен через месяц, перед сборной комиссией из передовиков «Калужстроя». Где меня проверят на профпригодность. А я что? Меня не спрашивают, пока. Но, я уже согласен.

Сияющая, как золотая рыбка, Катя ворвалась в отдел кадров. Посмотрела, как заполняются необходимые документы и нахмутив брови, пытаясь изобразить суровую и неприступную сотрудницу милиции, сказала:

— С понедельника ты выходишь на работу. Сейчас идём обедать. Потом надо сфотографироваться, — подумала секунду и поинтересовалась у кадровички, — на пропуск в общежитие, какая фотография нужна?

— А ему что, ещё и общежитие оформлять? — выпучив глаза так, что они стали касаться стёкол очков, спросила сотрудница отдела кадров, — так в нашем мест нету. Ребята спят по пять человек, в двухместных комнатах. Куда мне его девать-то?

— С этим делом, — Катерина с ухмылкой и превосходством, посмотрела в лицо спорщице, — разберусь сама. Вы главное направление оформите и, если не трудно, позвоните коменданту. Предупредите его...

— Её, — поправила, тихим голосом кадровичка, — там, комендант — женщина.

— Значит, позвоните и предупредите её! — завершила разговор моя спутница.

Что-то как-то неправильно всё происходит. Как бы мне не пришлось испытать на себе, что такое изгой в бригаде. Ведь, по сути, меня устраивают на работу по протекции транспортной милиции. А это не приветствуется в рабочей среде, в какое бы время не происходило. Не любят у нас выдвиненцев от милиции. То-то кадровичка ухмылялась, смотря на меня. Ничего — переживу. Расскажу, как всё вышло ребятам из бригады, может, что и изменится. А нет, так и хрен с ними. Сам справлюсь. Главное это чтобы наставника хорошего дали, а всё остальное — фигня.

Катя, прочитала список необходимого, что мне ещё требовалось купить или где-то взять, подумала немного и взяв меня за руку, потащила на улицу. Вот и не тяжело ей, интересно? Я хоть и худой, как узник Бухенвальда, но вешу поболее её — в любом случае. А она тягает меня и не морщится.

Следующая остановка военкомат. Тьфу-тьфу-тьфу, как бы не спазить. В армию пойду однозначно, всего-то два года осталось. Но, если учиться хорошо, то, вроде бы, дают

отсрочку. К тому же, есть возможность, если диплом будет на руках, попасть в нормальную часть. Ладно! До этого ещё далеко.

В этот раз обошлось без моего присутствия. Слава великой реке Ганг! Катя только взяла моё приписное свидетельство, а дальше действовала сама.

— Хороший знакомый здесь служит, — сказала она через пятнадцать минут, усаживаясь, рядом со мной, на скамейку, — попросила побыстрее всё сделать. Так что держи документ, теперь ты приписан здесь.

— Спасибо Кать, — сказал я, беря серую книжечку в руки, — и это, прости балбеса.

— Живи жених, — ответила Катерина, улыбаясь во все свои тридцать два белоснежных зуба, — нормально всё. Я не сержусь. Просто, всё случилось неожиданно. Никак я не ожидала, от мальчишки таких действий.

— Кать, а причём здесь жених? — делая самое невинное лицо, какое только мог вообразить, спросил я. — вроде никаких намёков не давал?

— Как не давал? — воскликнула девушка, подпрыгивая с места. — Ты поцеловал меня на виду у всего отдела! Это по твоему что?

— Так я же в щёчку, — ответил я смотря на свою спутницу, — это не считается. У нас в детдоме, на это, никто бы не обратил внимания. Это что? Я должен на всех девчонках в детдоме жениться что ли? Офигеть, тут у вас порядки!

— А ты что? — с подозрением смотря на меня, спросила Катя, — всех девчонок в детском доме перецеловал?

— Ну, всех не всех, но многих. — ни грамма не смущаясь ответил я, — Кать, ты пойми. Как ещё поблагодарить девочек, когда, например, тебе дарят подарок на день рождения или на двадцать третье февраля. Это просто такой ответный жест. Понимаешь? Мы же там, как одна семья жили. Девчонки делают подарки сами, да и мы тоже сами делаем, когда надо. Как себя вести в ответ, если дарят подарок, от всей души. Просто сказать «спасибо» — так никто тебя не поймёт, а особенно сами девчонки.

— Ладно-ладно, развоевался рубаха-парень, — весело смотря на меня отвечала Катерина, роясь в маленькой сумочке, — что с твоим лицом делать будем?

— А что с ним делать? — не понял вопроса я, — нормальное у меня лицо!

— Ага, нормальное, — продолжая улыбаться, Катя протянула мне маленькое зеркальце, — сам посмотри. На пропуск точно не пойдёт. Будут постоянно путать с енотом.

Вот ведь... засада! Из зеркала на меня смотрел вурдалак. Красные глаза и синяки вокруг них, бледная кожа и худое лицо — все приметы на лицо! Твою же маму! Поражённый, увиденным в зеркале, я спросил у более опытного человека:

— И чё теперь делать?

— Что-нибудь придумаем, — продолжая веселиться ответила моя спутница, — пошли... енот-полоскун! Ха-ха-ха! Сначала перекусим, а то люди уже оборачиваются. Ждут когда ты в обморок падать будешь... с голодухи!

Злой, как не знаю кто, я шёл рядом с Катериной. На местные красоты не обращал внимания. Какое нафиг? Я просто представил, как выгляжу со стороны и всё настроение куда-то улетучилось. Где шли, куда шли, зачем шли — разве это важно? Мне выходить на работу, а у меня вид, как у постоянного обитателя карцера в Бухенвальде. Ещё и избитого до кучи.

Улицу Кирова пересекли в районе старой водонапорной башни. Башни давно нет, а вот площадка осталась. Ничего, скоро всё это место попадёт под застройку. А пока, просто

чистое место немного заросшее травой и лебедой. Ещё и корова, чья-то пасётся. Нормально.

Как-то незаметно мы дошли по улице Ленина до старой аптеки, что на "стрелке". Да уж посмотреть было на что! Неплохо тут живётся. Кругом магазины и магазинчики, в основном, на первых этажах двухэтажных домов. Рассматривать подробности времени не было. Катя пёрла вперёд, как ледокол "Ленин", не обращая внимания на мои мучения и сомнения. Я её уважаю. Мне нравится настойчивость и упёртость моей спутницы... иногда. Но не в этот раз. Нога, так до сих пор, и не пришедшая в норму, болела с каждым шагом всё больше и больше. Охота было послать всех скопом куда подальше, доползти до берега Оки и утопиться. На хрен!

Наверное поэтому, я не заметил шустрый силуэт пацанчика, что выскочил из подворотни и сбил меня с ног. Катя не успела оглянуться, как ещё три мелких субъекта начали одновременно пинать меня ногами и вырывать вещмешок. Блят... история повторяется.

Вот уж хрен вам! Второй раз, я не дам отобрать мои(уже мои!) вещи.

За руку меня никто не держал. Катя лупила своей, маленькой сумочкой пацана, который сбил меня с ног. Трое гопников, мешая друг другу, крутились вокруг меня. Не долго думая, выбрал момент и схватил одного за ногу. Хорошо иметь длинные руки. Силёнок у дрища было не очень много, но вцепиться клещом в босую ступню и вместе с ней начать крутиться, под ногами у босиков — хватило. Паренёк упал, а я, воспользовавшись им как опорой, хоть немного приподнялся. Повезло, что напавшие были босиком и их удары не наносили большого вреда. Толчок в спину и я опять падаю. Только, в этот раз, я это действие контролирую. Всём весом обрушиваюсь, на лежащего под ногами пацана. Или мне показалось, или действительно у него что-то там в боку хрустнуло — вот и славно. Продолжим.

Катерина, наконец-то смогла не слабо захватить сумочкой, по кумполу одному из пацанов. Он начал падать на меня. Подарочек... блин! Как же это не вовремя.

Принимаю тушку в объятия. Пытаюсь обхватить покрепче одной рукой, а второй тыкаю(по другому это никак не назвать) кулаком в ухо. Не знаю, что я там, ему повредил или, может быть, попал как-то удачно, но визг недорезанного поросёнка услышал. Немногочисленные прохожие и, что особенно непонятно, Катерина прекратили какое-либо движение. И, что самое главное, все уставились на меня с осуждением. А я чё? Он, между прочим, первый начал. Тут этот крендель начал опять вырываться. Но, так как, я находился в более выгодной позиции, то и ответку он получил по полной программе. Фик с ними с руками, бил не разбирая куда и не обращая внимание на собственные повреждения. Пока не почувствовал, что меня приподнимают над бульжной мостовой. Ещё, при этом, пытаются успокоить:

— Всё паря! Всё. Успокойся! Отпусти ты этого шкета. Милиция уже здесь. Вот ведь вцепился, как Барбоска в кость сахарную.

Первым желанием, было ответить, что сам он такой Барбос и нефиг меня успокаивать. Сам разберусь. Но, посмотрев на говорившего, все слова сами собой пропали. Я знаю, что на Земле существуют двойники, но такого совпадения просто не ожидал. Блин... это рыло, в летней милицейской форме, было похоже на Илью, того самого с которым, перед смертью, договорился насчёт подработки. Даже причёска такая же. Во бля... Интересно, с какой стати, в милицию берут людей с избыточным весом? Или я, чего-то не совсем понимаю? Или он, как и Катерина, служит каким-нибудь чиновником от милиции?(дурацкие мысли,

тут в другом дело!) А не мог он, вслед за мной, перенестись в это время? Меня это как бы не устраивает, от слова — совсем. Попаданцев развелось кругом, куда не плюнь везде они и все командирские башенки к танками приделывают, ударными темпами. Тьфу-тьфу-тьфу как бы не сглазить.

Хотя, чего я расстраиваюсь? В этом теле, меня невозможно узнать, как бы этот крендель не старался и каким бы он крутым перцем не был. Но, всё равно, надо проверить. И я, даже знаю как!

Раскидываю руки, как можно шире и голосом полным вселенской радости, кричу:

— Илюша! Неужели! Ты ли это? Куда пропал? Чем занимаешься? Как там трасса под Кондрово? Всё закончили или ещё на стадии выполнения?

— Ты меня, с кем-то спутал, — растерянно ответил толстяк, зачем-то поправляя и так идеально сидящую форму, — парень. Меня Вадим зовут. Уже тридцать лет.

— Ой!? — искренне удивляюсь и сочувственным тоном добавляю, — а так похож! Прямо вылитый Илья, мой хороший знакомый из Брянска. Только он геодезистом работает, а не в милиции служит.

Или он хороший артист, или я ошибся. Проверять больше смысла нет. Не раскроется он. Ну и хрен с ним.

Благодаря удостоверению Кати, нас почти не опрашивали. Трёх, из четырёх малолетних преступников задержали и отправили в ближайшее отделение милиции. Ещё одного будут искать. Это нам пообещали. А мы продолжили, свой анабасис по Калуге.

Нашей целью, как оказалось, был детский театр. Штатный гример, после долгих уговоров, привёл моё лицо в нормальный вид. Это дело я запомню надолго и когда-нибудь припомню моей спутнице. Дальше меня за ручку привели в буфет, где накормили пирожками с ливером и напоили стаканом чая.

Прямо через дорогу от театра, находилось фотоателье. Там, уже сам фотограф, советуясь с Катериной, что-то поправляли и меняли в моём фейсе. Мне было не видно что, так как сидел на стуле и изображал статую. Ладно, завтра посмотрим что там и как. Даже авторитета транспортной милиции не хватило, для изготовления фотографий в срочном режиме. Хорошо, что фотограф обещал сделать завтра, а не через три дня, как положено. Да-с...

Поднялись вверх по Социалистической. Всего-то пару кварталов, а какие изменения! Сквер Карпова это образец советского ландшафтного дизайна. Все здания вокруг, совсем недавно отремонтировали и заново покрасили. Недаром это место надолго станет местом для встреч молодёжи. Даже в гребанные, девяностые именно здесь, фанаты организуют стену и место посвящённые Виктору Цою. А сейчас всё только начинается. Деревья пока маленькие, кусты ещё не выросли, а ограда, на данный момент, деревянная. Зато лавочки превосходные. Так бы и сидел целый день, смотря вокруг и иногда кушая мороженое. А что? Не пожалел отложенных денег, для красивой девушки которая, между прочим, спасла меня сегодня. Заодно и денюшку разменял.

Отдохнули и пошли дальше. Дел ещё много, но сейчас, самое главное это заселиться в общежитие. Катя пообещала, что сделает это без особых усилий. Тем более солнышко намекало, что вообще-то скоро вечер, а там и ночь недалеко. Но, моя спутница никуда не спешила. Шла, о чём-то задумавшись и не обращала внимание ни на что.

Двор, переулочек, дом со сквозным подъездом и опять двор. Катерина только вздыхала и подталкивала вперёд, чтобы не тормозил и не глазел по сторонам. Старая Калуга поразила

меня — я заблудился окончательно. Хотя такого не может быть. Нет, если бы мы остановились и я внимательно осмотрелся, то скорее всего смог бы понять, где нахожусь. Но, этот комсомольский "Энерджайзер", реально пёрла вперёд без остановки.

Всё, кажется пришли. Двухэтажное здание, дореволюционной постройки и охряно-коричневой расцветки, утопала в зелени кустов сирени и старых клёнов. Опять мы зашли со стороны двора и это уже стало напрягать. Такое ощущение, что меня специально водят по малолюдным местам. Только зачем? Хз. Но, когда-нибудь я это узнаю!

Табличка возле входной двери поведала, что это действительно общежитие "Калужстрой". Двустворчатые двери не на секунду не закрывались. Народ, за каким-то фигом, постоянно входил и выходил и, как мне кажется, специально открывал створки посильнее, чтобы дверь хлопала погромче. Но это мелочи, самое главное началось, когда мы вдвоём зашли в вестибюль. Блин... Такое ощущение, что Катерина единственная женщина в Калуге. Вокруг неё сразу образовался клуб поклонников. Compliments и предложения сыпались со всех сторон. Интересно, у Кати есть какое-нибудь оружие в сумочке или, на крайний случай, свисток милицейский. А то эту толпу, так просто, не успокоить. Сам строитель и знаю о чём говорю. Было бы здорово, пока эти самцы соревнуются в красноречии, пальнуть пару раз в воздух. Глядишь, гормоны у этого стада спрячутся и, в связи с реальной опасностью, займутся другим делом. Например расслабят кишечник или, что там отвечает за мочеиспускание?

Моя спутница спокойно обошлась без оружия и даже свисток не стала применять по назначению. Просто мило улыбнулась всем сразу(вот убейте меня, но я не знаю как это делают некоторые девушки) и тихонечко спросила:

— Подскажите пожалуйста, где находится комната коменданта?

Моментально вся эта толпа успокоилась. После нескольких секунд тишины, все находящиеся в фойе одновременно повернули головы и посмотрели на дверь с надписью «Комендант». Всё встало на свои места. Катерина схватила меня за руку и как ребёнка потащила через толпу в кабинет начальника. А там...

Глава 6

Чай, который мы пили в комнате коменданта, оказался необыкновенно вкусным. Видно было, что Светлана Егоровна Эрлис знала толк в этом напитке. Моя спутница выхлебала две кружки (точно знаю, что она бы не отказалась и от третьей) и сейчас ведёт деловую беседу с этой женщиной-комендантом. А поговорить у них было о чём. Например о том, куда меня заселить, чтобы никого не обидеть. Как вариант можно было кого-нибудь выселить, за нарушение режима. Но это чревато не очень хорошими последствиями и последующими разговорами. Вот и решают, мучаются, переживают и, как на шахматной доске, рассматривают различные варианты. Мне это не принципиально, а точнее всё равно. Я-то уж точно знаю, где буду жить в недалёком будущем. Но, на первое время, надо иметь место где можно хотя бы просто поспать. Так что пусть себе развлекаются.

Светлана Егоровна оказалась интересной личностью. Я бы даже сказал, что легендарной. Одна из тех "Ночных ведьм" которых очень не любили нацисты. В начале 1944 года, во время ночного рейда, попала в переделку — нарвалась на зенитную засаду. Шрапнель не сильно повредила самолёт, зато самой девушке досталось. Шрам на шее, под длинными волосами, не виден. Но, когда она, в пылу разговора, невзначай поправляла волосы багровый рубец хорошо выделялся, на фоне остальной розовой кожи. Демобилизация по ранению и последующий поиск работы привели её в это общежитие, на должность коменданта.

Нормально поговорили. Всё решили к взаимному удовольствию. Меня поделят в комнату к семерым ребятам. Там есть возможность сделать второй ярус на последней одиночной кровати. А-то стоят три двухъярусные и одна простая. Теперь будут все одинаковые. Ну и ладно. Мне не привыкать, сколько таких было в различных командировках и не сосчитать. А также совершенно пофиг, на каком ярусе спать. Лишь бы спать!

Ещё минут пять поговорили ни о чём. Потом рык бывшей "ночной ведьмы", заставил шевелиться всё общежитие, точнее всех её обитателей. С песнями и плясками из подсобки достали разобранную кровать и отнесли на второй этаж. Там, с помощью русских напевов, быстренько собрали и поставили на место. Ничего так получилось. Мне понравилось. Бельё и матрас с подушкой Светлана Егоровна принесла, пока мы занимались монтажом малой металлоконструкции. Застелил постель, бросил на неё вещмешок и пошёл провожать Катерину.

Для начала вышли на улицу, хоть посмотрю где нахожусь. Стыдно сказать — до сих пор не знаю адрес общежития. И если район более менее представлял, то улицу, а тем более номер дома, даже примерно не знал. Хотя, что-то неуловимо знакомое присутствовало. А вот что — непонятно?

Перед этим Катя минут десять упиралась и ни в какую не соглашалась, чтобы я её провожал. Кое-как уговорил. И то, с условием — не дальше кинотеатра "Центральный". Хотя так, а-то ведь мне потом, если не дай Локи что-нибудь случится, придётся перед своей совестью ответ держать. А я это дело не люблю. Катерине теперь не надо ни от кого убегать, так что спокойно дойдёт до своего дома. Я надеюсь, что идти она будет по нормальной дороге, а не вчерашним маршрутом по соседским садам и огородам. Правда пришлось немного по-изображать полного придурка, упирая на то, что я — не в курсе как далеко

находится кинотеатр от дома Кати. И вообще где это здание находится. Вроде прокатило. В общем пошли мы.

Ну наконец-то! Прочь сомнения — я определился на местности! Это Григоров переулок. Как оказалось, общежитие находилось в доме который мне хорошо знаком по прежней жизни. Мы здесь производили частичную замену деревянных балок на металлические. Интересная и высокооплачиваемая работа была. На чердаке, тогда, нашли спрятанную одежду священника с различными обрядовыми предметами. Кто спрятал, зачем, когда и почему? Я не знаю. Отдали в ближайшую церковь. Самое ценное, на мой взгляд, что там было это большой серебряный крест, на цепи с крупными звеньями. Честное слово, общий вес был в районе килограмма. Не взвешивали, поэтому точный результат мне неизвестен, но где-то так. Но батюшка который прибежал, чтобы посмотреть на находку вцепился в само одеяние, что для меня удивительно было. Но что только не бывает в жизни. Он потом двадцать бутылок "Кагора" принёс ребятам которые непосредственно нашли эти вещи. Да-с...

Сложно узнать этот дом. Да и двор тоже. Когда мы здесь работали, то всё здание было заставлено строительными лесами. А вместо двора и сараев, которые сейчас занимают прилегающую территорию, была детская площадка с качелями, песочницами и небольшой огороженной футбольно-хоккейной площадкой. Молодые деревья и кустарники образовывали небольшой и аккуратный скверик. Потом, года через три, и это убрали. Проходил мимо и видел. Зато автомобильную стоянку сделали. Платную. Тьфу!

Теперь-то я легко представил маршрут по которому мы будем идти. Блин... тут идти-то всего ничего. Катя меня развела как ребёнка — честное слово. Ладно, мы тоже кое-чего умеем и знаем. "Центральный" это не только кинотеатр. Это целый комплекс для отдыха и развлечений, включающий в себя танцплощадку, скверик, летнее кафе и кучу всяких лавочек среди кустов и под деревьями, фонтан и даже пивной ларёк. Провожу до самой дальней точки. А потом ещё немного. Пока нога не отвалится. До общаги можно и на руках добраться.

Идём, смотрим по сторонам и всхлипываем от смеха. Потому что смеяться больше сил нету. Я рискнул и рассказал несколько анекдотов про Вовочку. Катерина так весело смеялась, что я тоже не смог удержаться. Теперь пожинаем плоды веселья, когда что-то напоминает ситуацию из рассказанного.

Солнышко ещё не село, поэтому рискнул предложить моей спутнице посетить кафе, что расположилось на территории кинотеатра. Чуть не схлопотал по больному уху. Но, всё-таки уговорил на посидеть чуть-чуть. Цены были бешеные. Я сначала не поверил своим глазам, увидев меню. Потом, видя мой возмущённый взгляд, Катя пояснила:

— А что ты хотел? Это же кооперативное кафе. Тут всегда такие цены.

В голове сразу заработал поиск необходимой информации. Но, ничего по этому периоду, а особенно о кооперативах не нашёл. Получается, что не помню ничего, о частной торговле в это время. Обидно. Но не смертельно. Память Вилора отказалась вспоминать с каких-либо посещениях таких заведений. Как детдомовец и ярый комсомолец, он вообще был против этого пережитка НЭПа. Хотя, если товарищ Сталин ничего не делал с этими организациями, то и он, в открытую, критикой не занимался. А так хотелось прижать к ногтю этих мироедов, но: «Низззя!», а то можно и по шапке получить. Ага! Знаем, чем это закончилось, проходили в своё время. Ладно, деньги есть один раз заплатить хватит. Тем более, что шиковать — не собираюсь. Пирожное, мороженое и лимонад в качестве

аперитива. Хватит — не разорюсь. За обучение в техникуме платить не надо. У меня, как у детдомовца, есть льготы. Так что всё нормально.

Мы сидели возле самого входа — страшно неудобные места. Мимо постоянно ходили люди и каждый из них считал, как должное, осмотреть нас с ног до головы. Это нервировало но не критично. По крайней мере, голову оторвать этим любопытным желанием не было. Что их привлекало я могу только догадываться. И это, точно не моя внешность. Скорее всего — сам факт моего присутствия в таком дорогом заведении. Ну как же, сидит пацан с красивой девушкой, а физиономия вся в синяках и одет как нищевод. Это не порядок! Куда смотрит милиция?! Грабуют...

Надо было раньше уходить, но Катерина так искренне восхищалась пирожным, что у меня язык не повернулся напомнить о времени. К тому же вечер был тёплый и спокойный. Лёгкий ветерок только добавлял свежести. Мне никуда не хотелось идти. А моя спутница вообще, по моему, забыла о времени. Можно ещё посидеть чуть-чуть. Пять минут.

Эта тройца, что сидела в глубине зала, давно дошла до кондиции. Администратор, что стоял недалеко от нашего столика, уже час просматривал в их сторону и невольно морщился, предчувствуя неприятности. Я честно не ожидал, от этой кампании, каких-то поползновений в нашу сторону. Слишком большое расстояние между нашими столиками. Да и сидели мы с Катей тихо, так что не должны были привлечь внимание. Но... видимо вино, которое вливали в себя парни, обладало каким-то неизвестным мне эффектом. Иначе, как объяснить — почему они обратили внимание именно на нас с Катериной. И это в почти битком набитом зале.

Поднялись двое из трёх и покачиваясь взяли курс на выход. По крайней мере, я так подумал и не придавал этому значение. Администратор тоже, мазнув по ним взглядом, как-то внешне расслабился и больше смотрел в зал, чем на эту парочку. Катя вообще ни о чем не думала, а просто смаковала лимонад мелкими глотками.

Ситуация резко поменялась, когда эти два ушлёпка резко поменяли курс и направились к нам. Приблизившись и кое-как разобравшись со стульями, парочка уселась за наш стол.

Начало беседы можно опустить. Так как она в основном состояла из междометий и союзов. Потом, видимо собравшись силой и вспомнив что именно они хотели, разговор пошёл о превосходстве двух красивых и богатых парней над непонятным чудом с фингалами под глазами. Катерине, наверное, надо было сразу показать своё удостоверение и прекратить это. Но, она скорее всего просто растерялась и упустила момент, пока эти делегаты (раз пришли два их трёх значит это делегация) разглагольствовали на разные темы. А может давно не слышала столько комплиментов в свой адрес. Не знаю. Знаю одно, что мне это не понравилось. Поэтому наклонившись, как можно ближе к Катерине, я спросил:

— Катя! А что мне будет за драку в общественном месте? И за нанесение травм средней тяжести, с применением подручных средств?

Глаза Кати стали похожи, на глаза товарища Чебурашки. Вы видели когда-нибудь Исинбаеву с глазами Чебурашки? А вот я сподобился! Это... необычно. И интригующе.

— Щенок! — очнулся один из спикеров, — отвали в туман и не отсвечивай. Здесь есть кому развлечь девушку.

— Да, иди домой к своей мамочке, — второй любитель горячительных напитков, выплыл из страны грёз и внёс свои предложения, — она тебе расскажет сказку на ночь.

После этих слов эти два юмориста начали ржать. Причём делали это в полный голос. Один, тот что послал меня в туман, даже смеялся как свинья — постоянно похрюкивал и

повизгивал. Второй пытался, взмахивая руками привлечь, к общему веселью, посетителей с соседних столов.

Я потянулся к пустому графинчику в котором пару минут назад был лимонад. А что? Вполне нормальное оружие ближнего боя. Главное по голове не бить. Чревато. А вот по рукам или другим частям тела — сойдёт. Попутно стал прикидывать кому первому нанести удар и по чём конкретно. Но?! Как всегда это — но!

Катя всё испортила. Или наоборот. Не знаю. Это смотря с какой стороны посмотреть. Короче, она посмотрела на администратора и сделала какой-то, для меня непонятный, жест рукой. Мужик в фраке и с бабочкой, изменился в лице. Достал из кармана свисток и уже набрал воздуха, чтобы извлечь звук. И тут, на сцене появился новый игрок. Тот самый, третий, про которого все счастливо забыли. Этот оказался самым пьяным. Его и оставили сидеть за столом, так как он почти ничего не соображал. А тут он, почему-то решил присоединиться к веселью. Причём сделал это очень оригинально. Подкрался незаметно, пользуясь тем, что все отвлеклись на его друзей. И сходу треснул мне в ухо. Не по человечески как-то. Хоть бы слово какое молвил сначала. Так нет же, гад — исподтишка ударил.

А так как я, уже, почти держал в руках графин, то боль от удара (этот персонаж умудрился попасть по больному уху) придала мне скорости и прыгучести. Тем более совесть моя теперь спокойна. Драку начал не я. Свидетелей вокруг много и даже очень. Целое кафе если быть совсем уж точным.

Вот и понеслось. Хватаю графин (ну, так себе графин, скорее графинчик — на литр примерно объемом) и бью этого партизана-тихушника по загривку. А что? Теперь не до сантиментов, надо время выиграть и постараться не получить в ответ. Удачно получилось! Этот крендель, когда бил меня в ухо, немного не рассчитал силы. Вот и провалился слегка вниз. Я же встал, когда брал графин, вот и получилось так, что оказался выше противника. А дальше дело техники. Сверху оно всегда сильнее получается. Хорошо что стеклянная ёмкость не разбилась. Глядишь хватит ещё на пару ударов. Краем глаза замечаю, что тот, который весельчак, схватил Катю за волосы и притянув её голову к себе, что-то эмоционально выговаривает. А второй встал из-за стола и пытается подойти ко мне.

Хватать девушек за волосы — это что-то совсем не спортивное. Так только женщины, когда совсем выходят из себя или очень пьяные, поступают. Но, не мужики. Хотя иногда приходится. Бывает такое, но не в этом случае.

Я, пытаясь не споткнуться об лежащего бутылка, каким-то немислимым приставным шагом, скользнул к фетишисту (а кто он ещё, если за волосы хватается?) и перехватил его руку. Второй муфлон запутался в своих ногах и пока не представляет опасности. Действую быстро, но с опаской и оглядываясь по сторонам. Трель свистка отвлекла всех присутствующих. Даже Катя, хоть её и держали её за волосы, как-то смогла извернуться и посмотреть на администратора. А я что? Рыжий что ли? Тоже посмотрел. Уж слишком громко и неожиданно прозвучал этот свист. Посмотрел и отвернулся. Надо мою спутницу спасать.

Раз все смотрели в другую сторону, я аккуратно, но сильно ударил кренделя, что держал Катерину. Прямо по локтю той самой руки, в которой были зажаты волосы. Хорошо ударил. Очень удобно этот локоть висел в воздухе. Рука балбеса сразу разжалась, отпуская Катинины локоны. Тут опять прозвучал свисток. Все снова посмотрели в ту сторону.

Третий пьяница, хоть и плохо стоял на ногах смог воспользоваться этим моментом.

Упал на меня сзади... гад. При этом обхватил обеими руками. Не, не подумайте ничего, я совсем другой ориентации. Но ведь это как-то надо объяснить этому козлу. А я не могу, он повис на мне сзади. Спасибо нашему замполиту, что-что, а как освободиться от захвата я запомнил надолго. Для этого не надо быть Гераклом, главное знать как. Особенно от такого примитивного обхватывания. Я бы даже захватом не стал называть — скорее обнимашки какие-то.

Обувь у меня хорошая. Только до сих пор не могу определиться это туфли или полуботинки. Да и не в названии дело. Каблук, у этой модели обуви, очень хороший и жёсткий. Как раз такой и нужен, для освобождения из захвата. Но, для начала, надо увидеть хотя бы кусочек ноги противника.

Как ни странно всё получилось легко. Я просто чуть наклонился и сделал полу-шаг назад. Не скажу, что нога у этого кренделя была красивой, не зачем. Но я её увидел и этого было достаточно, чтобы точно ударить каблуком, куда надо. Я и ударил, прямо по подъёму стопы. А вот нефиг меня хватать, когда я девушку спасаю.

Результат понравился всем, по крайней мере, мне так показалось. Ведь все смотрели уже не на администратора, а на меня. Ха! Его свисток — ничто, против крика любителя обнимашек. Аж стёкла задрожали, от этого то ли визга, то ли рёва. Прямо бальзам на рану. А да, меня он сразу отпустил. Но, не изменил своим привычкам, только теперь он обнимал свою ногу. Надо сказать, что делал он это с большим чувством и немалой фантазией. Я многое узнал из его признаний в любви к своей ноге. Про окружающих — это он конечно зря, а вот про меня и Катю — всё неправда. Моя спутница, когда услышала всё что говорил этот хам(её слова честное слово), не удержалась и вlepила хорошую такую пощёчину. А там и милиция прибыла. Дальше не интересно.

Когда всё успокоилось и обстановка опять приняла романтические оттенки, я сделал Катерине предложение. За что, в ответ, получил гневный взгляд и обещание разобрать моё поведение, на ближайшем комсомольском собрании. Посыпав голову пеплом и обещав, что делаю это в последний раз я всё-таки добился от Катерины согласия. Радостный подбежал к администратору и попросил вызвать такси. Недоумённый взгляд и смокинг смотрелись прикольно. Я и сам немного опешил, но после уточняющих вопросов, разобрался в проблеме. Оказывается, на данный момент, в Калуге нету специализированных машин, которые можно вызвать по телефону. Такси можно найти на вокзале или возле рынка и то только артельные. Есть грузовое такси, но оно по предварительной записи, в исключительных случаях за очень большую цену. Иногда, ближе к окончанию последнего сеанса, машины подъезжали к кинотеатру "Центральный". Можно выйти и посмотреть возле аллеи по улице Кирова, там редко, но всё-таки бывают стоят извозчики. А так, только пешком или на автобусе, если маршрут подходит.

Вернулся к Катерине ни с чем. Теперь сидим в скверике и не даём друг другу провожать себя до дома. Ну или до общаги, как в моём случае. Так и препирались минут сорок, пока не начало темнеть. Тут в мозгах у моей спутницы, что-то переключилось. И она с криком: «Сиди здесь и никуда не уходи. Я сейчас приду!» — убежала в неизвестном направлении. Что ж подожду: «Вашу маму. Подожду вашу мать!» — всплыли, не кстати, слова песни из далёкого будущего.

Пока сижу, разные мысли задолбали уже. Мне всё не даёт покоя поведение этого тела. Вроде бы сознанием я инвалид и пенсионер, а поступаю как "Юноша бледный со взором горящим". Ничего не могу понять. А кстати хорошее стихотворение. Учил когда-то... или

буду учить потом... или уже не буду, потому что всё должно измениться. Фик поймёшь эту квантовую физику или как там она называется, которая изучает эти прыжки во времени. Нет, я всё понимаю. Шестнадцать лет пацану, мозгов нет совсем. Тело действует на инстинктах. Увидел красивую девушку и всё — гормоны начали работать. Ещё и моя память, о приключениях в молодости свою роль играет. Вот и переплелось одно с другим, а я ничего не могу сделать. Нафиг — пусть идёт как идёт. Главное не слишком высовываться и не влиять, в открытую, на происходящее, а там разберёмся.

Катерина прибежала счастливая, как будто бы съела целый торт "Наполеон" в одиночку и запила, всё это дело, литром шампанского. Конечно же всё дело в другом, но мне почему-то понравилось именно это сравнение. Подбежала, остановилась, прямо напротив меня и протянула руку ладонью вверх. Наверное, надо хлопнуть сверху моей ладошкой. Вроде как всё нормально. Но я сомневаюсь, а вдруг здесь ещё не знают такого обычая? И это просто приглашение погулять.

Делать нечего. Аккуратно беру ладошку Кати в свою руку и начинаю водить пальцем по линиям, как заправский хиромант. При этом ещё и вещаю противным голосом. Предрекаю троих детей и долгую счастливую жизнь с одним мужем. Не договорил! Получил в больное ухо. Больно и обидно. Хотел как лучше, а получил по самому больному. Тьфу, блин. Опять что-то не то сделал.

Катя села на лавку и отвернулась от меня. Умом пенсионера понимаю, что сейчас лучше к ней не лезть. Но пацан не теряет надежды, что всё можно исправить. Этот долбанутый симбиоз двух различных взглядов на происходящее, выбешивает и толкает к неординарным поступкам.

Мимо нас прошла компания молодых людей. Девушки шли отдельно, позади ребят и весело смеялись. Один из парней играл на ходу, на гитаре. Песен не пели(а жалко, интересно было бы послушать), просто наслаждались хорошей погодой. Гитарист исполнял, что-то в испанском стиле. Я не эксперт в этом деле, но почему-то напомнило. Пройдя немного они заняли лавочку соседнюю с нашей. Девушки сразу сбились в одну компашку и заняли один край. Парни в основном стояли и только гитарист расположился на лавке. Усевшись поудобнее он начал играть что-то весёлое. Не знаю как Катерина, а я с удовольствием смотрел на эту компанию. Вот она жизнь!

Когда приехал Собкин, мы с Катериной всё ещё сидели на разных концах лавочки. Я не знал, что говорить и как к ней подойти, поэтому оставил решение за ней. Всё понимаю и знаю много способов исправить ситуацию, но лучше не надо прямо сейчас лезть. Товарищ лейтенант окинул нас понимающим взглядом и ухмыльнувшись сказал:

— Поехали! Такси ждёт у входа. Как заказывали.

— Я никуда с ним не поеду, — кивая в мою сторону, сказала Катя, — отвезите пожалуйста его в общежитие, а я сама доберусь.

Ага, а я Карлсон и живу на крыше. Пришлось обеими глазами сигнализировать лейтенанту, чтобы он, ни в коем случае, не соглашался на эту провокацию. Я даже добавил несколько жестов, объясняя, что всё надо сделать наоборот. То есть я остаюсь, а Катю надо отвезти. Ага! Как же! У лейтенанта Собкина было своё решение этой проблемы. Он рявкнул так, что по моему, даже комары перестали жужжать, а компания молодёжи вскочила и чуть не встала по стойке "Смирно":

— Отставить разговоры! Марш в машину! Оба! Бегом!

А чё делать-то? Пришлось бежать, садиться и ждать лейтенанта на заднем сиденье

"Победы" вдвоём. Пока лейтенант дошёл до машины, я многое узнал и про себя, и про Собкина, и про парней вообще. Банально. Все мужики сволочи(ну, это я и так знал), козлы неблагодарные(с этим можно поспорить, но не сейчас), балбесы и остолопы(полностью согласен и даже не буду спорить) и вообще Катерина хочет спать, поэтому отстаньте все.

Это уже нормально. Значит тихонечко едем в машине, смотрим в окно и наслаждаемся видами вечерней Калуги.

Как назло сначала отвезли меня в общагу. Не дали получше узнать жизнь города. Высадили из машины и предупредив, чтобы был готов в девять часов утра, отчалили в направлении заката. Ну и ладно. Не очень и хотелось. Попинав ни в чём не виноватую железяку, которая торчала из земли и отбив палец, я направился во двор общежития. Тут веселье было в полном разгаре. Под патефон, ребята и девчата разбившись на пары, устроили танцы на свежем воздухе. Вроде бы и народу было немного, но обстановка была праздничная и какая-то лёгкая что ли. Не знаю, как описать. Но, честное слово мне не хотелось уходить. Я нашёл свободное место, на какой-то импровизированной лавочке и просто отдыхал — душой и телом.

Счастье длилось недолго. Вахтёр вышел на ступеньки и всех разогнал по комнатам. Что поделать — вахтёр суров, но он вахтёр! И так оказалось, что он дал лишние полчаса на потанцевать. Поднимаясь в свою комнату, я поинтересовался у ребят, насчёт спортплощадки поблизости. Как оказалось, ничего похожего вокруг не наблюдалось. Зато, прямо за дровяным сараем, есть самодельный турник. Там некоторые ребята занимаются по вечерам. Ну и ладно. Мне и это подойдёт, для начала. Потом что-нибудь придумаю получше.

Войдя в комнату я первым делом сразу улёгся на кровать. Удивило, что мои вещи лежали на нижнем ярусе. Кто-то за меня всё решил. А мне, как уже было сказано, совершенно пофиг на какой кровати спать. Так даже лучше. Можно не раздеваться и полежать одетым. Сейчас, пока немного отдохну. Всё равно в туалете сейчас не протолкнешься. Про душ вообще не говорю. Там всегда занято. Лучше потом в умывальнике умоюсь.

Сам не заметил как заснул.

Глава 7

Проснулся, когда в окне уже стало светлеть. Сколько времени непонятно. Надо бы часы прикупить. Сейчас такое время, что можно найти хороший образец из затрофееенного. Мне дед рассказывал. Он сам привёз шесть штук разных. В основном, по его словам ерунда, но для обмена на что-нибудь нужное пойдёт. А вот одни были "Зенит", специально сделанные для лётчиков. Я в этом не особо разбираюсь, но, по его словам, очень качественная модель. Часы долго лежали в ящике его письменного стола, пока куда-то не пропали. А может кто-то их пропал? Хз.

А собственно чего это я про часы? Это дело терпит и легко может подождать. Сейчас у меня забота это найти деньги. Потому что не знаю, что тут насчёт спецовки. Выдают бесплатно или надо покупать? Также немаловажный вопрос это инструмент. Опять-таки выдадут или же идти на рынок покупать? А может, что наверное гораздо лучше, сделать на заказ и под свою руку.

С деньгами всё просто. Надо просто их забрать. Для этого нужно две вещи: мешок и время. Мешок, для того чтобы было в чём нести, а время такое, что бы я находился без Катерины. Нафига мне свидетель. Нет, если надо ей, то поделюсь деньгами без проблем. Только забирать буду один. Но, что-то мне подсказывает — она, если узнает, заставит сдать государству. Мне это не подходит. Буду думать.

В комнате душно и комары гады мелкие летают. Не напились сволочи кровушки за ночь или у них второй завтрак начался? Разделся и залез под простынь. Может удастся ещё поспать хоть немного. Часа полтора-два есть точно. Потом начнётся. Что такое утро в общаге, я знаю не понаслышке. Ещё бы позаниматься хоть немножко после подъёма. Во-первых это полезно, для организма, а уж для этого тела просто необходимо. Во-вторых надо вспоминать хоть что-то из самозащиты, а это опять тренировки. Анализ проведённого здесь времени показал, что наши предки были не прочь подраться. Особенно когда милиция рядом отсутствует. Везти мне постоянно не может. Поэтому надо вспомнить как мы занимались с замполитом. Хотя бы основу. Ну и про бокс не забыть.

Нет, не заснуть больше. Прямо проклятие какое-то. Или этот парень был гиперактивным по жизни и спал по три часа ночью, или просто не мой день. Точнее утро. Пытаюсь вспомнить как это тело проводило ночи. Вроде всё нормально. Спал как убитый, особенно после принятия в комсомол. Ну это и понятно, нагрузка на мозг увеличилась вот и рубило его не по детски. А как же, ведь помимо выполнения уроков и дежурство по этажу, приходилось готовиться к собраниям, учить труды основоположников коммунизма. А это выматывало похлеще физических упражнений. Так что дело не в этом теле. Наверное я просто сильно нервничаю перед сегодняшним днём. Предстоит много дел. И не скажу, что все они приятные.

Незаметно, перескакивая с одной мысли на другую, я начал вспоминать о том, откуда взялись деньги, которые хочу забрать. Это было в начале двухтысячных (если долго вспоминать, то можно вспомнить год и число с месяцем, но не буду). Я тогда уже работал прорабом. И в моём подчинении было семнадцать человек. Наш начальник взял подряд, на устройство фундамента под торговый центр. Но, для начала, надо было снести три старых деревянных дома. Подготовить территорию к устройству котлована. Моя бригада сама знала,

что и как делать. Поэтому я сидел в вагончике и заполнял общий журнал работ. Дело нужное и очень важное.

В какой-то миг звуки на площадке изменились. Это ничего не значит, всякое бывает. Но я всё-таки вышел посмотреть, что случилось. Ни одного человека на месте не было. Пошёл разбираться. Как оказалось, все собрались на чердаке одного из домов.

Тот кто прятал эти деньги, обладал незаурядным умом и прямо-таки изощрённой хитростью. Рядом с "боровом"(это такой специальный изгиб на печной трубе) была сделана небольшая коптильня из жести. А основанием для неё служила прямоугольная конструкция из кирпича. Вот внутри этого основания и был спрятан чемодан с деньгами. Я, например, такую конструкцию коптильни видел в первый раз. Мельком взглянув на кучу денег, я стал зарисовывать схему этой коптильни, в рабочем блокноте. Пригодится. В это время, ребята аккуратно открыли чемодан. Деньги оказались сорок седьмого года прошлого века. Но и это ещё не всё. Примерно треть, от общего количества, составляли банкноты довоенных годов. Начиная с двадцать первого и далее. Переворошили всю наличность и ничего более не нашли. Хотя надежда была. Чемодан был гигантских размеров. В нём, если постараться, можно человека среднего роста спокойно упаковать. Видел я такие. Даже, по моему, у кого-то из моих родственников такой был.

Я не знал куда девать это "богатство". Ну не нумизмат я не фига. Зато наш штатный плотник-бетонщик обещал пристроить все купюры. У него работал знакомый на рынке. На память о таком событии, каждый взял несколько купюр различного достоинства. В обед мы отпустили нашего специалиста. Через час вернувшийся плотник положил на стол несколько пятитысячных купюр. Это всё что он смог выручить за чемодан денег. Сумму не помню, но всё поделили поровну. Вот такая история с кладом. Осталось проверить, кто из нас был прав, поспорив о годе создания захоронки. Кто-то утверждал, что сразу после реформы 1947 года. А кто-то, что гораздо позже. Я склонялся к первому варианту, иначе купюр других годов там бы не было. Просто не успели обменять, вот и хранили всё вместе. А потом или арест, или смерть, что скорее всего. Посмотрим и узнаем.

Время за воспоминаниями прошло незаметно. Совершенно неожиданно прозвучал будильник. Это кто тут такой бессмертный? И почему его ещё не прибили за такие привычки? Есть ещё одно предположение, но оно из области фантастики. Неужели все в этой комнате занимаются утренней гимнастикой? Или делают зарядку? Через пару секунд всё узнаю. А пока просто посмотрю. Интересно ведь, чем дело закончится.

Никто ничего никому не сделал. Даже подушкой в этого кренделя не запустили. Парень просто выключил будильник и... всё?! Ладно потом спрошу, что это за хрень такая?

Сам же встал и в одних трусах выдвинулся на улицу. Лето ведь. Бегать и прыгать не стал. Обувки подходящей нету. Сразу направился к турнику. Небольшая разминка из десятка упражнений и можно заняться подтягиваниями. Всё как я привык. Чередование различных хватов, как по ширине так и в зависимости от положения кистей. Потом на землю. Отжимания, опять-таки с разными расстояниями между руками. До отжиманий с хлопками пока далеко, но и это тоже не плохо. Ничего, я ещё сделаю из этого тела, что-нибудь приличное. А-то как же я буду кирпич класть? Непорядок. Уф! Да... Могло быть лучше... Результат не буду озвучивать. Стыдно. Мало.

Второй подход. Ещё хуже. К тому же мышцы начали слегка болеть. И это не та боль, которая бывает при выполнении силовых комплексов. Просто мышцы начинают понимать зачем они нужны и сопротивляются этому. Через силу заставляю себя сравнять результат в

подходах. Уф-ф! На сегодня хватит. Вечером постараюсь повторить, хотя бы один подход.

Полчаса всего, а устал как после суточной смены. Немного отдохнуть и вперёд в туалет. Умыться и растираться. Хорошо хоть все уже разбежались по комнатам. Поэтому никто не кричал от попадания брызг, которые летели от меня в разные стороны.

В комнате все смотрели на меня, как на Иисуса. Ну это когда он явился кому-то там. Куча немых вопросов сами собой читались в их глазах: — "Что это за чудик и зачем его к нам подселили?" и "Он что, каждый день будет так рано вставать?" и "Нахрена мы хотели его разыграть и поставили этот долбанный будильник на такое время?" — и я это прекрасно видел. Хоть и не обладаю даром чтения мыслей. Поработайте с моё прорабом, тоже научитесь.

Жрать было нечего. Не догадался вчера купить. Ничего, сейчас придёт Катя и что-нибудь придумает. А я в следующий раз буду умнее. Что мне стоило взять и купить простого хлеба? И всё! Сейчас бы хоть перекусил немного. А вода? А вон она — в бачке стоит, прямо возле входной двери. И кружка металлическая на цепочке. Своей-то нету.

Постепенно парни разошлись. В комнате я остался один. Последний уходивший напомнил мне, чтобы я не забыл закрыть дверь и сдать ключ вахтёру. Фигня вопрос, сделаю. Не впервой.

Плюхнулся на кровать и решил немного поваляться. Всё равно жрать нечего, а ходить, просить это нафиг надо. Всё мысли сводились к одному — нужны деньги! А те что были не о деньгах, были о еде. Мне нужно хорошо питаться. Работа каменщика физически тяжёлая, поэтому надо много кушать. Без нормальной еды я не смогу работать. И всё в таком же стиле.

Не выдержав этого нападения на меня моих же мыслей, сбегал к двери и напился воды. Пусть хоть она в желудке бултыхается, чем вообще ничего. Блин... А во сколько приходит комендант? Может у неё есть, что-нибудь пожрать? Надо сбегать проверить.

Коменданта не было. Дверь была закрыта. После нескольких попыток постучаться, я бросил это дело. Зато привлёк внимание местного вахтёра. После небольшого обмена информацией мне пообещали чай с куском хлеба. В моём положении привередничать не стоило. Кое-как дождался когда закипит чайник и вахтёр нарежет хлеб. А дальше присел на табуретку рядом со столом. Знаю, что это некультурно, но я сожрал и выпил всё лежащее на столе и налитое в кружку. Стыдно. Но меня можно понять. Посидел ещё немного пошёл к себе.

В комнате ничего не изменилось. Лёг на кровать и начал осматривать своё временное жилище. Раньше, как-то не было времени. Помещение, конечно, нормальное для четырёх человек, но не для восьми. Путём нехитрых размышлений и подсчётов, а также опираясь на свой опыт, я пришёл к выводу, что, с самого начала, эта комната была рассчитана на трёх человек. Да, это самый приемлемый вариант. По другому не получается.

В угоду большего количества жителей, пришлось жертвовать бытовыми удобствами. Вместо шкафа, для одежды, была прибита доска с гвоздями, рядом с дверью. А то, что там не весело, было распихано по чемоданам и вещмешкам и засунуто под кровати(я не проверял, но мне так кажется). Стол, который стоял вплотную к подоконнику единственного окна, был заставлен различной посудой, в основном металлической. Три табуретки под столом, а одна рядом, со стоящим на ней чайником. То есть, по нормальному, здесь даже перекусить не получится. Придётся это делать по очереди. Да-с, печально... Ещё и холодильника нету. Ещё печальнее... И телевизора, что-то не наблюдается... Вообще печаль... Блин... да тут даже

радиоточки нет... Ужас!

Я подскочил с кровати и пробежался по периметру комнаты, заглядывая под кровати. Поиски завершились удачей. Я нашёл электрическую розетку. Только не завидую тому, кто спит рядом с ней (розетка была рядом с подушкой, всего на несколько сантиметров выше её). Я бы не смог. Видеть постоянно перед глазами эту натуральную угрозу пожара, мне, как человеку ответственному, не комильфо. Хотя, что скорее всего, ей не пользуются. Иначе... я даже не знаю. Куда смотрит пожарная инспекция? Или в Калуге, в это время её нету?

Я опять улёгся на кровать и начал мечтать, что здесь можно улучшить, когда я заберу деньги. Во-первых это купить радиоприёмник. Можно трофейный. Это даже лучше. Электроплитка? Надо у ребят спрашивать. Может здесь одни мазохисты живут и предпочитают танцы с бубнами на общей кухне. Холодильник? Холодильников здесь взять негде, по крайней мере, я ещё не в курсе о состоянии калужского рынка бытовой техники. Надо искать связи в этом направлении. Может Катя поможет? Да ну нафиг!

Дверь открылась и хмурое лицо Катерины окончательно испортило моё и так фиговое настроение. Я так понял, что сейчас будет прочитана лекция, о правилах поведения с красивой девушкой в общественных местах. Что ж я не против, но хорошо бы сначала покушать. А-то как-то песни голодного желудка отвлекают от предложенной темы. И меня совсем не радуют различные предчувствия, которые начали приходить на ум. Настроение не смогла поднять даже красивая одежда Катерины. Это было, что-то такое, воздушное, жёлтого цвета с большими белыми цветами. Не эксперт я, но, по моему это называется сарафан. Короткий сарафан до чуть ниже коленок. А чтобы не замёрзнуть, поверх этого жёлтого чуда, была одета чёрная, бархатная безрукавка, без пуговиц. Мне в общем-то понравилось. Но, как говорится, это не повод для голодовки. И надо об этом напомнить.

Не успел. Не успел сказать ни одного слова. Вообще ничего не успел. Хотел попробовать сказать, а уже стою внизу, возле входа в общежитие. И меня, как маленького, за руку тянут куда-то в центр. Причём всё это делается молча. Блин... Я в конце концов человек или кто? А она даже не поздоровалась! Ладно, проехали. Минут пять я потерплю, не потом извините.

Ага! Пять минут! Два часа не хотите? Два часа мы носились по городу и многое успели сделать: забрали фотографии, нашли секретаря комсомольской организации "Калужстроя", на одной из стройплощадок и договорились о уплате членских взносов, ещё я написал заявление о вступлении в профсоюз строителей. И только после этого мы пошли завтракать. Пока шли мысль о том, что нафиг ненужна утренняя зарядка, если так бегаю, не покидали меня. Когда подошли к столовой то, над головой у Кати, я совершенно случайно увидел нимб. Аминь!

Завтрак это дело интимное, поэтому ничего рассказывать не буду. Просто скажу, что было вкусно. Но мало! Я даже потратил немного своих денег, чтобы купить дополнительно несколько пирожков. Всё равно мало. Ладно, скоро обед там наверстаю.

Сидим во дворе пединститута. Отдыхаем после перекуса. Вокруг жара невероятная, а тут тенёк и студентки туда-сюда бегают. Отвлекают от монотонного перечисления задач, что нам нужно успеть сделать сегодня. Это Катя решила меня просветить. А-то, по её словам, она устала отвечать на мои вопросы, по поводу дальнейших действий. Я не в обиде. Пускай говорит.

Сижу, наслаждаюсь погодой и окружающими видами и тут, как мешком с цементом по голове, вопрос:

— Вилор, а ты машину водить умеешь?

Мне бы, балбесу великовозрастному, промолчать и не выдавать себя или ответить, как-нибудь неопределённо. Так нет, с радостью сообщаю моей спутнице, что умею и очень даже неплохо. Идиот! Что ещё сказать. Вилор не умеет водить машину! Вообще! Он и на велосипеде катается-то с трудом. Негде было учиться. Ладно. Выкручусь как-нибудь. Что уж теперь, когда всё сказано.

А Катерина, вскочив с лавочки, начала ходить кругами и рассказывать о поручении товарища Собкина. Короче, дело такое. Надо забрать машину из ремонта. Это вторая из тех, что приписаны к отделению транспортной милиции. Вся проблема состоит в том, что машина находится у чёрта на куличках. То есть далеко. Если идти отсюда, то, дай бог к вечеру вернёмся. А Катя хоть и умеет управлять автомобилем, но очень не любит это дело. Поэтому, по извечной женской привычке, она решила переложить дело доставки автомобиля, на мои плечи.

Вот тут-то передо мной встала настоящая проблема. С одной стороны, делов вроде бы на сегодня больше нету и помочь девушке сам бог велел. Тем более, вид несчастной девушки, сам за себя говорил. И не помочь, я просто не мог. А с другой, надо же насчёт денег всё узнать, как там и что? А-то мои накопления, как и финансы в песне Буйнова, поют романсы. Надо бы пополнить их, а это время. Одна разведка местности чего стоит. Молчу и думаю, что мне ей сказать?

Придумал. Надо идти за машиной так, чтобы пройти мимо интересующего меня дома. А что? Нормально получится. И никто ничего не заподозрит. Заодно девушку выручу. Мы с ней комсомольцы как никак, а значит должны помогать друг другу. Так что, на все вопросы ответил утвердительно, но с одним дополнением: «Нужно на минуточку зайти на рынок». Радостно улыбаясь Катя согласилась. Так что выдвигаемся!

Шли недолго. Минут десять неспеша. Только, как оказалось это не тот рынок, который мне нужен. Их этих рынков в Калуге, со слов Катерины, целых пять штук. И это только официальных. Про стихийные, которые образуются после уборки урожая или во время праздников, говорить не будем. Много их. Но мне-то что делать? Катя тоже не в курсе, почему я стою с офигевшим видом. Торопит меня. Идти-то далеко, а тут такая остановка незапланированная. Тьфу ты, блин... Опять незадача. А я считал, что о Калуге знаю почти всё. А реальность опять окунула меня в лужу. Да и хрен с ним! С этим рынком. Завтра схожу и всё посмотрю. Решено — идём за машиной! Но, для начала, я выгреб из карманов всю наличность. Потом, посоветовавшись со спутницей, закупил на всё деньги пирожки. А-то знаю я эту упёртую комсомолку. У ней же полностью отсутствует понятие правильного режима питания. Сама кушать не хочет и другие типа потерпят. Мне это не подходит. Организм у меня молодой и поэтому его надо кормить регулярно, несколько раз в день. И желательно до отвала, каждый раз.

Начало пути как-то не задалось. Шли в основном молча. Я смотрел по сторонам и пытался увидеть хоть что-то знакомое. Так что, на разговоры времени не было — я заново узнавал свой город. А Катя о чём-то усиленно думала. Совершенно не обращая внимание, на привычную ей обстановку. Но, уже через час пути картина изменилась. Мы снизили скорость из-за моей больной ноги. Я ни грамма не жаловался. Но Катерина сама догадалась, что быстро идти у меня не получится. Ещё и пирожки мешались постоянно. Рюкзак-то никто из нас не догадался взять. Вот и тащу их в газетном кульке, что свернула продавщица.

Вот так постепенно и разговорились. Сначала о ноге. Потом о методах её лечения. А

после, я спел песню. Ну как спел? Прохрипел-прогудел-прочитал скорее всего. Голоса, как и слуха у меня нет. Кстати у Вилора тоже. Нам с ним самое место в группе «Motörhead». Иэн Фрейзер Килмистер или по простому Лемми воскрес бы и пожал мне руку, услышав мой голос (снимаю шляпу перед талантом этого человека и прошу прощения у всех его поклонников). Нет, если например «Варшавянку» или «Интернационал» спеть, то я думаю выйдет мощно. А всё остальное фигня будет — точно! Самое странное это то, что Катерине моё исполнение понравилось. Удивительно! Песня-то самая простая, про секретное задание. Знаете наверно. Винни Пух там поёт, а Пятачок подпевает:

«Куда идем мы с Пятачком?
Большой-большой секрет,
И не расскажем мы о нем,
Да-да! Верней, нет-нет!
Зачем шагаем мы вдвоем,
Откуда и куда?
Секретов мы не выдаем!
Нет-нет! Верней, да-да!».

Усталость куда-то пропала. Мы шли и шутили. Я искал подходящее место для обеда. Идеально было бы найти родник, но и колодец тоже сойдёт. Лишь бы рядом была тень, а то жара уже замучила. Катя, конечно, крепилась и делала вид, что ни грамма не устала. Но мне-то лучше видно. К тому же я сам уже чувствовал, что надолго меня не хватит.

Нам повезло, что дорога шла не только по полям, а иногда, пересекала небольшие участки леса. Здесь было гораздо прохладнее и мы успевали немного отдохнуть от жары. Вот в одном из таких мест, мы нашли оборудованный источник воды. Кто-то неплохо потрудился над созданием удобного, во всех отношениях, места отдыха и забора воды. Широкая лавочка, в нескольких метрах от источника, была нами сразу оккупирована и использована не по назначению. То есть мы, вместо того, чтобы просто сидеть и отдыхать, ещё и кушали пирожки. А что? Очень вкусно получилось. Свежая, холодная, родниковая вода и куча пирожков с различной начинкой. Съели всё! Жаль что нельзя выпить всю воду, но мы старались. Единственная проблема это комары. Им тут мёдом намазано, что ли? Задолбали не по детски. Если бы не моя спутница, то в выражениях я бы не стеснялся. Но, из-за неё, я ограничился стандартными проклятиями. Богатый опыт позволил сделать это красиво. Я выстраивал такие словесные конструкции, что Катя опять, на некоторое время, превратилась в товарища Чебурашку. По крайней мере, глаза были точно похожи.

Больше получаса постоянных нападений этих кровососов мы не выдержали. Не сговариваясь друг с другом применили тактический приём — отступление. А по простому — сбежали из этого "райского" места. Нафиг-нафиг. Итак хожу с распухшим ухом и хромаю. Не хватало ещё быть в красных пупырышках от укусов озабоченных самок. Чтобы потом мною пугали детей и показывали в качестве экспоната в кунсткамере. Я лучше с девушкой красивой побегаю.

Десять минут ходьбы под полуденным солнцем и мы вышли к небольшой деревне. Если я не ошибаюсь то, когда-то в будущем, мы, с моей бригадой, будем здесь строить два коттеджа. Очень уж приметное место. Я не грамма не историк, тем более не археолог, так что за достоверность не отвечаю. Но местные жители гордились, даже в моё время, происхождением своей деревни и утверждали, что она гораздо старше самой Калуги. Не знаю и спорить не буду, но все в округе были в этом уверены. А один, особо упёртый

товарищ, выпив свойского самогона, спорил на литр коньяка, что их городище старше Москвы и он может это доказать. Спорное утверждение. Тем более, что при устройстве котлована, мы ничего не нашли. Хоть бы горшок какой никакой попался. Так нет. Не было ничего. Так что знаю я это место. Это деревня Перцево.

Так как в прямой видимости находится Ока. То я предложил Катерине искупаться. А что? Идти ещё, фиг его знает сколько. Почему бы и нет? Короче, она согласилась. Только отослала меня подальше, сказав, что будет купаться одна. А мне было всё равно, где находиться, лишь бы побыстрее окунуться в речку. Жара действительно достала.

Местность, конечно, отличалась от той, что будет позже. Нету таких зарослей по берегу реки, только отдельные здоровенные кусты. Не маячат, в отдалении, очистные сооружения Калуги. Зато есть прекрасный травяной пляж. Или это заливной луг? Не знаю. Но чуть-чуть позагорать можно, после купания.

Катя уже плескалась в воде, а я только начал разматывать ногу. Медсестра бинт на мне не сэкономила и намотала его с запасом. Замучился разматывать и скручивать назад в рулончик. А как иначе? Потом будет некогда. Моя спутница, после купания, точно будет спешить и подгонять. Это у всех комсомольцев в крови. Я точно знаю! А если это ответственная девушка, типа Катерины, то идти мне сегодня мокрым. Жаль что пирожки закончились и пожрать у нас ничего не осталось. Потому что, точно знаю, после водных процедур, покушать захочется обязательно. Ладно, что-нибудь придумаю. А сейчас я буду просто балдеть в воде. Всё! Нога свободна. Ока я иду! Нет, я бегу!

Глава 8

Хорошая, солнечная погода. Удобный, мягкий, травяной пляж. Чистая, прохладная вода в реке. Красивая, добрая девушка сидящая рядом. Что ещё надо? Ответ, лично для меня, очевиден — это то, чем можно накормить эту девушку. Ну и самому, тоже, не помешало бы перекусить.

Как и предчувствовал, кушать мы захотели одновременно. Стоило только вылезти из воды и растянуться на травке. Это конечно образно. Так как выбирались из воды мы отдельно. Я, как положено, прямо на травку, а Катерина выше по течению за большим кустом. Потом, когда уже всю загорал, она пришла и села рядом.

Загораю и хочу есть, а она сидит, расчесывает маленьким гребешком свои волосы, типа так быстрее сохнут, и тоже хочет есть. Чтобы отвлечься завожу разговор о родственниках. Для начала, конечно рассказал о себе. Коротко, почти как в анкете, но с небольшими подробностями. Катя слушала внимательно, не перебивала, но избегала смотреть на меня. Смотрела на реку.

Рассказ Катерины был более полный. Но это из-за меня. Я постоянно влезал со своими вопросами, а она вспоминала и добавляла рассказ подробностями. Да-с, досталось девчонке и это прямо-таки отдельная история.

Как оказалось Катя не калужанка, а очень даже псковитянка. А в Калуге оказалась перед войной, в 1940 году. Летом приехала поступать в Учительский институт. Жила не в общежитии, а у дяди — двоюродного брата её мамы. Училась бесплатно как отличница. По итогам сессии стала получать повышенную стипендию. Первый курс закончила без хвостов с отличными оценками. Это значило, что второй курс тоже не надо оплачивать, а стипендия останется прежней.

Война началась неожиданно. Дядя настоял, чтобы она оставалась в Калуге. 9 июля Псков взяли нацисты, на восемнадцатый день войны. Как оказалось дядя был прав, что не отпустил её. А 12 октября фашисты заняли Калугу. Дядя погиб при обороне города. Он был из старых большевиков и сразу же вступил в ряды ополчения. Остались свидетели, которые вместе с ним защищали вокзал с депо и видели героическую гибель ополченца. Сама Катя, выполняя последнюю просьбу родственника, сидела дома. Выйдя только один раз, когда немцами проводились поиски раненых советских воинов и коммунистов. Дом находился на окраине города и не представлял никакого интереса для военных. В этом ей повезло. Питалась она тем, что собрала с огорода. Ещё, дядька, перед началом оккупации, принёс откуда-то три мешка перловки и четыре ячки, что тоже помогло выжить. Иногда меняла ячневую крупу на квашеную капусту или что ещё, у соседей. Слава товарищу Дзержинскому никто ею не интересовался. Так и жила, пока, перед новым тысяча девятьсот сорок вторым годом, в Калугу не вернулась Красная армия. В связи с войной институт не работал. Чтобы выжить пришлось устраиваться санитаркой в госпиталь. В то время самая нужная работа. Там и трудилась до конца войны. После победы восстановилась в институте. В этом году закончила на отлично. Практику, после окончания второго курса, проходила в архиве милиции, первый раз по комсомольскому направлению, а в последующие года по вызову, как оправдавшая доверие. Там и осталась после окончания учёбы. Работать в школе конечно же хотелось, но привычка и допитание сделали своё дело.

Про личную жизнь Катерина ничего не говорила. Только, вкратце упомянула, что был роман с сотрудником НКВД, ещё во время войны. Ребёнок родился намного раньше срока и не выжил. А отец его, куда-то пропал и до сих пор про него ничего не известно.

Окончание истории Катя рассказывала уже в дороге. Мы с ней не поленились зайти в деревню. Где, каким-то мне неведомым образом, приобрели пол-каравая чёрного хлеба. Я бы и от молока не отказался, но, тут всё не так просто. Катерина заявила, что в колодце прекрасная вода и не фиг молоко на халяву хлебать. Что к чему непонятно, но я предпочёл не интересоваться. А хлеб был просто офигенный! И вода тоже!

Наконец-то мы дошли. Теперь, уже мне было нетрудно догадаться, куда именно мы пришли. Это посёлок Авчурино и расположенная рядом дворянская усадьба с тем же названием. Помню и знаю это место. Приезжал сюда на экскурсию. Были такие одно время. "Экскурсия выходного дня" назывались — от общества инвалидов. Я, когда одно время сидел без работы (кому нужен инвалид на работу?), частенько пользовался этим предложением. А что? Бесплатно — раз! Опытный экскурсовод от краеведческого музея, который всё знает и всё расскажет — два. Толпа таких же инвалидов как и ты сам, с кем можно просто поговорить по дороге — три! Самое смешное, что экскурсии иногда повторялись. Не знаю почему, мне никто ничего не объяснял. Но, знаю точно, что в Авчурино я был пять раз!

История этого места богатая. Здесь раньше, до революции, кто только не жил. Начиная с Ягужинских, Гагариных, Полторацких и заканчивая Гончаровыми. Но это раньше, а теперь, на территории усадьбы, в здании бывшей конюшни, работает колхозная кузня. Где машину, принадлежащую транспортной милиции, на данный момент и ремонтируют. Точнее уже закончили. Одно мне не давало покоя — какого фига, в этом месте, где нету железной дороги, делала транспортная милиция? Потом у моей спутницы поинтересуюсь. Обязательно.

Как гора с плеч свалилась, когда узнал что мы наконец-то пришли. Я-то думал, что идти гораздо дальше. Катя напугала, что идти долго, а я поверил. Через посёлок прошли чуть ли не бегом. Откуда силы взялись — загадка.

Катя сразу побежала к кузнецу. А я решил проверить одно место. Глядишь разбогатею. На семнадцать серебряных рублей. Именно столько нашёл мой товарищ, когда в две тысячи десятом году испытывал новенький китайский металлоискатель. Меня здесь, с ним не было. Но записи на телефоне, где очень подробно описывалось место находки, я видел. Мой друг мне сам их показывал. Так что думаю найду. А нет, так и не жалко. Ещё, мне очень хотелось испытать свою удачу. Повезёт не повезёт.

Нашёл. Повезло. И даже больше нашёл. Или товарищ не всё показал или, даже не знак что подумать. Восемнадцать серебряных рублей и пять золотых "сеятелей". Всё это было в маленькой, жестяной коробочке с надписью "Чай". Надеюсь, что сберкасы принимают монеты из золота на обмен. Как-то не хочется в магазине расплачиваться золотом. Не так могут понять. Хотя, почему бы и нет? Нет! Я Кате деньги отдам. Пускай мучается и сама меняет. Это будет моя маленькая мстя. За то, что вовлекла в этот пеший поход за машиной. Блин... время, пока искал захоронку, пролетело незаметно. Оказывается меня уже потеряли. Катя в своём жёлтом сарафане с белыми, крупными цветами и чёрной бархатной безрукавке нарезала круги по всему двору усадьбы, в поисках меня. Звать пока не звала. Значит, ещё не дошла до точки кипения и мыслит рационально.

— Ты где был?! — сразу начала шипеть Катя, как только подбежала ко мне.

— Ты точно хочешь это знать? — вопросом на вопрос ответил я. Надо же как-то увести

её мысли в другом направлении.

— Не забывай, — немного поостыв и чего-то там себе понапридумав ответила моя спутница, — что я за тебя отвечаю. Мог бы предупредить в конце концов.

— Катя, ну ёлки-палки, — не натурально возмущился я, — мне что, каждый раз, как только захочу в туалет тебя искать? Или кричать об этом, во весь голос, чтобы ты знала? Ерунда получается.

— Гм, — задумалась Катерина и спросила после некоторой паузы, — а ты точно в туалете был?

Вот о чём она подумала? Я например не могу даже представить. С чего такие вопросы можно задавать? Не знаю. Поэтому ответил:

— Точно. Но не совсем.

— Что значит не совсем? — опять начала закипать Катя и поэтому начала повторяться и частить, — это как не совсем? Чем ты там занимался? Что ты там делал?

Не нахожу ничего лучше, как просто отдать ей коробочку. Пусть сама решает, что с ней делать. Если захочет, может выкинуть нафиг. Мне проблем меньше. А деньги? А деньги надо просто забрать из известного места. И для этого нужно только одно — время. К тому же, я кажется придумал, как незаметно провести разведку на местности. Главное, в моём плане это Катерина, но только в нормальном состоянии. Увидим.

Катя открыла коробочку и опять превратилась в Чебурашку. Потом, сообразив что там внутри, начала пихать мне её назад. При этом возмущённо пыхтя как паровоз. И как заклинание повторяла только одну фразу:

— Ты где это взял? Ты где это взял?

Потом, как это иногда бывает у ответственных девушек, что-то у неё перемкнуло в голове. Потому, что теперь, она стала меня обвинять. И, хочу заметить, тоже одной фразой:

— Ты это украл?... Ты, это украл?...

— Нет! — ору в ответ я, — нашёл! Там, наверху нашёл!

Потом замолчал и пошёл к машине. Катя осталась стоять с ржаво-жёлтой коробочкой в руке. Блин... Такое ощущение, что у неё в мозгу реле стоит, которое определяет — что хорошо, а что плохо. С одной стороны это неплохо и в жизни пригодится, а с другой это напоминает патологию. Я понимаю, что она комсомолка и присвоить чужую вещь, для неё, как отказ от идеи марксизма. Но я-то не присвоил и не украл, а предложил ей самой разобраться. Всё. Тьфу... Нафиг эту тему. Надо быстрее ехать в Калугу и заняться своими делами. А она пускай сама решает — что и как.

Машина "Победа", чёрная с красной полосой. Такая же как и та, на которой меня в Калугу привезли. Чё в ней ремонтировали-то? Вроде никаких повреждений не заметно — на первый взгляд. Может с мотором что? Тогда причём здесь кузница? Одни вопросы без ответов.

Сажусь за руль. Никаких неудобств. Завёл машину кузнец и она стояла работающая. Он вылез из кузни специально, чтобы сдать работу. Посоветовал мне заводить с помощью "кривого". Очень уж, по его словам, аккумулятор дохлый и надо бы новый ставить. В ответ, я ему сказал, что машина не моя и я только её перегоняю.

Теперь бы вспомнить, что там и как дальше? Отец, в своё время, рассказывал о каких-то заморочках со сцеплением на "Победе". Ладно. Фигли тормозить, надо пробовать, пока Катюха не подошла поближе. Стыдно будет если не смогу довезти её до Калуги. Даже не так — если не смогу тронуться с места. Вот! Она там, всё ещё стоит в задумчивости и

придумывает, что делать с находкой. Ну и ладушки. Пускай стоит подольше, а я тут сам разберусь. Попытаюсь, по крайней мере.

Не буду рассказывать, как и что делал, чтобы тронуться с места на этом автомобиле. Зачем эти подробности? Всё-таки у меня опыт есть. Да и навыки, кое-какие остались с прошлой жизни. Нормально всё получилось. Одно непонятно это почему отец плохо отзывался о сцеплении. По мне так всё нормально. Или я, по своей привычке, опять что-то не понял. Скорее всего он имел в виду ремонт, а не эксплуатацию. Тогда всё понятно.

Едем в Калугу. Уже Турынино проезжаем. Ну или в том районе находимся, как мне кажется. Фик его знает! Ни одной таблички нету с названиями населённых пунктов. Как хочешь так и догадывайся. Как оказалось Катя меня специально вела не по дороге, а окольными тропами. Так быстрее и намного прямее что ли. Не ввали в той песне, где «три загиба на версту». Ой, не ввали. Сам на себе испытал. Ладно проехали.

Пока, моя спутница крутит в руках чайную коробку, я стараюсь её не отвлекать. Незачем. Пусть занимается и на дорогу не смотрит. Хочу, раз уж выпал случай, погонять на разных скоростях. А что? Надо опыт нарабатывать. Скоро у меня свободного времени не будет совсем. Работа, учёба, да и себя не надо забывать и физически укреплять это тело. Поэтому нужна хорошая мобильность. Если машину мне никто не продаст, то уж мотоцикл куплю обязательно. Да, и велосипед нужен — ноги нагружать. Ещё и это задание от деда — никуда не делось. Тоже думать надо и ездить, смотреть, примериваться. Дел невпроворот, а я один.

Хорошо погонял. Не знаю какой в "Победе" объём бака, но гнал я не жалея топлива. Зато разобрался с этим "Пепелацем". Вывод один — хорошая машина. Недаром эти красавицы бороздят просторы российских дорог и в моём, том времени. Непривычно, конечно, но ко всему можно привыкнуть. Ещё, напрягал севший аккумулятор, но это не моя проблема. В качестве самоуспокоения, при применении альтернативного метода, можно думать, что качаешь мускулы заводя автомобиль с помощью "кривого". Но... блин! Это такой геморрой. Хотя... Есть тут любители так развлекаться. Наблюдал одного по дороге. Пришлось специально остановиться и помочь ему. Парень с колхоза, один мучился с "полуторкой", пытаюсь её завести. Что-то у него там не получалось. Ну, я и помог.

Когда вырулил на Тульскую улицу, уже в пригороде Калуги, то наконец-то понял, что ничего в этом мире не поменялось. Даже понял почему эту улицу раньше называли Говенской. Наши предки выбирали названия исходя из того, что видели перед своими глазами. Правда, при царе-батюшке после победы над Наполеоном, её скромно переименовали в Венскую, убрав первый слог из названия, но это ненадолго. Правда она такая — правда. Тульской она стала после революции, в двадцатых годах.

Небольшой зигзаг с вывертом и с Тульской попадаем на улицу Дзержинского. Нам прямо. Катя опять, на некоторое время, превратилась в Чебурашку. Но, пока, вопросов не задаёт. Копит информацию, чтобы обвинить меня в шпионаже. Я это понял по её взглядам. Блин... Спалился я по полной программе. Откуда парень из Брянска может знать улицы Калуги? "Никогда Штирлиц не был так близок к провалу" — это обо мне. Ничего, я знаю как это дело исправить. Пусть только спросит.

Улица привела нас прямо к тому дому, что был мне нужен. Он стоит на пересечении улиц Плеханова и Дзержинского. Катя, сначала по-возмущалась нашей остановке не вовремя, а потом бросила. У неё теперь другая задача — объяснить товарищу Собкину происхождение монет. И, каким-то образом, оправдать моё знание Калуги. Вот и сидит,

переживает. Не верит что я шпион. Комсомольское воспитание борется с женской практичностью и кто победит неизвестно. А у меня другая задача. Осмотреться.

Дом я узнал сразу. Несколько дополнительных сооружений ничего не меняли, в облике здания. Например голубятня. Её точно не было, когда мы этот дом сносили. Ещё большой сарай с воротами, что открывались сразу на улицу. Этого точно не было. Видимо снесли раньше или сгорел. Когда мы тут работали, был сплошной забор с небольшой калиткой. А вместо сарая стоял стол с лавочками, а по бокам несколько яблонь. Скорее всего это стол для настольных игр — от шахмат до карт и домино. А что? Нормально придумано. Мужики по вечерам сидят во дворе, а не бухают по питейным заведениям. А то, что играют, так у нас социализм и вечером люди отдыхают так как хочется.

Мне повезло. Обе двери в большой сарай были открыты нараспашку. Я отпросился у Кати: "Буквально на секундочку, взглянуть одним глазком и сразу назад" и был благосклонно отпущен.

В сарае кипела работа. Я заглянул внутрь, чтобы осмотреться. Похоже, что тут находится слесарная мастерская. Два верстака с большими тисками, широкий и довольно высокий стеллаж с инструментом и стоящая по центру возле дальней стенки наковальня — это только первое, что бросилось в глаза. Четыре человека в кожаных фартуках, что-то непрерывно пилили, точили и стучали молотками. Работают люди. Хотя время-то позднее. Но, тут нечего сказать, причин может быть много.

— Тебе чего парень? — спросил один из работников, заметив меня.

Блин... Ладно, есть небольшие заготовочки, на такой случай. Прикидываюсь, чем-то озабоченным и спрашиваю:

— Скажите, а вы только по металлу работаете? Или с деревом тоже?

— Смотря что тебя интересует, — отвечает другой мужик с молотком в руке, — если, что-то несложное, то можем и мы сделать, а если какой кандибобер нужен, то это к столярам надо идти.

— Да не, несложное, — я расслабился, вроде прокатило и люди заинтересовались, — брёвнышко надо отцентровать и ошкурить. И лаком потом покрыть.

— А какой размер у твоего брёвнышка? — поинтересовался тот же, который с молотком, — небось метра три?

— Да куда мне такое здоровое? — удивился я, и посмотрел вглубь сарая, — есть на чём отметку поставить? А-то я размера не знаю, он от роста зависит?

— Ну... вон подойди к стойке, — махнул молотком мужик, показывая направление, — там и отмечай, а я потом измерю.

Что делать? Пришлось идти и давать отметку. Только примерился, как открылась незамеченная мной дверь, возле одного из верстаков и в неё вошла маленькая девочка. Лет шесть не больше. Тёмно-каштановые распущенные волосы, светло-голубое платьице и чёрные туфельки с белыми гольфами — принцесса! И походу — местная любимица. Потому что сразу начала на всех наезжать по-детски конечно:

— Мамка всех на ужин звала, а вы всё не идёте! Просила передать, что керосин она больше жечь не будет. А вы, будете жрать всё холодное! Вот!

Тут она увидела меня. С детской непосредственностью, прямо с ходу, в лоб, поинтересовалась у всех:

— А это кто? На него мама не готовила!

Пока внимание этой крохи было направлено на меня, все потихоньку начали приборку

рабочих мест. А самый старший, из-за спины девочки, начал подавать сигналы, чтобы я зашёл потом. Лучше всего завтра. Даже, чтобы мне было более понятно, потыкал пальцем в циферблат часов. А я что? Я понятливый.

Громко попрощался со всеми. С девочкой, конечно же, отдельно и индивидуально. Потом вышел в дверь, а не в ворота. Ну, в ту, которую открыла девочка и оставили открытой. Пока никто ничего не понял, я осмотрелся во дворе. Отличия большие, но для меня совершенно не важные.

Делаю вид, что заблудился и иду к дому. Как и в моём времени в дом ведут два отдельных входа. Иду к тому, в котором, точно помню, есть лестница на чердак. Не дошёл. Пацан, лет десяти, меня остановил. Физиономия хитрая и конопатая. А судя по вопросу ещё и любопытная:

— Ты к кому пришёл? Если насчёт голубей, то Васька только утром будет. Но, могу рассказать какие брать лучше. Я его брат и всё знаю.

Чтобы не возбуждать подозрения, я, как и положено, сначала познакомился с пареньком. Звали его Юрка и он брат местного голубятника. Ещё он в курсе всех цен на летающий товар. И даже, может подсказать как, на кого и у кого лучше всего производить обмен. Короче, познакомились.

Народ из сарая пошёл в дом, на ужин. На нас с Юркой если и посмотрели, то признали это нормальным и никто не докопался. Чтобы не мешаться под ногами, отошли в сторону, под куст черёмухи. Там лавочка и можно посидеть-поговорить.

За двадцать минут чисто "пацанского" разговора, мне, с помощью наводящих вопросов, удалось многое узнать. В доме живут три семьи. Совсем не родственники. Был ещё один житель, но он умер полгода назад. Работал на бойне и иногда приторговывал кровью. Занимал комнату с выгородкой, под лестницей на чердак. Теперь там, после небольшой перестановки, никто не живёт. Зато, в одной семье, когда убрали деревянную перегородку, теперь на несколько метров комната больше. А место под лестницей, используется как склад инструмента. Хранят всякий хлам и веники с лопатами. Я про себя не распространялся. Сказал что поступаю в строительный техникум и ищу комнату, чтобы снять на первое время. Вопросов, после этого, ко мне больше не было.

Юрка вывел меня на улицу, через другую калитку, что с улицы Плеханова. И это отлично! Катя меня не видит, а значит не помешает. Осматриваюсь и осматриваю всё вокруг. Примечаю полезные мелочи и вообще всё, что может пригодиться. Нормально. Окно чердака не закрыто. А густые кроны двух деревьев закроют от любопытных глаз. Два пути и каждый мне подходит. Но, для подстраховки, лучше всего дождаться дождя. Он скроет мои шаги по чердаку. Всё, можно идти сдаваться задумчивой девушке.

Катя ничего не сказала, когда я сел за руль. Теперь-то не буду копать при запуске двигателя. Учёный уже и всё знаю — как и что. Через пару минут мы уже едем в милицию.

К отделу подъехали когда вечерело. Товарищ Собкин, как оказалось, нас ждал. Когда мы зашли к нему в кабинет, он спросил только одно:

— Нормально доехали?

На что Катерина, задвинув меня к себе за спину, ответила не менее лаконично:

— Нормально.

Потом немного подумала, посмотрела на Собкина и добавила:

— Но надо поговорить!

Меня тут же отправили в Ленинскую комнату, изучать свежую прессу, а сами остались.

Ну и фиг с вами. Я человек пожилой и умею с пользой проводить время. Они думают, что мне не известно, о чём будет идти разговор. Ха! Три раза. Монеты мои будут делить — зуб не дам, но на рубль могу поспорить. Фик его знает, что там в голове у этой работницы архива.

Свежих номеров газет я не обнаружил. Что ж буду читать то, что не успел в прошлый раз. Глядишь и прочту что-нибудь интересное и полезное. Газета «Труд» никакой ясности мне не внесла. Зато я увидел фотографию, что опять мне напомнила, о задании деда. Блин... Да помню я, помню. Часа не проходит, чтобы не вспомнил. Специально, что ли мне такие газеты попадают.

Настроение ушло в никуда. Тупо глядя, на статьи и фотографии, чтобы отвлечься, просчитываю варианты проникновения на чердак за деньгами. Вроде ничего не должно помешать. Дверь наверх летом никто закрывать не будет. Сам жил в таком доме (ну или почти) и знаю это. Нафиг! Даже дождя ждать не буду. С раннего утра наведуюсь и никто ничего не заметит. Главное не сильно шуметь, пока буду идти до коптильни, а там легче лёгкого. Как, блин, никто не догадался, за столько лет, разобрать этот девайс и посмотреть, что там внутри? Не знаю. Неужели никому этот жестяной ящик не мешался? Он хоть и небольшой, но место какое-то занимает. Или люди продолжали пользоваться коптильней и ни разу не залезли под неё? А чистить и ремонтировать — надо? Как? Удивительно!

Зашли оба. Собкин и Катерина. Серьёзные до невозможности. Самому стало интересно, что сейчас будет. Подошли, взяли стулья и сели рядом. Лейтенант смотрит как-будто на прицеле держит. С прищуром и каким-то ожиданием, что ли. Катя наоборот, вроде собранная до звона нервов, а вот не верю я ей. Какая-то наигранность и искусственность присутствует. Чувствуется что играет роль. И вообще они оба, прямо сейчас, разыгрывают какой-то спектакль или пьесу. Ладно посмотрим. Оценим. Похлопаем если что. Хотя, о чём это я? Ни в коем случае не выдаём себя. Сидим, слушаем и внимаем, что говорят старшие товарищи.

— Мы, тут посидели, поговорили и приняли решение, — начал свою речь лейтенант Собкин, — надо всё, что ты нашёл, оформить как находку и сдать государству.

— Ни чего не понял, поэтому прошу поподробнее, — ответил, полностью повернувшись к своим собеседникам, — ну не разбираюсь я в этих тонкостях.

— Катя, объясни, товарищу Тихому, все нюансы, — выделяя каждое слово сказал Собкин и встал со стула, — а я пойду оформлять запрос.

— Сделаю товарищ лейтенант, — ответила Катя.

Подсела ко мне поближе и начала читать скучную лекцию, по юриспруденции. Которая затянулась, на долгие полчаса. Не, а что? Много нового узнал. И разницу между кладом и находкой и как поступать если что-то из вышеперечисленного нашёл. Всё теперь знаю. Осталось всё оформить как надо и через полгода, если не найдётся хозяин вещей, можно владеть монетами по собственному усмотрению(но лучше сдать государству). О, как! А я уже про двадцать пять процентов размечтался. Оказывается есть другое решение.

Катя сидела и молчала. Ждала, что я скажу. А я что? Конечно согласился. Правда кое-что сказал, не подумав. За что получил, ещё один недоумённый взгляд. Но я уже привык к этому. А Катерина, по моему, снова убедилась в моей неадекватности. И сделала, для себя, какие-то выводы. И ведь просто пришли в голову слова из фильма "Бриллиантовая рука", а я взял и произнёс их, с дуру:

— Только Катя, прошу все драгоценности принять по описи. Ну там, чтобы всё как положено: опись-протокол, сдал-принял, отпечатки пальцев...

Балбес! Что ещё можно сказать? Инвалид-затейник блин. Пенсионер-шутник фигов. Никто, в это время, мои шутки не поймёт. Особенно Катя. Она же комсомолка и чужого не возьмёт, даже под страхом смертной казни. Кто меня за язык-то тянул? А Катерина обиделась. Сидит и молчит. Смотрит куда-то в сторону. Надо что-то срочно придумать.

Глава 9

Спас меня, как ни странно, лейтенант Собкин. Он уже пришёл и стоял за дверью в Ленинскую комнату. И, как мне кажется, слышал весь наш разговор. Стоило мне задуматься: «Что же делать, в этой ситуации?» — ведь, по идее, я обидел девушку своим недоверием. Как этот хороший человек, вошёл и начал прямо с порога нахваливать меня:

— Молодец Тихий! Так и надо. Это по нашему! А ты Катя, учись у этого умника, — а сам мне подмигивает глазом, типа "не бойсь" и сдерживает усмешку, — вишь как в Брянске комсомольцев учат. Во всём нужен порядок — особенно, в таких щекотливых делах, как находка. Как говорил великий товарищ Ленин: «Социализм это учет и контроль, плюс электрификация всей страны». Читали? Найдите и почитайте! Кстати, вы хоть заявление написали?

Катя, мельком посмотрела на меня и, подскочив с места, развила бурную деятельность. Листок бумаги, казалось, появился прямо из воздуха, а следом и чернильница с ручкой. Отодвинув в сторону газеты мы, по очереди, под диктовку лейтенанта, стали писать необходимую бумагу.

Когда написали и отдали заявления лейтенанту, я даже облегчённо вздохнул. Но, Собкин испортил настроение. И ведь, вроде бы, ничего не сделал. Только спросил, как бы невзначай:

— Тихий! А откуда ты, так хорошо, знаешь карту калужских дорог?

Знал ведь, что спросят. Знал и готовился к этому, но всё равно прозвучало неожиданно. А ответ у меня давно готов. Только настроение не то, чтобы переть буром и отстаивать свою правду — как я её вижу. Поэтому ответил нейтрально:

— С чего это вы взяли товарищ лейтенант?

— Да мне вон Катерина все уши прожужжала, что ты ни разу не сбился с правильного пути. Как будто бы всю жизнь, ездил по этой дороге. Удивительно, не правда ли?

— Ничего тут удивительного нету, — отвечаю я, — и если бы некоторые товарищи и, можно сказать, боевые подруги, были более внимательными, то и вопросов не возникло бы.

— Поясни, — попросил лейтенант, усаживаясь поудобнее на стул.

— А что тут пояснять? — я попытался, наоборот, расположиться на стуле, как можно более расслабленно, чтобы создать доверительную обстановку, — всё, лично для меня, понятно. Никакой дороги и тем более дорожных карт, я не знаю. И не знал никогда. Только вот Катя забыла, наверное, что дорога там идёт одна! И других не наблюдается. Так?

Я посмотрел на девушку, как бы требуя подтверждения. Но она сама, не вставая со стула, ответила мне:

— Это так! Но откуда ты мог знать куда поворачивать на развилках? И в городе ориентировался, как у себя дома!

— Да ну нафиг! — я с удивлением посмотрел на Катю и ответил, — извините, но географическим кретинизмом никогда не страдал. Если мы с тобой пришли с запада, то обратно будет восток. Против этого, надеюсь, никто спорить не будет? А развилка это развилка! У неё всего два направления. Берёшь и поворачиваешь, на ту что ближе тебе по направлению и всё. Легче лёгкого.

Лейтенант и Катерина посмотрели друг на друга. Ага, блин. Хрен вы прораба, на такой

ерунде словите. Против меня, чтобы в чём-то обвинить, надо более серьёзные аргументы иметь. А это так — чихнуть и растереть. И не такое мимо проходило. Тут всё, как у товарища Суворова — наглость и напор.

Не знаю, как и что там будет, но по моему, я смог их переубедить. Тьфу, блин! Время позднее, а пожрать нечего. И денег нету. Может к Катерине в гости напроситься? Или у Собкина денег занять до первой зарплаты? Нет, ну а что? Я тут, понимаете ли, стараюсь, машину ихнюю доставляю в целости и сохранности. А как накормить героя, так все сразу разбежались по кабинетам. Я, между прочим, взрослый ребёнок и питаться мне надо хорошо. Сейчас чего-нибудь придумаю.

Посидел-посидел и надоело. Никто не идёт, никому я не нужен. Выскочил в коридор и сразу в кабинет к Собкину. Прямо с порога заявляю:

— Товарищ Собкин, дайте в долг двадцать рублей!

Не быть этому человеку генералом. Такое удивление на лице, не может быть у высокого начальства. Чтобы добить добавляю:

— Жрать охота, а денег нету. К тому же поздно. Все магазины закрыты. Если и удастся где чего приобрести, то только в ресторане.

— Подожди, не части, — лейтенант вытянул вперёд руку, прерывая меня, — разве Катя тебя не покормила?

— Когда? — пришлось изобразить удивление всем своим видом, — сначала из машины не выпускала, потом во всякой ерунде подозревала, а теперь вообще одного в комнате оставила. Хоть бы чаем напоила.

Тут дверь в кабинет Собкина приоткрылась и оттуда выглянула моя спутница. В одной руке она держала газетный свёрток, а в другой чайник. Меня она не видела, дверь загораживала, зато лейтенанта сразу заметила и спросила:

— Товарищ лейтенант, а вы Вилора не видели? Я тут ужин сообразила, а его на месте нету?

— Заходи Катя, — усмехаясь сказал Собкин, потом, показав на меня, добавил, — здесь он. Деньги с меня требует. В счёт будущей находки.

— Неправда ваша, товарищ лейтенант, — тут же открестился от всего я, — только спросил. Без намёков даже.

— Денег, я тебе не дам, — твёрдо ответил следователь, — а вот талонами могу поделиться. Их принимают везде. Ночью можно на хлебозаводе пообедать — там никто возражать не будет. У них неплохая столовая, работает круглосуточно. Ну или в депо, там тоже ничего.

— Так сейчас не ночь, — ответил я, добавив в голос сомнение, — да и сплю я ночью.

— Это я на всякий случай сказал, — улыбнулся Собкин, потом показал на Катю и добавил, — а сейчас тебя она накормит. Идите в архив, там и перекусите. Нечего из Ленинской комнаты столовую устраивать.

Вздыхнув пошёл за Катериной. Кстати, заметил, что нога почти не болит. Это радует, потому что завтра мне будет нужна хорошая подвижность. Я бы и с больной ногой справился, но лучше пусть не болит.

Перекус занял всего десять минут. Что там есть-то? По паре бутеров с салом и по одному варёному яйцу — это ни о чём. Блин... как неохота ложиться спать голодным. Придётся давить на жалость. Хоть и не хотелось.

— Кать, — начал издавека я, — а у тебя нет знакомых спортсменов?

Сначала, буквально на секунду, я узрел товарища Чебурашку, а дальше последовал вопрос:

— Тебе-то это зачем?

Вот! Даже эта девушка. Очень хорошая девушка и к тому же комсомолка не верит, что я могу иметь отношение к спорту. Что уж говорить о окружающих? Если моя внешность говорит об обратном.

— В связи с тем, что меня постоянно используют, — я показал, как будто бы держусь за руль машины, — нужна другая обувь. Что-нибудь лёгкое, типа спортивной обуви для бега. Только без шипов.

Не, ну сколько можно удивляться? Катя опять зависла, только теперь с видом задумчивого Чебурашки. И я её понимаю. Ничего — подожду немного.

Ничего не придумав Катя решила пойти посоветоваться к старшему товарищу. О чём мне и сказала. А я что? Пошёл следом. Мне-то что? Пройдусь, может там тоже покормят.

Собкин, как раз куда-то собирался. Так что, на вопрос Катерины, посоветовал, раз уж есть нормальный водитель, доехать до спортзала "Динамо". Потом, если ничего или никого не найдём, разъезжаться по домам. И отложить все дела до завтра.

Тут опять меня подвёл мой язык. Этот Вилор уже достал со своим аппетитом. Или это я всех достал? В общем, я спросил ни к кому не обращаясь лично: — "Можно ли покушать в рюмочных на талоны? Ну или хотя бы, на пару бутербродов обменять? Жрать-то охота".

Что мне ещё оставалось делать? А оказалось снова подвёл мою спутницу. Тьфу ты блин!

Десять минут мне полоскали мозги. Десять минут я выслушивал лекции о недопустимости такого поведения комсомольца. И понял только одно, что мне вход, в рюмочные и пивные, закрыт. Даже бутерброд нельзя купить. Или обменять на талоны. Печально.

Зато, я их позабавил вопросом:

— Мне бы кеды. Чтобы утром можно было бегать. А пожрать можно и с утра.

Сначала хохот двух, вполне здоровых и, на первый взгляд, адекватных людей, привёл меня в недоумение. Потом, по обрывкам фраз, что проскакивали сквозь смех, я понял причину этого веселья. Оказывается кеды это несбыточная мечта всех спортсменов. Даже не так, про них знали-то немногие люди. Хорошо, что лейтенант и Катя знали, о чём идёт речь, а то многие бы и не поняли что я сказал. Вот это я попал! В моей памяти, в той жизни кеды появились ещё в девятнадцатом веке, где-то я об этом читал. Не может такого быть, чтобы в СССР их не было! Как так-то?! Это же самая простая обувь. Никогда не интересовался этой темой. Но... блин. А действительно, когда кеды появились в Советском Союзе? Убейте меня, но я не знаю и не знал никогда. А знаете, что меня добило больше всего? Это то, что я неправильно их назвал. Тут их называют КИДЫ?!!!

Ладно. Поржали и хватит. Между прочим скоро ночь наступит, а мы смеёмся. Вместо того чтобы сало резать и кушать с хлебом, как все нормальные люди. А что? Жрать охота. А мне, между прочим, согласно приказа товарища лейтенанта, ещё Катерину домой надо доставить. А потом назад вернуться. Машину вернуть в стойло. На площадку то есть. Домой пойду пешком. Слава всем, моим учителям дорогу я запомнил. Найду и дойду.

В динамовский зал мы попали прямо, как говорится, впритык. Тренировок уже не было. Ребята споласкивались в душе, переодевались, разговаривали и уходили. На первый взгляд этот зал в полуподвальном помещении, на улице Дзержинского, служил для занятий самбо. Но я могу и ошибаться. Несколько мешков подвешенных к потолку, вдоль дальней стены,

намекали что боксёры тут тоже присутствуют. Но это ничего не значит. Самбисты тоже тренируют ударную технику.

Катерину тут знали. Некоторые парни здоровались с нею, когда мы проходили мимо. А кое-кто пожал руку и добавил пару слов.

Тренер находился в миниатюрной комнате, куда кое-как воткнули письменный стол и стул, а гости могли только заглядывать в дверь. Входить было некуда. Нет, если стать по стойке "смирно" и так стоять, то вполне можно поместиться. А так, просто не реально. Расстояние между дверью и столом было сантиметров сорок. Вот и думайте. Кстати, в наше время, некоторые туалеты гораздо больше, чем эта комната.

Тренер тоже узнал мою спутницу. Стоило ей открыть дверь и замереть перед входом, как раздался густой и сочный бас:

— О, Катерина пожаловала. Никак к нам заниматься отправили? Это кто там в управлении такой умный нашёлся?

— Нет, не нашёлся, — улыбаясь ответила Катя, — я по делу.

— Это какое же дело, тебя привело? — опять забасил в ответ тренер, — давно спать пора, а она по делу!

— Да вот, дали в нагрузку дитё шепутное, — начала весело рассказывать, о своём горе Катерина, — а оно без подходящей обуви. Так-то ладно, но запросы у молодого комсомольца слишком высокие. Ему киды подавай, или на худой конец, что-то из спортивной обуви. Не может он без бега по утрам. Шило, в одном месте, не даёт покоя.

— А чего это сразу шило? — я возмутился, не высовываясь из-за спины Кати, — может мне нравится бегать. Не всем же мешки колошматить. Надо кому-то и бегать.

— А ну, покажись там, — опять раздался бас из тренерской, — кто это нашей Катерине не даёт жизни спокойной?

— Ага, сейчас покажусь и совсем без обуви останусь, — я попытался перевести в шутку, затянувшееся приветствие, — лучше вы к нам. Тут и места побольше. И убежать всегда можно.

— Это что? — деланно возмутился тренер, кое-как выбираясь из помещения, — испугался, что ли твой подопечный?

Катя не успела ответить. Я опять влез в разговор. А что? Меня тут, между прочим, чуть ли не в трусости обвиняют. Что, молчать что ли?

— Кто сказал, что я испугался? — ответил я, посмотрев на этого мужика, — просто сказал, что есть куда убежать. Фик его знает, вдруг вы сами решите побегать. А из-за стола вылезать долго.

Хохотали минуты три, всё вместе. Потом, протерев глаза от слёз, всё-таки перешли к насущным вопросам. Я пожаловался на несправедливое использование детского труда. При этом заметил, что раз уж взяли водителем, то и обувь должны выдавать. И куртку кожаную. И фуражку с козырьком. И сапоги нужны... хромовые. И портянки желателно бархатные. И талоны на усиленное питание. И зарплату надо в конце концов. Опять хохотали, но уже не так долго. Стараюсь говорить больше и быстрее, не давая вставить хоть одно слово Катерине. Пускай изображает присутствие. А я сам с человеком разберусь. Умею с такими людьми говорить. Опыт есть.

Десять минут и молодой (лет тридцать примерно) тренер отказался, что-либо искать в секции для меня. Объяснив тем, что ничего хорошего тут нету. А вот из личных запасов, под поручительство Катерины, отдал на время хорошие теннисные туфли. Фик его знает откуда

они у него. Как ни старался, ответ так и не получил. Зато получил бесплатный совет. Смазать туфли касторовым маслом, перед тем как одевать. Что меня поразило это марка обуви. На пятке кожаных туфель был ромбик, а внутри надпись "Dassler". Может из трофеев? Вроде немецкая фирма? Не знаю. Для меня самое главное это то, что размер подошёл. А остальное пофиг. Заберу деньги и обязательно, чем-нибудь отдарюсь этому человеку. Пока не знаю чем, но сделаю.

Когда подъехали к дому Катерины уже стемнело, хотя на западе кусочек неба ещё был светлым. Девушка побежала в дом, а я стал разворачиваться. Непросто это сделать на узенькой улочке. Легче, наверное, было сдать назад, а там где-нибудь найти место, для нормального разворота. Но что сделал, то сделал. Развернулся и проезжая мимо увидел стоящую возле заборчика Катю. Она сунула мне в руки свёрток.

— Там немного сала и варёная картошка, — крикнула Катя, стараясь перекричать работающий мотор, — а на утро два пряника. Смотри поешь обязательно. Я в одиннадцать часов зайду.

Кивком поблагодарив девушку, я газанул и уже через полчаса был на площадке отделения милиции. Заглянув, на всякий случай, в отделение, убедился, что Собкин покинул свой кабинет. Ну и ладно. Ужин у меня есть, осталось только его съесть. Быстрым шагом и самой короткой дорогой отправился в общежитие.

На входе был остановлен бдительным вахтёром. Этот достойный человек, тщательно выполнял свои обязанности и не пускал меня. Время-то приближалась к двенадцати. Но невзначай брошенное: «помогал милиции завести машину», позволило проникнуть внутрь. А уж когда поделился салом, то вопросов вообще больше не возникло. Вахтёр, в ответ, отрезал мне скибку чёрного хлеба и налил кружку морковного чая. Давненько я не пробовал этого напитка. В двухтысячных, приверженцы здорового образа жизни хлебали этот чай с удовольствием, наконец-то вспомнив бабушкины рецепты. Впрочем, мне сейчас выбирать не приходилось.

В нашей комнате ещё никто не спал. Некоторые ребята лежали на кроватях не раздевшись, некоторые сидели, но все в основном уже готовились ко сну. Решалось несколько насущных тем, которые не давали спокойно завершить день. Одна это новый фильм, который вышел на экраны недавно, а вторая это остановка кирпичного завода и как следствие простой в работе. Моё появление, чуть-чуть отвлекло всех от обсуждения, но ненадолго. Никого не интересовало, где я пропадал весь день. В приоритете были рабочие темы, а не мои метания по Калуге.

Я прошёл к столу и положил остатки еды. Уж с салом и картошкой, за одну ночь, ничего не случится. Теннисные туфли бросил под кровать. Нужны носки. Такую обувь на голую ногу не оденешь. А если ещё и бегать, то проблем точно наживёшь. Потом плюхнулся на кровать и задумался.

На первый взгляд, завтрашняя авантюра должна пройти нормально. На всякий случай у меня приготовлены ответы на любые вопросы. Блин! Да у меня железная отмазка есть: я пришёл к Юрке. И хрен вы мне чего сделаете! Лето на улице. Где хочу там и гуляю. Все взрослые уйдут на работу. А кто останется будут спать. Эти скорее всего с ночной смены. Так что проблем не будет.

Каких-то угрызений совести я не испытывал. Не пофиг ли? Этот чемодан простоит полвека и на хрен никому не будет нужен. Так что брать можно. А совесть пусть спит спокойно. Беспокоиться не о чём.

Другой вопрос это одежда. В чём идти? Мой костюм — хорошая ширма, но плохой помощник, когда надо куда-то аккуратно залезть. Может у соседей попросить какую-нибудь куртку, типа "хулиганки" или "бобочки"? Не уверен что дадут, но попробовать-то стоит.

Попробовал. От результата выпал ненадолго в осадок. Ни у кого ничего того, что я просил не оказалось. Зато я стал обладателем солдатской формы. Не новой, но чистой и почти без следов ремонта. Когда мерил, то было смешно. Но только мне. Остальные не смеялись — наоборот, советы давали как и что подшить, чтобы было удобнее. В это время галифе и теннисные туфли — последний писк моды скорее всего. Раз уж, все так возбудились.

Потом минут пятнадцать обсуждали мою обувь. Столько советов я не слышал давно. Что там касторовое масло — ерунда. Тут упоминались одеколон и нутряной жир. Причём обязательно свиной. Слава перцу, того товарища который предложил полчаса поварить обувь в солёной воде, сразу заткнули и отправили спать. А то не знаю, что бы было. Как итог: намазал льняным маслом и поставил сушиться на подоконник. Во! Вспомнил! У меня же носки есть, вязанные. Ребята из милиции подарили. Это хорошо...

Проснулся сам, без будильника. Сразу выскочил во двор. Нафиг. Тут сейчас будет шумно, так я лучше позанимаюсь немного. А народ сам, как-нибудь разберётся со звуковым сопровождением. Зачем мешать.

Как и в прошлый раз занятие не продлилось долго. Единственное изменение это три подхода к турнику. Результат тот же самый. Печаль. Но это ненадолго. Будут деньги, будет нормальная пища, а там и результат не заставит себя ждать. Добавил несколько упражнений на дыхание. Очень надо для этого тела. Потом попробовал изобразить "бой с тенью". Чистое посмотреть. Нахрен... полный пипец. Руки не хотят вспоминать, ноги не прыгают так как надо. Дисбаланс памяти. Где-то в глубине сохранились воспоминания о всех тренировках, о моих боях и даже наставления тренера. Я помню как должен двигаться, но мышцы не в состоянии это воспроизвести. Тело не готово... пока.

В нашей комнате небольшая перепалка. Хе-хе. А то? Я ж не просто так сбежал. Небольшой урок социальной психологии моим соседям не помешает. Интересно, кто всё-таки выключил будильник?

Когда зашёл, то чуть не навернулся. Какой-то умник бросил прямо под ноги подушку. Не, нормально да? Я тут понимаешь ли над ними всякие интересные опыты провожу, а они подушки друг в друга кидают. Не пойдёт. Надо успокаивать. Взял и прямо с порога заорал:

— Народ! Кто куском хлеба поделится? Жрать хочу не могу.

— А ты не офигел Вилор?! — крикнул парень, что отдал мне свои вещи (по моему его зовут Андрей), — может ещё и сто грамм налить?

— Не пью и вам, с утра, не советую, — ответил я, — так что там насчёт хлеба? У меня немного сала осталось. Угощаю. Только хлеба нету, извините.

Что тут началось... Все заголосили одновременно:

— Сало?!

— А что тогда молчал?

— Другое дело!

— Могу ножик дать, острый.

— Я к девушкам сбегая, у них точно есть хлеб, — это опять тот самый Андрей, — а вечером отдадим. Ага?

Съели всю картошку и сало. Хотя, что там было-то? Так червячка заморить. Но, я

думаю, что скоро утренний перекус войдёт в норму.

Первый урок прошёл нормально. Народ разбужен, возбуждён и уже решил одну, для начала, общую задачу. Ребята! Через полгода вы у меня настоящей командой станете. Будем всю общагу в руках держать. Хе-хе. А следуя заветам Ильича, мы все вместе из этого полуразрушенного здания сделаем дворец! Дайте только время. А что? Делал уже один раз и второй сделаю. Глядишь и одежду поповскую найдём. Будет лишний повод в одно место наведаться. Там эту одёжку, да вместе с крестом серебряным, с руками оторвут. А взамен можно кое-что попросить, для личного пользования. Но это позже.

Довольный результатом, я, на всякий случай, предложил разделить и пряники. Но народ скромно отказался. Ну и ладно, мне больше достанется. Надо бы только чайку к сладостям, где-то раздобыть. Как вариант это опять брести на вахту? Дед не откажет, но возьмёт на заметку. Или... Не, я лучше к девушкам на кухню схожу. У них всегда всё есть. Неужели они стакан чая не дадут? Или просто кипяточком не поделятся?

Облом по всем пунктам. Ни на кухне, ни в других местах, я никого не нашёл. Все ушли на работу. Ну, да, так и должно быть. Время вторых смен, на стройке, ещё не пришло. К этому придут при Хрущёве, когда начнётся массовое строительство. Так что все, до одного, работают в первую. Были два болезных, которые валялись в постелях, но это другая история. От них помощи, как из пипетки дождик. Что ж обойдусь просто водичкой. Тем более, что её целое ведро стоит и даже кружка есть.

Пряники зашли на ура. Немного твёрдые, но для Вилора, точнее его зубов — это была не проблема. Перемолол и даже не заметил. Ещё бы парочку штук, для полного эффекта, но чего нет того нет. Ладно. Чутка полежать, подумать и можно в путь собираться. Надеюсь, что до прихода Катерины, я успею всё сделать.

Честное слово мыслей в голове никаких. У меня и раньше такое было. Это когда точно уверен, что всё получится и ничего больше не нужно — только пойти и сделать!

* * *

Не забываем голосовать! Вам это не трудно, а автору приятно)))

Глава 10

До нужного дома я просто дошёл. Неспеша и внимательно смотря по сторонам. По пути, понятное дело, на меня обращали внимание. А что удивляться? Не каждый день по улице идёт юноша в галифе и теннисках. К тому же с рюкзаком и дебильной улыбкой. На рюкзак начхать, а вот улыбка была из-за шутки нашего вахтёра. Этот человек, как оказалось, может юморить и не плохо. Я слышал эту историю, как анекдот, но и устный пересказ вахтёра меня порадовал: «Проходя мимо аптеки, мужчина увидел в витрине маленький пузырёчек с жидкостью, на ценнике которого крупными буквами было написано: "Средство от насморка и кашля — один червонец". Обрадовавшись, он купил одну склянку и отправился домой. Не прошло и суток, как он прибежал назад в аптеку с жалобой, что стал кашлять еще сильнее, несмотря на то, что выпил целый пузырёк.

— Выпил! — удивлённо закричал аптекарь, — и вы еще живы? Это же был специальный состав, для пропитки обуви, чтобы она не пропускала влагу!» это коротко, но с намёком на мои вчерашние поиски касторки. Причём, изобразил он эту сцену очень натурально. Не знаю кому как, но мне понравилось.

Как я и говорил, никакого шевеления в доме не было. Жители если и были, то я их не видел. Специально проверил. Посидел на лавочке, примерно пятнадцать минут и никого не заметил. Хотя в сарае, уже во всю шла работа. Удары молотков, шворканье напильников и ножовок, матерные возгласы и подначки — всё говорило о бурном рабочем процессе. Вот и славно. Лишний шум нам только в помощь.

Почесав на удачу за ушком, какого-то местного кота, я зашёл в нужную дверь. Не задерживаясь ни на секунду, прошмыгнул по лестнице на чердак. Здесь, соблюдая режим тишины, на цыпочках прошёл по подсыпке до лежня. А вот уже по нему, осторожно обходя бабки, до мини-коптильни. Специально или нет, но за мной увязался тот кот которого я погладил. Пусть будет — лишняя причина, для моего здесь нахождения. Да и в случае чего (не дай бог конечно), он отвлечёт на себя внимание. Или правильно сказать привлечёт внимание? Пофиг. Главное, что внимание будет сосредоточено на нём. А я, в это время, постараюсь незаметно скрыться.

Стараясь действовать тихо, я аккуратно вынул крепёж (два длинных гвоздя) и сдвинул в сторону жестяную конструкцию. Можно только поаплодировать конструктору этой коптильни. Всё двигалось почти бесшумно. Жестяной патрубков сам выскочил из крепления, стоило только ослабить проволочный хомут. Небольшой скрип от трения металлической рамы по кирпичной кладке не в счёт. А благодаря тому что, в основном, сам коптильный короб был сделан из жести, всё перемещалось очень легко.

Вот и сам чемодан. Тот самый. Я его узнал. Длинный, фанерный, с металлическими уголками и кожаной ручкой. Застёжки открыл без щелчка, просто придерживая пальцем, не давая им откинуться автоматически. Насколько позволила коптильня приоткрыл крышку чемодана. Всё было на месте.

Денег было много. Очень. Пачки банкнот лежали плотными рядами. Старые, дореформенные деньги были перевязаны шпагатом и лежали отдельно. Новых было больше, как и в той жизни. Примерно раз в пять. Считать и любоваться зрелищем богатства — некогда. Надо смываться отсюда и побыстрее. Но, есть одно но! Я это сразу же понял — всё

унести не смогу. И за два раза, тоже не получится. Маловат мой рюкзак. Хотя, внутренний хомяк кричит об обратном и советует подумать. Делать нечего, придётся посетить это место ещё раз.

Сначала набил рюкзак битком. А уже завязывая узел, неожиданная мысль заставила ополовинить груз. Блин. Где мне хранить эти деньги?! В общежитии? Так я в понедельник выхожу на работу. А это значит, что рюкзак будет лежать без присмотра целый день. Я верю в своих соседей. Все они достойные люди. Они не будут лазить по моим вещам. Здесь это просто не принято. Да и не нужно это никому. Но! Вдруг что-то произойдёт и это всё-таки случится? А это обязательно случится. Просто согласно закону невезения. Как что случится? Комиссия какая-нибудь зайдёт и начнёт двигать кровати. Пожар в соседней комнате и вещи начнут выносить на улицу. Ливень с громом и молнией или землетрясение. Да всё что угодно! А тут рюкзак с деньгами. С одной стороны это не страшно — хрен докажите, что это моё. А с другой стороны — нафига мне этот геморрой? Вот и выложил половину пачек. На первое время хватит того что взял. А когда понадобится, то приду снова.

Самое сложное, как оказалось, это вернуть на место всю эту конструкцию. Больше всего провозился с проволокой. Без пассатижей стянуть хомут было сложно. Но, благодаря опыту и какой-то матери, удалось справиться. Всего-то использовал гвоздь как монтажный крючок. Надеюсь, что сразу не заметят отличия. Полгода стояла эта хрень и никого не интересовала. Глядишь и ещё столько же простоит и тоже будет никому не нужна.

Теперь совсем легко. Надо только дождаться подходящего момента и быстренько спуститься вниз. Даже, ради правдоподобия, можно у любого встречного, если такой появится, спросить о местонахождении Юрки. Но это на всякий случай. Лучше всего, чтобы никто не встретился.

Тут, совершенно некстати, влез кот. Он терпеливо ждал меня возле открытой двери, прямо на верхней ступени лестницы. Я же не всезнающий Будда и даже совсем не орёл востроглазый. Не заметил этого хвостато-полосатого комка шерсти. Тени, полутени, блики света и выход из тёмного помещения на светлое место — всё сыграло не в мою пользу. Шагнул вперёд и наступил на хвост этому бродяге. Громкий мяв, любителя игры в прятки, прозвучал оглушающе. И был похож на утробный рёв голодной самки носорога в период осеннего спаривания(это не моё выражение, есть люди и они, именно так выражаются). Что меня удержало на месте, я затрудняюсь ответить? Но решение было верным. Старушка — божий одуванчик мелко семена вышла, откуда-то из-за угла короткого коридора и начала голосом успокаивать котейку. Потом подошла и взяла его на руки. Простояла немного и удалилась в обратном направлении.

Переведя дух, я тихохонечко, стараясь наступать как можно легче, спустился по лестнице. Оглядевшись ещё раз и убедившись, что никого больше нету, я стал сбоку от двери. Осталось самое трудное — незаметно удалиться с места преступления. А что? Тут на пару не самых гуманных статей наберётся с отбыванием от максимума до пожизненного. Хотя здесь нету такого. Сразу расстрел. Эх...

Сделал самое задумчивое лицо и вышел во двор, постаравшись не задеть створку двери. Лямки рюкзака, обе сразу, перекинуты через левое плечо. Не очень удобно, но одна рука свободна. Да и обзор вроде как лучше. Пару шагов, поворот и рывком на лавочку. Всё! Теперь, если что, я пришёл и жду Юрца. И хрен кто чего скажет против. Были бы сигареты, точно бы закурил. Но, после минуты отдыха подумал и решил — не курил и нефиг начинать!

Мысли действительно не радостные. В наличии примерно тридцать тысяч рублей, за

точность не ручаюсь. Сейчас это не важно, да и неохота мне пересчитывать. Брал те пачки, что были с купюрами помельче: трёх-, пяти- и десятирублёвые. Парочку, достоинством в двадцать пять рублей, я запихнул в последнюю очередь. На всякий случай — как говорится. Вроде спокойно кругом... Надо бы уходить, а ноги не идут. Не привыкло это тело к стрессовым ситуациям. Ладно, ещё посижу. Может отпустит.

Как ни странно, но уже через пять минут я был в полном порядке. Можно выходить на улицу. Но что-то меня удерживало. Не давало встать и идти. Чуйке своей надо доверять. Сколько раз меня это спасало в прежней жизни. Да и дед, что-то такое упоминал в своём "напутственном слове", а это уже серьёзно. Значит жду.

Сначала почувствовал запах перегара и лишь потом, в поле зрения, появился натуральный бомж. По крайней мере, в моём времени, его бы именно так и назвали. Заросшее, опухшее лицо с красноватым оттенком и синим бланшем под глазом. Протёртая до дыр, а в некоторых местах и просто порванная рубаха-косоворотка. Непонятно-серого цвета штаны с висящими пузырями растянутой материи, на коленях. Волосы, даже без электричества, стоящие дыбом с вкраплениями соломы и листьев. Брр-р... ужас! Тем более, было странно услышать из уст ЭТОГО вопрос:

— Пацан. Ты чего здесь делаешь?

Отвечать не хотелось совершенно. Чувствовал, что ничего хорошего из этого не будет, но опять тело Вилора опередило мой разум. И выдало детский ответ:

— Сижу (Мать твою Вилор! Если не знаешь, то нефиг влезать).

После нескольких секунд рассматривания меня, непохмелённое тело спросила, с угрозой в голосе:

— Ты что фраер, не понял вопроса, а?

Пришлось взять нить разговора в свои руки. Иначе товарищ Вилор такого наговорит, что придётся или убегать, или стучать по чужой голове. Что делать очень неохота, по причине омерзительного вида оной. Ещё грязь какую-нибудь занесу. А оно мне надо? Пришлось показать, чем отличается детдомовская непосредственность от старческой рассудительности.

— С какой целью интересуетесь, товарищ? — я постарался придать голосу расслабленное, но и одновременно агрессивное звучание, — или не товарищ?

Мне бы папиросу в зубы и "Маузер" с деревянной кобурой на пояс. Для антуража. Но... нету. Зато взгляд умею делать, тот который нужен. Некоторые, в той жизни, сразу увольнялись стоило только посмотреть, на них, таким образом.

— Ик! — икнуло тело бомжа, но всё же смогло спросить, — А ты кто?

— Я то? — делаю вид, что с интересом рассматриваю собеседника, — я друг Юрки, на голубей пришёл посмотреть, а ты что за буй с горы?

Протерев глаза обеими руками, этот любопытный крендель, снова, в упор уставился на меня. Я не умею читать мысли. Но, у этого забуддыги всё было написано на лице. И первое, а значит самое главное, было желание похмелиться. Что он тут же подтвердил своими словами:

— Слышь? Друг Юрки, а у тебя денежки нету? Выпить охота — мочи нет страдать.

Пришлось осадить этого, не в меру ретивого, представителя рода людского. Мне самому деньги нужны. К тому же, открывать рюкзак и доставать оттуда требуемое, желания не было. Не дай бог, заметит весь мой груз. Поэтому играем роль до конца.

— Нету денег. Сам с поезда и жить негде, — с небольшой ноткой сожаления, ответил я.

— А сюда-то зачем пришёл? — опять включил любопытство этот алкаш, — тут все комнаты заняты. Кто тебя сюда направил? Откуда ты вообще знаешь о нашем доме? А может ты сродственник Паши-свинокола?

— Это какого Свинокола? — надо как можно больше информации и я продолжил, — не с Брянска случайно? Знаю я там одного.

— А чёрт его знает, может и оттуда, — алкаш опустил плечи, уставился в одну точку и выпал из разговора.

Блин... Недаром меня, что-то держало и не давало уйти. Тут, прямо в этот момент, какая-то странная история происходит и это мне должно в чём-то помочь. Я так думаю. Надо крутить этого козла дальше... Вот ведь! Неужели? Неожиданная мысль пришла в голову: «А не может ли это, как-то быть связано со спрятанными на чердаке деньгами?» и это мне показалось разумным. И что делать?

Я задумался. Теперь мы вдвоём сидели и смотрели в одну точку. Интересная картина получилась для окружающих, наверное. Если кто, конечно, обратит на нас внимание. Тут, насколько я убедился, просто так никто не ходит. Время уходит, а нормального решения, как и о чём спрашивать, нету. Ладно. И хочется и колется, а Катя ждать не будет. Времени не осталось поэтому принимаю решение. Сейчас попрощаюсь с этим кадром, а чутка попозже, скорее всего завтра, вернусь и мы продолжим наше знакомство. Надеюсь что успею подготовиться. Всего-то и надо пару бутылок какой-нибудь "бормотухи" и леденец в качестве закуски. А уж пьяного разговорить это не проблема.

Со спокойной душой, попрощался с местной достопримечательностью и поспешил удалиться. Кстати, узнал его имя. Ничего особенного — Колян. Придётся поспешить. Идти хоть и недалеко, но время-то идёт. Характер Катерины непростой и как она себя поведет, в случае моего опоздания, неизвестно. Ещё бы деньги по дороге припрятать и мне так кажется, что я знаю где!

Эту улицу я исходил, избегал, изъездил на велосипеде, а впоследствии и на мотоцикле — вдоль и поперёк, в том времени. Надеюсь что отличия с нынешней небольшие. Сейчас — это улица Ленина, а скоро, как только будет построен драмтеатр, её переименуют в Театральную. А ведь когда-то она называлась Облупская и так было до 1912 года. Тогда, в честь 100 летия Бородинского сражения, её, согласно указа губернатора стали называть Кутузовской. Вот так, за неполные пятьдесят лет, улица поменяла четыре названия.

Названия менялись, а здания оставались те же самые. Иногда, правда, им ремонтировали фасады. Ну, когда уже совсем всё сыпалось. Но всё это было ненадолго, хотя люди старались. Так косметика на то и косметика, что делается для того чтобы скрыть, а не сделать. Я никогда не занимался отделкой. Не мой профиль, хоть и умею. Но в капитальном ремонте, на этой улице, однажды поучаствовал. Немного. Чуть-чуть. Так что дом, к которому я шёл, знаю не по рассказам. Если честно то, по моему, его знает любой калужанин. По крайней мере тот, кто жил во времена СССР. Это знаменитая "Пончикова" на Театральной. Много можно рассказать о ней, но не в этот раз. Слишком много воспоминаний и впечатлений. И главное здесь не это. Там, во дворе, я смогу на время спрятать деньги. Есть хорошее место.

Быстрым шагом захожу во двор. Хорошо, что он проходной — не будет никаких вопросов, о том, что я здесь делаю. Если будет кому задавать. Время-то самое рабочее и никого поблизости нету. Сразу ныряю в кусты, что в дальней части двора. Они густые и скроют от любопытных глаз. Здесь когда-то было небольшое строение из кирпича. Сейчас

остался только фундамент, заросший крапивой и репейником, а посреди этого небольшая гора кирпичных обломков. Всё как в той жизни. И никому ничего не надо. Так и будет до начала двухтысячных. Люди начнут массово покупать машины. Места на всех будет не хватать. Найдётся какой-то умник и решит изменить вид этого двора. Наймёт рабочих. Они расчистят здесь всё и сделают стоянку. Но, когда это будет?

Меня не интересуют эти развалины. В самом углу, прямо возле кирпичного забора, находится металлическая бочка с известью. Она почти вся ушла в землю. Лишь край, сантиметров тридцать, торчит из грунта. Туда я и пихнул все деньги, предварительно завернув их в кусок рубероида. Себе я оставил лишь одну пачку трёхрублёвых банкнот. Пока хватит. Надо будет ещё приду. Закидав свёрток с деньгами кусками кирпича и другим мусором, я побежал в общежитие.

Еле успел. Только ополовинил кружку воды и собирался добить её до конца, как в дверь заглянула Катя. Уговорил подождать пять минут, чтобы сполоснуться в умывальнике. Быстренько переодевшись в цивильную одежду я оказался готов к дальнейшим похождениям.

Суббота, что с этим поделаешь. Для нынешних людей это обычный рабочий день. Все работали и, наверное, мечтали о выходном дне. Даже рынок не мог похвастать большим количеством людей. Нет, торговцы стояли и продавали, а вот покупателей было немного. Мы раз пять прошли мимо и я, в конце задолбавшись бегать туда-сюда, отказался двигаться дальше, пока меня не покормят. Катя, посмотрела-посмотрела и смилостивилась. Вот и ладушки.

В пирожковом ряду мне чуть не стало плохо. Восхитительная волна ароматов свежей выпечки просто туманила разум. Особенно, если учесть и принять во внимание, что я с утра был голодный. А с чего быть сытым? Пара кусочков сала и два пряника? Не смешите мои тапочки, тем более, что у меня их нет. Для разминки купил себе две шпуки с яйцом и зелёным луком. Но, посмотрев на Катерину сразу же с ней поделился. Такого взгляда, никто бы не выдержал. Я не исключение. Пирожок, что мне достался, был большой. Относительно. И поэтому исчез в желудке за минуту. Это если учитывать время на пережёвывание. А дальше... Я остановился только у молочных рядов. Где мы, с моей спутницей, выпили по кружке молока. Уф! Наелся!

У нас осталось последнее дело. Дойти до места работы и познакомиться с прорабом. Может он мне, наконец-то, расскажет всё, что нужно по поводу рабочей одежды и инструмента. Выдадут или нет? Надо что-то покупать или хоть что-то выдадут? Не знаю я, как это дело происходит в это время. В наше-то было проще. Спецовку, если надо, дают на работе, но при увольнении могут вычесть стоимость. А инструмент по разному, хочешь работай со своим, а хочешь тебе выдадут, только потом вычтут из зарплаты.

Сидели на скамейке. Я видел, что Катя тоже не испытывает большого желания куда-то идти. На сытый желудок желание у всех одно — поспать. Собственно нам не к спеху, можно и посидеть, подремать, помедитировать. Да что угодно, лишь бы не двигаться.

Рынок на улице Кирова (бывшая Садовая) гудел. После полудня, когда спала жара, народ подтянулся и начал активно закупать продукцию местных частников. Удивляться нечему — завтра выходной. Люди пойдут на природу, чтобы отдохнуть. А это значит, что надо заранее закупить всё необходимое для хорошего времяпровождения. Чтобы завтра не бегать высунув языки под жарким летним солнцем в поисках чего бы покушать. Совершенно случайно заметил мелких воришек. А приглядевшись, нашёл где они кучкуются. Это не

наши, не детдомовские. Какая-то местная шпана. Деньги не воруют — не умеют наверное. В основном берут продукты. Там яблочко, здесь пару яиц, а кто-то у пьяного рыбака стащил здорового леща. Даже переживал за них, когда они проводили целую операцию. Целью которой был хороший кусок сала. Не удалось. Сказалась небольшая численность покупателей. Но, коляску колбасы всё же прихватили и при этом остались непоиманными. А может эта колбаса и была целью, а сало только отвлекающий момент? Интересно за ними наблюдать, хоть и не одобряю. Ощущение, что они тоже готовятся к выходным. Катерине не стал на них показывать. Хрен его знает, зачем они это делают — может положение в семьях плохое или, что ещё хуже, родители пьяницы-пропойцы. Всякое бывает.

По взгляду Катерины я понял, что наш отдых закончился. Ничего не имею против — можно продолжить нашу прогулку. Но, как ни странно, всё оказалось не так, а гораздо хуже. Мне предложили подумать и решить, что делать с теми малолетками, что пытались нас ограбить. Ребята полностью во всём сознались и признали свою вину. Только вот следователь очень просил забрать наше заявление. Портить жизнь приводами в милицию этим парням, ему не хотелось. Просил подумать и принять решение. Как оправдание их поступка он упоминал тяжёлую жизнь в детском доме.

Сначала я чуть не придушил Катерину, за испорченный отдых. Потом всё-таки прислушался и согласился, что нефиг ребят гнобить. А в качестве наказания предложил посетить детский дом и провести беседу, о моей жизни во время войны в Брянском детдоме. А что? Я могу. Спасибо деду или кому там ещё, но то, как выживали Вилор и его товарищи по детскому дому, в памяти присутствует. Так что это хорошая идея. Надо только заранее договориться о времени. Я теперь человек занятой. Как никак с понедельника на работу выхожу. А это уже обязывает думать о свободном времени.

Сам встал и помог подняться Кате. А дальше пошли мы в сторону улицы Чичерина, где нас ждал мой будущий начальник. Посмотрим на место работы. Поговорим о моей учёбе. Приглядимся к наставнику, который будет меня учить профессии.

Спокойно идти не получилось. Катя воодушевлённая моим согласием поговорить с детдомовцами строила, какие-то свои планы и говорила не останавливаясь. Её можно понять. Если это провести по линии комсомола, то преференции будут обязательно. И не слабые. А это как никак большой и жирный плюсик в комсомольский лист учёта. Что, в свою очередь, является первым шагом к вступлению в партию. Рад за неё и всегда помогу в любых ситуациях. Также первым проголосую за её кандидатуру, если мой голос, что-то значит. Если кто и достоин называть себя коммунистом, то это она.

Катя почему-то решила, что в этот раз, лучше пройти через Пятницкое кладбище. Как вариант и чтобы сократить путь вполне приемлемо. Заодно попробую найти какие-нибудь различия. Я же тут работал в голодные девяностые. Точнее подрабатывал — ночным сторожем. А что было делать? На стройке задерживали зарплату, чуть ли не на полгода. А здесь платили вовремя, хоть и не очень много. Так и трудился: днём на стройке, а ночью здесь, на кладбище. Работа — не бей лежачего. Пришёл, дождался десяти часов вечера, закрыл большие ворота на замок, а маленькую дверь просто прикрыл и спи всю ночь. Про всякие подработки промолчу. Незачем. Лишние деньги никогда никому не мешали. Так что не буду ворошить прошлое (или всё-таки будущее).

Буквально двадцать минут и мы уже на месте. Осталось найти прораба и закончить наконец этот марафон с устройством на работу. Надоело. Пора уже дело делать, а не Калугу шагами мерить.

"Социализм это когда всё общее" — не помню кто это сказал, но сейчас, когда стою напротив строящегося здания, я в этом убедился. Забора, который должен огораживать стройплощадку, нету. Есть изгородь высотой по пояс изготовленное из аккуратных реек и покрашенное в зелёный цвет. Заходи кто хочет, бери что понравится. На этой пародии забора, через равные промежутки висят предупреждающие таблички. И всё!

Ладно. Потом буду удивляться. Сейчас нам нужен прораб. И кажется Катерина знает где он находится. Слишком быстро она прошла сквозь эту ограду и сразу направилась в подъезд почти достроенного здания. Что ж, пойдём познакомимся.

Глава 11

Не было прораба на месте. Я для приличия пару раз стукнул кулаком в дверь. Хотя табличка висела. Даже часы приёма были вписаны, для каждого дня недели. Сегодня суббота, значит приём с 14.00 до 16.00. Блин... а у меня такой шутки не было, в той жизни. Вот ведь... извращенец-аккуратист. Если не сказать хуже. Он прораб или директор, в конце концов? И где тогда он лазает? Время, между прочим, как раз самое приёмное! Катя не выдержала и пошла разбираться.

Вернулась, через пару минут, с человеком, которого назвать прорабом можно только с большим трудом. Фильм "Буратино" помните? Там был такой персонаж — Джузеппе Сизый Нос это который собутыльник Папы Карло. Они ещё полено хотели пропить. Вот. Вылитый он! Я даже сперва подумал, что тут фильм снимают. Хотел автограф взять. Потом понял, что просто очень похож. Не помню я фамилии того актёра, а вот у прораба она была — Иванов Сергей Петрович. Это я на табличке прочитал. Сам он не представился — важный очень. Ну и шуруп тебе в переносицу, чтоб очки не падали. Время покажет, что ты за начальник такой.

Как только этот Сергей Петрович узнал, что я это именно тот ученик, которого недавно взяли на работу, то отношение ко мне резко изменилось. Стало ещё хуже. Если до этого, на меня смотрели как на мелкую рабочую единицу, то теперь вообще не замечали. Вся беседа шла с моей спутницей. Меня как-будто бы не существовало. Сидит какая-то тень в углу, ну и пусть сидит. Взбесило это прямо-таки невероятно. До зубовного скрежета. Катя, кстати, это тоже заметила. И помотала головой, чтобы я ничего не делал. Даже пальчиком погрозила. А я что? Я понятливый и не стал выёживаться. Сидел тихонечко на стульчике и не отвечивал. А потом, вообще попросили подождать в коридоре.

Злой и недовольный ходил по коридору. В душе как будто самовар вскипел. Хорошо, что хватило сил, не употреблять разговорный русский язык вслух. Иначе этот лысый прыщ многое бы о себе узнал. Голоса в кабинете набирали громкость. Невольно услышал часть беседы за закрытой дверью. Только теперь и понял, как мне повезло с Катериной. Как волчица защищает и грызёт всех за своих волчат, так и комсомолка рвёт прораба за права юного комсомольца. Иванов, что-то там пытался мяукать в ответ, но Катю это только больше раздражало. Да-с. Не хотел бы я там, в кабинете, находиться.

Пятнадцать минут прошло и меня позвали обратно. Я не гордый, поэтому зашёл и не поморщился. Джузеппе... пардон, Сергей Петрович сидел за столом взмокший и сиял багровой лысиной. Блин, расстреляйте меня на месте, но он точно один-в-один, как тот актёр. Даже очки такие же. Во! И лысину платочком вытирает аналогично. Вот как мне теперь с ним разговаривать? Если у меня перед глазами сидит не прораб Иванов, а алкаш Джузеппе?

Катя видя, что я замешкался, опять перевела все стрелки на себя. Настоящая комсомолка — всегда, без лишних разговоров, подставит своё плечо товарищу и поможет ему в трудную минуту. Уважаю её. Мне как бы, тоже, не хотелось оставаться в тени. Фик его знает, что там у меня в мозгах щёлкнуло, но вопросы посыпались из меня пулемётной очередью. Всё, что хотел узнать, о том и спросил. Пусть теперь сидит и чешет лысину, в поисках ответов. Но недолго. Нам ещё тут застрять не хватало.

Прораб Иванов наконец-то оказался в своей стихии. Направлять и поучать это он умеет

и не скрывает, что видно по его счастливой физиономии. Мне-то всё сразу стало понятно. Но, в оправдание его таланта, могу сказать — такой лекции по технике безопасности на рабочем месте, к тому же в реалиях сороковых годов, мне не рассказывали никогда. Тридцать минут, с показом различных плакатов, а также пересказом небольших, поучительных историй, продолжался этот инструктаж. Я аж заслушался. Хорошо, что в журналах пока не заставляют расписываться. Это будет чуть позже — в понедельник.

Я всё-таки не сдержался и немного поаплодировал (А что? Понравилось ведь). Чём ввёл в смущение и Катю, и Сергея Петровича. Ну, про мою спутницу понятно — переживает очень, а вот этот-то крендель, чего покраснел? Стыдно стало что ли? Ладно. Надо заканчивать эту богадельню. Ща, как начну... Стоп! Мне нельзя высовываться. Блин. Вовремя остановился.

На долгую минуту в кабинете повисла тишина. Которую, как не странно, прервал прораб. Он поинтересовался: «Всё ли нам понятно, не надо ли нам ещё чего-нибудь объяснить?» но, сделано это было так, как будто мы, ему, ещё и должны остались. Вот ведь зараза.

Посмотрел на Катю. Она пожала плечами и начала вставать со стула. Что ж можно уходить. Даже оторвал свою пятую точку от табуретки. Но, как там у Штирлица: «Запоминается последняя фраза». Вот и спросил у этого начальника напоследок:

— Так что там насчёт спецовки и инструмента? Во время вашей лекции, как-то ничего не было сказано об этом. Мне, что-нибудь выдадут или со своим приходить?

Картина Репина «Не ждали» и финальная сцена "Ревизора" в одном флаконе. Но, товарищ Иванов не зря занимал своё место. Сумел вывернуться из скользкой ситуации. Сначала, конечно, попыхтел немножко, но после нескольких секунд рассматривания потолка, рассказал что делать:

— Сейчас я ничего обещать не буду. А вот в понедельник, когда тебе назначат наставника, подойдёте вместе к кладовщику и получишь, то что есть. Золотых гор не обещаю, но что-нибудь найдётся. Это по инструментам, а вот со спецовкой сложнее. Из ФЗУ ребята приходят со своей одеждой. Для тебя лично, могу обещать только фартук и рукавички. Обувь специальной тоже нет. Так что решай сам.

Что-то такого я и ожидал. Поэтому ни грамма не расстроился. Завтра на рынке куплю всё что надо. Если найду конечно. Обменявшись с Катей взглядами мы покинули эту локацию. Честное слово, не помню — попрощался или нет. Да и фик с ним. Скользкий тип.

Вышли на свежий воздух. Улица Чичерина строилась стахановскими темпами. По идее суббота, а работа идёт и не собирается прекращаться. Ещё чуть-чуть и я тоже буду вовлечён в это нужное дело.

Центральной аллеи ещё не было. Поэтому посидеть на лавочке в тени каштанов не получится. Раз так, то просто идём — гуляем. Смотрим по сторонам и разговариваем. Направление задаёт Катерина. Сразу же, даже такому тупеню как я, становится понятно, что идём в отдел. Мне это не подходит. Что я буду завтра с утра кушать? Вот! Поэтому предлагаю дойти до рынка и закупиться продуктами. Не вышло. Катя наотрез отказалась идти куда бы там ни было, кроме как на работу. Ей надо отчитаться перед лейтенантом Собкиным. Да и её прямые обязанности никто не отменял. Так что только на работу! И ни шага в сторону.

Пришлось расстаться. Но я пообещал, что обязательно за ней зайду, чтобы проводить до дома. Объясняя это тем, что субботний вечер это не повод идти одной. Был послан, но не

далеко. Успею к девяти вечера вернуться. Ну и раз такое дело, и пользуясь тем, что Катя о чём-то задумалась, я быстро чмокнул её в щёчку. А дальше включил пятую повышенную скорость (или какая там самая быстрая у вертолётки) и поскакал в сторону рынка, совершенно не обращая внимание на отсутствие дороги. При этом вопя в полный голос: «Спа-а-си-и-бо-о!» — чуть не упал. Потом подумаю, чем мне это может грозить. Да собственно, ничем не будет. Опять сошлюсь на обычаи детдома.

Пятницкое кладбище осталось позади. Мне теперь на рынок. Решил пройти мимо строительного техникума. Заодно посмотрю на объявления. Может что поменялось в плане приёма новых учеников. Каждый день в стране изменения, вдруг и тут так же. На улице Герцена, совершенно такого не ожидая, наткнулся на коммерческий магазин. Забежал. Офигел. Но полкило сала по семьдесят семь рублей купил. Очень уж красивое, с розовыми прожилочками мяса и кружочками нарезанного чеснока. Чуть не захлебнулся слюнями от запаха. Ещё взял кирпич чёрного хлеба с тмином. Никогда не видел раньше, поэтому решил попробовать. Это не "Бородинский", но где-то рядом. Рюкзака у меня не было. Пришлось покупать сумку — плетёнку из лыка. Не очень мягкая, но удобная, а что самое главное вместительная. А что? Прекрасная замена рюкзаку. А то в пиджаке с рюкзаком я выгляжу, как-то не очень нормально.

Всего ничего прошёл, а уже рынок. С этими вкусными покупками совсем забыл про техникум. Ничего завтра будет время. А народу-то прибавилось. В основном покупателей. Хотел пирожков прикупить, но никого с этим товаром не нашёл. Распродались и ушли. Ну и фиг с ними. Зато купил малосольных огурчиков и варёных яиц. По идее, если вместе с салом, то на завтрак хватит. Но хотелось ещё чего-нибудь. Вот и брожу между рядами, ищу. Пока бродил, хоть немного, стал разбираться в нынешних ценах. Рыночных конечно. По магазинам я ещё не ходил и какие там цены не имею понятия. Заодно прислушивался к разговорам. Ведь рынок это не только место торга, но и источник новостей. Телевидение до Калуги пока не добралось. Да и радио есть не в каждом доме. Вот и ходят люди на базар поговорить, пообсуждать и поспорить в конце концов. Кстати, прямо перед входом на рынок, стоит стенд с газетами. Можно подойти и почитать. Бесплатно. А потом обсудить прочитанное, во время покупок или в ближайшей распивочной. Что сказать — всё не так уж плохо в этом мире. Ни одного нехорошего слова, о существующей власти, я не услышал. А про авторитет товарища Сталина, даже говорить не буду. Не доходя до шорного ряда, заметил инвалида без ног, на деревянной каталке, что торговал тушёной. Увидев на груди у этого ветерана медаль "За взятие Кенигсберга", не стал торговаться. Взял за ту цену, что он просил. Мне денег не жалко, а ему точно нужнее. Да блять, я бы и так ему денег дал. Но, не поймут окружающие. Разговоры пойдут о богатых студентах, что деньги просто так раздают. А оно мне надо? Вот и я про то.

Пора бы заканчивать это хождение и идти Катю встречать, а потом и провожать. Да и надоело уже. Час наверное хожу без толку. Остановился, чтобы обдумать маршрут. Несколько вариантов есть и все по своему привлекательные. Решил, раз уж недалеко нахожусь, пройти мимо церкви Жён-Мироносиц. Очень мне охота посмотреть на неё. Колокольня этой церкви почти полвека служила водонапорной башней. Что интересно — всё сделали без предварительных расчётов и какой-либо подготовки. Просто воткнули металлический бак и насосы, поставили охрану и стали пользоваться. И даже трещинки, какой-нибудь не образовалось на стенах. Во! Умели строить. Но, это чисто профессиональный интерес. Хотя, кто меня туда пустит? Стратегический объект это вам не

хухры-мухры. Половину центральной части Калуги водой снабжает. Так что просто посмотрю и пойду дальше. Надеюсь, что Катя всё ещё на месте.

Полюбовался на церковь и оценил те усилия, что приложили предки, для обеспечения населения водой. Обогнул здание по улице Герцена. Решил срезать путь через частный сектор. Тут в будущем будет площадка автовокзала. А пока заборы и дома.

Как они подкрались ко мне, не понял до сих пор. Может потому что шли босиком по земле? Но, что-то всё-таки услышал, потому что обернулся посмотреть, на автомате. Четверо. Один крупный впереди и трое помельче сзади. А дальше думать было некогда. Первый, с каким-то поленом в руке, сразу начал действовать. То есть замахнулся повыше и бросился на меня. Нафига так размахиваться? Тут и расстояние-то всего-лишь пару метров. Я уже говорил, что против палок и дубинок никаких приёмов не знаю. А тут, даже не знаю что сказать, как будто кто-то мной управлял. И это не Вилор точно.

Сумка упала на землю, а я пригнувшись уже шагаю вперёд. Ловлю чела на замахе, это когда полено в самой верхней точке и бью правым прямым. Попал хорошо — в челюсть сбоку. Аж зубами скрипнул от боли. Руки-то не набиты, да и не бьют боксёры голыми руками. Но парню досталось больше. Как был с дубиной так и рухнул, даже слова не сказал. Те, что были сзади, остановились. А мне, что теперь, смотреть и ждать что ли? Да фиг вам! Как начал махать туда-сюда кулаками. Попал — не попал разницы нет. Лишь бы напугать. Взять напором и наглостью. Ещё и орал, что-то угрожающее. Удалось. Побежали и друга своего оставили. Самому мелкому успел вдогонку хорошего пинка отвесить. Его аж подбросило вверх и вперёд. Так что своих, он догнал растопырив руки, как самолёт. Но вроде бы справился и удержался на ногах. Зато, благодаря приданному мной ускорению, обогнал своих друзей-товарищей и бежал уже первым.

А я отобрал дубину у лежащего полудурка и как при игре в городки, запустил её вдогонку. Вроде кому-то попал, но не фатально. Хотя крик был. Значит не зря старался.

Наклонился над громилой. Пацан пацаном только здоровый. И я бы наверное таким был, если бы нормально питался. Хотел подобрать кепку, чтобы подложить под голову этому балбесу. Но шорох осторожных шагов отвлек. Пришлось обернуться и посмотреть, что там такое.

Двое. Эти, даже на первый взгляд, выглядели поопытнее и поопаснее. Один так вообще настоящий бандит. Среднего роста, худощавый. Лицо тёмное, как будто бы всю жизнь жарился на солнышке. В кепке и сером пиджаке. В выцветших галифе и хромовых сапогах. Второй чуть повыше и гораздо плотнее. Одет почти так же, только вместо галифе плотные штаны горчичного цвета, заправленные в сапоги. Блин, как им не жарко в такой одежде? Или они больше по подвалам обитают? Впрочем мне без разницы. Живым бы уйти отсюда. Эти урки, мать иху, будут бодаться до конца.

— Это кто тут моего друга обижают? — начал тёмнолицый, — да ещё и по карманам его шарит?

— Что ж вам всем от меня надо? — спокойно спрашиваю я, не обращая ни к кому конкретно, — три дня в Калуге, а приключений на хорошую книгу хватит. Если конечно найдётся такой идиот, что её напишет.

— Ответить придётся, — влез, со своими предложениями, второй уркаган, — ты ему челюсть сломал и одежду порвал. Не хорошо это.

Фигово, что моя сумка с продуктами лежит прямо под ногами у этих кренделей. Так бы сорвался и убежал. И фик бы они меня догнали. У меня ноги подлиннее. Да и не курю, как

они. Ладно. Надо что-то ответить, а то подумают, что я испугался.

— Мне по хрен, что ты говоришь, — сказал я, выпрямляясь и становясь в полный рост, перед этими ушлёпками, — этот, твой друг, первым на меня напал. За что и получил. Не фиг, с деревяшками в руках бегать.

— Ты фраер ещё не понял, — опять подключился первый, только лицо у него приобрело хищное выражение, — что теперь не уйдёшь отсюда, пока я тебя не отпущу. Сумочку твою мы заберём, а одежду сам снимай и аккуратно складывай рядом.

— Вы что из этих, что ли? — специально громко удивился я и следом уточнил, — мальчиков голых любите?

Собственно, этот план мне пришёл в голову неожиданно и непонятно откуда. Сомневаюсь, что у Вилора были похожие ситуации. Да и у меня ничего похожего не случалось. Но, надо пробовать. Глядишь и удастся вывернуться с минимальными потерями. Надежда одна, что они достанут ножи. Тогда я смогу их удивить. Немного.

— Что ты сказал? — сказал и сделал шаг вперёд тёмнолицый, — а я хотел тебя отпустить живым. Теперь извини. За такие слова тебе просто не жить.

— Оп — ля! — опять изображаю удивление, а сам незаметно становлюсь поудобнее, — передумал что ли? Или тебя больше твоя подружка интересует?

Зря я наверное это сказал. Второй, тот что повыше, оказался резвее своего напарника. Без разговоров, откуда-то из-за спины, достал нож и шагнул в мою сторону.

Давай-давай, я этого и добивался. Сам же осторожно отступаю назад. Тело парня, что лежало на земле, теперь оказывается почти между нами. Ещё шагок и небольшая преграда послужит помехой, для нормальной атаки. Вот и второй, тёмнолицый, достал нож и стал обходить меня справа. Лишь бы одновременно не напали, а там мы ещё посмотрим.

— Вы бы убрали ножички, — с издёвкой произношу я, — а то, не дай бог, порежете друг друга. Чем будете ночью заниматься?

— Хана тебе! — крикнул здоровый и прыгнул на меня, зачем-то размахивая ножом из стороны в сторону, в попытке подражать товарищу Зорро.

«Под ноги надо смотреть», — подумал я. Всё-таки он споткнулся. Не сильно, но равновесие потерял. Чём я и воспользовался. Руку с ножом в захват и в сторону, а ногой по бейцам. Больно?! Я знаю куда надо бить. Наш замполит был бы доволен своим учеником. Недаром полтора года меня учил всяким уловкам. Минуты на две я его отвлек — пусть полежит, отдохнёт. Жаль, что нож не удалось отобрать и выкинуть подальше. Не выпустил из руки — гад такой.

Тёмнолицый, посмотрев на своего напарника, теперь стал действовать осторожнее. Ага. А ты что думал? Теперь две преграды и одна из них, катается под ногами, грозя мне всякими карами. Правда как-то неубедительно. Даже добивать не буду, пусть катается и мешает своему дружбану.

Диспозиция поменялась. Так просто, на меня уже не прыгнуть. А мне это и надо. Становлюсь в, почти боксёрскую стойку и начинаю перемещаться против часовой стрелки. Обходя тела неудачников. Делаю приставные шаги, а не прыгаю, как на ринге. Теперь только спокойствие. Противник должен начать первым. Чтобы подогнать и немного ускорить события я, с усмешкой, сказал:

— Извини, похоже я испортил вам вечер. Но это ничего, просто поменяйтесь ролями и всё будет в порядке.

Рычанье дикого волка и хищный оскал коричневых, прокуренных зубов с золотой

фиксой — были мне ответом.

А вот и моя сумка. Как-то быстро я до неё дошёл. Осталось подобрать с земли и как можно быстрее. Лишняя защита не помешает.

Делаю ложный выпад. Темномордый отмахивается ножом, но шаг вперёд не делает. Боится споткнуться. И я его понимаю. Опытный гад. Вон как смотрит — не моргая и не отводя глаз. Переступаю с ноги на ногу и чуть сдвигаюсь в сторону. Сумка оказывается немного сзади справа. Резко наклоняюсь и правой рукой хватаю её. Не останавливаясь и одновременно распрямляясь бросаю сумку в лицо темнорожего. А следом за ней прыгаю сам.

Всё получилось. Тёмный не ожидал такого. Вместо того чтобы уклониться, он защитился левой рукой. А я уже тут. И он меня, некоторое время почти не видит. Всего секунду, но это в таком противостоянии, очень много. Использую две руки. Одной хватаю и сжимаю изо всех сил руку с ножом, а второй тыкаю в глаз пальцем. Попал, и это финал. Потому что тёмный роняет нож, а свободную руку прижимает к глазнице. Дальше? А дальше досталось всем, кто подвернулся под руку. И ногу. И вторую ногу. Бил всех кто шевелится. Просто реагировал на движение и бил туда. Ногой, рукой и пофиг чем. Всю злость выместил. Понимаю, что это не спортивно, но... Пусть мне скажут это в лицо и послушают ответ. Я три дня в этом времени. И за это время меня каждый день, кто-то пытается ограбить, избить, указать как мне жить. Всё понимаю: другие люди, другие ценности, да и смысл жизни другой. Но зачем мне в морду бить и ножом угрожать? Скажи спокойно, приведи пример и я прислушаюсь.

Всё. Успокоился. Очень нелегко мне дался этот бой. Пару раз прошёл по краю. Но, в этот раз, тело Вилора хоть, более менее, нормально реагировало на мои посылы. Мои тренировки и какой никакой опыт в стычках, что всё-таки случались в моей жизни, стали давать результат. Тело понемногу подстраивается. Ничего это только начало. Дальше будет веселее. Подобрал рассыпавшиеся продукты в сумку. Как ни странно, она ни грамма не пострадала. Хотя мне показалось, что её точно резанул ножом этот утырок с копчёной рожей. Забрал ножи: у одного финский типа "пукко", а у другого просто обоюдоострая пика с красивой рукоятью. Выкину по дороге — зачем мне проблемы. Карманы, хоть и не хотелось, но проверил. Стал богаче на полторы тысячи рублей. Нормально так живут бандиты. Мне тоже пригодятся эти деньги. Даже знаю, как и куда потратить прямо сейчас. Надо бы добить этих урок, во избежание так сказать, но «ну его на фиг», руки марать и характеристику портить. Убийство это убийство и статья там нехилая. А с такими повреждениями, эти урки не скоро оклемаются. За это время многое может произойти. Пусть живут.

Руки надо срочно обработать. Да и хоть бы водой сполоснуть, всё будет польза. Костяшки разбиты в кровь. Сустав большого пальца, на правой руке начал опухать. Выбил или растянул, а может отбил. Всё равно надо туго забинтовать и холод приложить. Одно успокаивало — этим козлам гораздо хуже. Где-то недалеко есть колонка. В той, моей жизни точно была.

Ту именно колонку не нашёл, зато в рюмочной на Ленина, продавщица пустила на кухню. Где сердобольная женщина, исполняющая одновременно обязанности повара и посудомойки, хотела обработать мне раны. Долго меня уговаривала измазать руки зелёной, но я не соглашался. Катерина увидит и сразу же убьёт. Даже не вспомнит про поцелуй. А потом сама с собой, что-нибудь сделает. Как же — не уследила, не уберегла и так далее, в

том же духе. Еле отговорился. Но зато, заставила съесть пять бутербродов, это чтобы я хоть руки с хозяйственным мылом вымыл. В качестве обеззараживания. Согласился, куда деваться. Похвалил вкус бутербродов и сказал, что куплю с собой, немного. Надо же, когда собирался уходить, мне напомнили о моём обещании. Достал деньги и купил все готовые бутерброды: с селёдкой, с копчёной колбасой, с сыром. Штук тридцать. Я не считал. Мне их завернули в вощёную бумагу и назвали цену. Я заплатил. Деньги есть, зачем людей обижать недоверием.

На сытый желудок и путь стал веселее. До вокзала почти всю дорогу быстро шёл, можно сказать бежал. Боялся опоздать. Но, как оказалось, мог бы и не спешить. Катерина с головой ушла в работу. Собкин ничего нового не сообщил. Зато минут двадцать пытал меня по поводу: что с моими руками. Вот ведь ещё одна нянька нашлась. Мало мне одной что ли? Объяснил всё утренними тренировками и моей плохой физической формой. Спотыкаюсь постоянно, а Калуга всё-таки не деревня, асфальт кругом вот и поцарапался немного. И вообще, не страшно до свадьбы заживёт. Экспромт представленный мной не прошёл. Не поверил мне товарищ лейтенант ни разу. Что моментально было озвучено:

— Катерине иди истории рассказывай, — с хитрющим выражением лица, сказал лейтенант и спросил, — наших хоть рядом не было? Жалоб от граждан не будет?

— Всё нормально, — бодро ответил я, — проблем не будет.

— Раз так, — начал собираться лейтенант, убирая бумаги и папки в сейф, попутно отдавая мне распоряжения, — то идёшь и забираешь Катерину. Я буду вас ждать во дворе. Поедем на машине.

«Это прямо праздник какой-то!» — думал я, так же как и Карабас Барабас из фильма о Буратино. Только он это произнёс в слух, а я не стал — никто не оценит и не поймёт. Не знают здесь этого фильма.

Катя сразу не поверила, что поедем на машине. И вообще создавалось ощущение, что она отрицательно относится к этой новости. Мы с Собкиным уже сидели в машине, а она всё тормозила. То одно, то другое, то что-то забыла. Короче, пока лейтенант не рявкнул, на командно-прикладном, эта эпопея никогда бы не закончилась.

Вот, что я не ожидал, так это то, что поедем сразу в общежитие. Неожиданный поворот сюжета. Но пришлось согласиться. У меня были такие планы на вечер, к тому же, деньги в кармане просто криком кричали, что их срочно надо потратить. А тут такой облом. Ладно, что уж тут сделаешь.

Главное, что завтра я буду свободен. Катя предупредила, что зайдёт только в шесть часов вечера. Проверит всё ли у меня готово к работе. А так, у меня целый день без опеки. Ух! Аж дух захватывает!

* * *

Не забываем голосовать! Вам это не трудно, а автору приятно)))

Глава 12

В общаге творилось не пойми что. Все бегали туда-сюда, из комнаты в комнату, с этажа на этаж, с криками и руганью. Хорошо, что из окна в окно не лазили, а то неизвестно чем бы это всё закончилось. Коменданта на месте не было, а вахтёр, на мой вопрос, ответил одной фразой:

— Танцы вечером, что тут непонятного.

— Угу, да. Чего ж тут непонятного, — ответил я и пошёл к себе в комнату.

Напевая нехитрую песенку: «Сегодня праздник у девчат, сегодня будут танцы!» — двинулся вперёд по коридору и дальше по лестнице. Пока поднимался меня раз десять: толкнули, отпихнули, обругали и послали. А ведь идти-то всего ничего. Да-с, совсем с ума сошли с этими танцами. То ли дело в наше время. Блин... совсем офигел старый? Какое наше время? До этого времени ещё дожить надо, а он заладил. Нету пока того, а есть нынешнее время. И надо пока жить и не выделяться. А значит, улыбка до ушей и вперёд — радоваться вместе со всеми сегодняшним танцам.

В комнате было ещё веселее. Если общий бардак, на фоне всего общежития, как-то размазывался и растворялся в объёме здания, то в одной комнате наоборот этот эффект усиливался. Как пример — это семь мужиков спорящих и вырывающих друг у друга из рук уют, чтобы погладить рубашку или брюки. Учитывая размеры комнаты, можно представить, что там творилось. Хочу напомнить, что это общежитие строительной организации и проживают здесь, в основном, строители. И разговаривают они как строители, особенно когда чем-то недовольны, на русском профессионально-строительном. Нет, иногда конечно добавляют союзы и местоимения из обыкновенного русского языка, но чисто для связки слов и для плавности повествования. Так что легко можно представить картину, которую я увидел.

Чтобы разрядить обстановку и наконец-то пробраться к своей кровати, я, прямо с порога, заорал:

— Рота! Офицер в расположении... Смирнаа-а!

Сначала вроде помогло и народ замолчал. Но, я скорее всего, опять что-то перепутал. И такой команды пока нету. Но, всё-таки, здесь находятся люди в основном прошедшие войну и команда, какая бы она не была, вызывает определённые рефлексии. Некоторые даже попытались встать, как следует. Минута переглядываний и кручения головой. Все смотрят на кричавшего, то есть на меня. Но увидев, что никто в дверь не заходит, начали снова делать голос громче. Только теперь не стеснялись и всю поминали моё имя. Ну и ладно. А я хотел бутербродами с ними поделиться. Теперь специально всё сожру один. А эти пусть на танцы проваливаются.

На кровати лежало всё, что раньше было на столе: кружки, ложки, тарелки и даже разделочная доска, а как последний штрих мои теннисные туфли. С какого фига они-то? Ладно посуда, она на столе стояла и мешала гладить одежду, а туфли тут причём?

Всё выяснилось буквально через минуту. Один из парней(не помню имени, хоть опять начинай знакомиться) подошёл и попросил туфли, на вечер. Он, без напоминаний с моей стороны, сразу же извинился, что успел померить их без разрешения. Но, меня же не было в комнате? Правильно? А я что? Разрешил конечно. Только заставил пообещать, что он опять

их хорошенько намажет льняным маслом. Пусть изнашивает. Мне меньше будет проблем с натёртыми ногами. Парень довольный побежал, искать пресловутое масло, а я наконец-то сел на кровать и расслабился. Да-с, денёк выдался ещё тот. Хорошо, что никто не обратил внимание на мои руки и лишних вопросов поэтому не задавали.

Всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Вот и бардак, связанный с подготовкой к танцам, наконец-то закончился. Последний любитель потанцевать только что убежал. Несколько минут потратил на перекладывание посуды на стол. Затем растянулся на кровати. А что ещё делать? На танцы идти, как все? Что-то меня это дело не очень впечатляет. Да и не умею я танцевать, то что сейчас в моде. Немного умею вальс, но такой когда места много. Репетировал когда-то. У дочери свадьба и, как теперь положено, должен быть танец отца с дочкой. Вот и научился перемещаться по залу, когда никого, кроме меня и напарницы, нет. А здесь надо уметь в толпе перемещаться. Ну нафиг, ещё кого-нибудь собью ненароком. Потом от желающих проверить, на мне крепость своих кулаков, замучаюсь отбиваться. Ещё могу изображать, что танцую вальс — ну, это когда стоят на одном месте и раскачиваются под музыку. Но это совсем никуда не годится. Лучше схожу к вахтёру. Он меня чаем напоит, а я его бутербродами угощу.

Хорошо посидели. Половину бутеров как корова языком смахнула. Зато я наелся. Ну и информацию кое-какую разузнал. В основном шкурного характера, конечно. Но это именно то, что мне, на данный момент, нужно. Вахтёр оказался незаменим в качестве источника таких знаний. Особенно, о калужских рынках. Где можно найти, сколько будет стоить, с кем и как лучше торговаться и всё такое. Всё знал. И у меня, даже, создалось впечатление, что он является завсегдатаем всех рынков Калуги. Только возникает вопрос — когда он успевает работать?

Вернулся в комнату. Желание было одно — упасть и не вставать до утра. Но, как говорил один умный человек: «Мозг человека — штука тёмная и до конца не исследованная», и я в этом убедился.

То ли в бутербродах было что-то неправильное, то ли чай у вахтёра был с какими-то добавками, но спокойно поваляться в кровати мне не удалось. И причина этого была одна — мои мысли. Они были разные и все, без исключения, даже самые незначительные, требовали обратить на себя внимание. Как там у Газманова: «Мои мысли мои скакунь», это так и есть. Скачут в голове табуном. Иногда разбегаются в разные стороны и бегут отдельно, но в одном направлении. А сейчас, когда никто вокруг не мешает, они начинают выносить мозг и сделают это, если я не приму решение по каждому из них.

Для начала это конечно задание деда. Об этом я запретил себе думать, но какая-то часть мозга постоянно обрабатывает информацию и подстраивает её под выполнение задачи. Вот и завтрашнее посещение рынка это не только покупка рабочей одежды и инструментов, а ещё и поиск необходимых вещей, для выполнения обещания. Нужно не так уж и много, но можно ли это купить? И вообще есть ли это в свободной продаже — будем посмотреть. На всякий пожарный случай, я знаю где взять всё необходимое и к тому же бесплатно. Но, опять-таки это время, а также опасность засветиться не тому кому надо. Тут надо, ещё одну операцию проводить, чтобы всё было тихо, мирно и спокойно. Без лишних свидетелей и максимально незаметно. Пока, думать об этом не хочу.

Дальше мои мысли постоянно крутятся вокруг жилья. Невозможно работать и учиться живя в общежитии. Нет, теперь имея деньги это можно и здесь устроить, но зачем? Есть вполне прекрасные варианты со съёмным жильём. Знаю кто сдаёт и знаю, что он будет только рад

соседу. Даже без денег. Всего-то и надо, что помочь с ремонтом. Печку переложить в первую очередь. Сделать вместо "Голландки", что-то вроде колпаковой, известной как печь «Кузнецова». Ну, это, как раз не проблема — лишь бы камней хватило и фундамент по размеру подошёл. Иначе работы прибавится. Хотя и это не критично. Дальше — сделать нормальный погреб. Вообще легко. Уже делал и именно ему. Но это в том времени, когда можно было купить и найти всё что угодно из стройматериалов, а как будет здесь, пока не знаю. И опять же, всё упирается во время.

Дальше мой недавний собеседник рассказал, что мной уже интересовались комсомольские активисты. Слава всем тем силам, что меня прикрывают, на тот момент я отсутствовал. Даже думать не хочу на эту тему. Всё заранее известно. Так просто искать эти товарищи не будут, а это значит только одно — на меня хотят возложить какое-то комсомольское поручение. Какое не знаю и знать пока не желаю. Но мысли-то никуда не делись.

И, как одно из самых животрепещущих, это как развить тело, что мне досталось? Не надо его качать и наращивать мускулы. Достаточно просто привести в порядок и заставить работать так как надо. А это значит никаких гирь и гантелей, пока с питанием не разберусь. Только турник и самые простые упражнения. Желательно делать то, что показывал дед в своё время. Я уже, вроде как, начал работать над этим. Надо поплотнее заняться. Но не увлекаться. Проблем здесь не вижу, надо только дойти до мастерской и подтвердить заказ. Ну и чертёж какой никакой набросать, чтобы вопросов поменьше было. Ещё, и это очень хороший вариант, надо купить велосипед. Только не забывать, о правиле "Десять — пять". Десять минут едем — пять идём пешком. Иначе толку от велосипеда как тренажёра не будет.

Мои мечты о велосипедных прогулках были прерваны двумя балбесами. Которые попытались вдвоём, одновременно войти в дверь. Нет, так-то ничего сложного, при определённых условиях. Я даже несколько способов знаю и не обязательно вдвоём. Можно, если постараться, даже втроём войти — не так уж это и сложно. В командировках вечерами делать нечего, особенно если в бригаде сухой закон, вот и страдали всякой фигнёй. Даже вот такими, экзотическими приколами развлекались. А что? Карты, нарды, шахматы и шашки, через некоторое время надоедают. По телевизору смотреть нечего. Вот и искали замену. Ладно. Не будем о грустном. Тут ребята тоже решили попробовать. И даже, вроде как, у них всё получилось. Но, была небольшая проблема. Парни и так держались на ногах, только благодаря силе воли, а тут такой квест. Как итог — они не справились. Один рухнул прямо в дверном проёме, а другой сделав только один шаг в комнату. Ничего, скоро подойдут остальные. Пускай сами с ними занимаются. Желание, кого-либо vorочать и таскать, у меня отсутствовало напрочь. Тут, конечно, сыграли свою роль съеденные бутерброды и полусонное состояние. Так что, я продолжаю лежать и пытаюсь вспомнить, о чём таком важном думал, буквально минуту назад.

Время-то близится к одиннадцати вечера, а значит скоро появятся остальные жильцы нашей комнаты. Интересно будет посмотреть на лица ребят, когда они войдут в комнату.

Немного подумав, всё-таки решил помочь парням, что ни говори, а мы соседи хоть и ненадолго. Не хватало ещё обвинений в мой адрес, что типа мог и не сделал. Самое смешное это то, что я не знаю, кто из них на какой кровати обитает, поэтому просто перетаскил их на самые близкие. Надеюсь, что утром сами разберутся. Кстати, вот тебе Вилор хорошая замена вечерней тренировки и никаких тренажёров не надо. Аж вспотел пока таскал. Потому что не

фиг бутеры жрать, на ночь глядя!

Дурдом на этом не закончился. Не успел я выпить водички, на сон грядущий, как в дверь постучали. Раз стучат — значит пришли гости. Ага, угадал... на свою голову. Четыре девушки с гитарой и бидоном в руках. С электрическим освещением в общаге было не очень. Но, то что я увидел хватило, для первого впечатления. Про внешность промолчу, у каждого свой вкус. Симпатичные. Что ещё надо? Главное не это, а те взгляды с которыми они смотрели на меня. Тут было всё: ожидание, надежда, мольба о помощи и самое главное — большой вопрос!

Не стал разочаровывать и сразу спросил:

— Заблудились? Или ошиблись дверью?

— Нет! То есть, да! Ой! А вы кто? — вместе, как будто репетировали заранее, начали отвечать девушки.

— Я тут живу, — лаконично ответил я, отодвигаясь в сторону и делая приглашающий жест, — заходите. Гостям мы всегда рады. Особенно таким.

Причину визита я, к своему стыду, понял не сразу. Но мне простительно. Точнее не мне, а Вилору. Или мне всё-таки? Тьфу, блин! Вообще запугался! Отвлёкся я, короче. Пока думал, куда рассаживать девчонок и чем их развлечь, совсем упустил нить разговора. А как тут поймёшь, когда все четыре спрашивают одновременно? Причём одна при этом протягивает гитару, другая бидон, третья машет какой-то бумажкой, а четвёртая вообще тащит меня за рукав рубашки, в сторону кровати (хорошо хоть не моей).

По прошествии десяти минут, наконец-то, что-то стало проясняться. Честное слово, у меня как камень с души упал. Всё оказалось гораздо проще и банальнее. Всего-лишь нужен один из моих соседей, с простым именем Игорь (хоть расстреляйте но, не помню, как он выглядит). Этот нехороший человек обещал девушкам, что научит их играть мелодию одной песни, а сам куда-то пропал. Девчонки слова песни выучили и теперь, очень хотели выучить аккорды, чтобы петь её под гитару. Даже пива ему купили, чтобы процесс ускорить. Тут я ничем помочь не мог. Зато у меня осталось немного бутербродов. Которые тут же оказались на столе. Небольшой перекус был воспринят положительно. И уже совсем скоро, мы все вместе шутили и смеялись, одновременно с этим поедая бутерброды. Жаль что чайник никто не догадался поставить, хотя даже простая холодная вода, в такой компании, оказалась хорошей заменой горячему чаю.

Я, на всякий случай, предъявил двух активно храпящих товарищей, для опознания. Чем чёрт не шутит, а вдруг один из них это и есть тот кто нужен. Но, к общему сожалению, мои надежды не оправдались.

Когда девчонкам показалось, что уже поздно, они решили выпить пиво — чтобы не прокисло и не пропало. Кто мне сунул эту кружку, я не обратил внимание. Да и вообще сначала не понял, что это не вода, а пиво. Потом было поздно. После бутербродов с селёдкой это оказалось настоящим нектаром. Вот и не заметил, как выпил целую солдатскую кружку. Потом меня резко потянуло проверить, как настроена гитара. Главное в настройке гитары это умный вид и нахмуренные брови. Дальше, просто крути эти фиговины туда сюда и повторяй с недовольной интонацией: «Что-то не строит совсем! Кто ж её бедную довёл до такого состояния?» — и всё. Я умею играть на этом инструменте. Некоторые даже говорили, что получается хорошо. Особенно мне удаётся мелодия русской-народной песни "Во саду ли в огороде". Правда исполняю я её, на одной струне. Так же умею, тоже на одной струне, исполнять похоронный марш. А пиком моих умений является проигрыш композиции "Smoke

on the Water" группы "Deep Purple", но тоже только на одной струне.

Странно, но, когда закончился мой репертуар, народу в комнате прибавилось. Когда только успели прийти? Совершенно не заметил. Наверное дверь осталась открытой, вот они и слетелись, как мотыльки на огонёк. Опять мне протягивают кружку. Выпиваю залпом.

Потом пришли двое наших парней. Без этого, как его... Игоря, вот. Но уже никто, по этому поводу, не стал расстраиваться. Пришлось повторить весь свой скудный репертуар. По моему всем понравилось. Аплодисментов не было, но ещё одну кружку пива я заработал.

Дальше уже было хуже. Гитару кто-то забрал и этим вывел меня из процесса. Я просто потерялся во времени. Мелькали какие-то картинки. Все вокруг смеялись и пили из кружек. В какой-то момент, мне показалось, что пиво разбавлено водкой(очень уж крепкое и со специфическим ароматом). Меня начало тошнить. До туалета бежал по раскачивающейся палубе корабля. Стены и двери отталкивали меня, а я всё не мог удержаться на одном курсе. Унитаз и запах водки это последнее, что помню... занавес.

Грёбанный будильник. Какого такого этого фигова побратима Царь-колокола не выключают? Что за издевательство? Я в конце концов пенсионер и инвалид. Мне не надо идти на работу.

Поворачиваюсь и открываю один глаз. С трудом но фиксирую взгляд. Прямо перед моим носом, чья-то голая нога. До дрожи напугал вид синих прутьев решётки. У меня вроде таких нету? Вдруг, нога шевельнулась.

— А-а! Бля! Это что за х... — непроизвольно заорал я, вскакивая с места.

Осмотрелся и начал понимать. Это не сон. И ЭТО — не моя квартира. Я в прошлом. Е общежитии. Вот тут-то меня и накрыло. До звёздочек в глазах и свиста в ушах.

Похмелье. У каждого оно своё. Кто-то страдает от головной боли. У кого-то во рту сушь и неприятный привкус. Кто-то мается животом. Дрожь в руках и общая слабость тоже признаки этого состояния. У меня, похоже, всё сразу и одновременно.

На трясущихся ногах, с остановками добираюсь до бака с водой. Под крышкой требуемой жидкости не обнаружилось. Пришлось плестись, держась за стену, в умывальник. На зеркало даже не смотрю и прохожу мимо. Сначала надо утолить жажду. Всё остальное потом.

Пил, пил, пил и не мог напиться. Иногда прерывался и засовывал голову под струю воды. Полотенца с собой не взял. Да и фик с ним. Пожалел, что не в том, своём времени. Таблеточка аспирина не помешала бы. Шипучего.

Возвращался уже в более менее нормальном состоянии. Голова ещё болела, но уже не так сильно. Зарядки сегодня не будет. Всё-таки я не в том состоянии, чтобы нагружать организм дополнительно. Надо отлежаться и решить, что делать дальше.

Второе пробуждение прошло более спокойно и без будильника. Первое, что бросилось в глаза это беспорядок на столе и под ним. Вот не помню я, чтобы мы пили водку. Но пустые бутылки говорили об обратном. А немного покопавшись в памяти, пришло понимание, что да — было. Когда меня вывернуло в туалете, точно был запах и вкус водки. Это какая же сволочь мне, несовершеннолетнему налила эту гадость? Тьфу, блин. Память молчит. Чтобы я ещё раз... да никогда! Только квас и только под хорошую закуску.

Ладно. Проехали. Часов у меня всё ещё нет, но если ориентироваться на солнце, которое вовсю освещает двор общежития, то сейчас, где-то в районе одиннадцати часов. Плюс минус час. Вполне успеваю на рынок. По дороге, можно заскочить за деньгами и перекусить в столовой учительского института. Всё, решено — так и сделаю.

После всех необходимых процедур проснулся аппетит. Хм-м, посмотрим, что осталось после вчерашних посиделок. В сумке ничего, для быстрого перекуса, не было: ни сала, ни хлеба, ни яиц, а вот тушёнка осталась. Но, почему-то банки были слегка помяты. Кидали их что ли? Не помню. А жрать-то охота. Вот ведь! Ничего не изменилось в жизни общежитий. Так же и будет, что в этом времени, что дальше, в будущем. Значит не будем отступать от принятого решения. Банки под подушку, сумку в рюкзак и вперёд на рынок. Только ребят предупредить надо, а то проснуться и будут меня искать. Разбудил того самого Игоря и объяснил ему всю ситуацию. Вроде как понял, хотя выглядел он не сказать чтобы хорошо. Надеюсь, что если дойдёт до моих поисков, то он всё вспомнит.

Столовая не работала, что сразу сказалось на настроении. Но это ничего, зато я сразу прибавил в скорости. Жрать-то хотелось просто невероятно. Поэтому, как забрал деньги, сам не понял. Быстро забежал, быстро взял и также быстро ускакал в сторону рынка. Там-то уж точно есть чем поживиться. Знаменитый калужский пирожковый ряд, на центральном рынке, никто не отменял. Его, мой отец, даже в письмах моей матери из армии, вспоминал.

На пересечении улиц Марата и Дзержинского, прямо возле углового дома, в тени деревьев стоял лоток с газированной водой. Вода наливалась отдельно, а три разного вида сиропа подавались в стакан из стеклянных колб с краниками. С сиропом решил не брать. Ну его, этот сироп, в такую жару. Лучше бы немного соли добавляли — при такой погоде самое то! Выпил просто газировки, но два стакана.

Теперь, пока чувство голода слегка приглушено водой, можно пробежаться по рынку. Разведать обстановку — так сказать.

Благодаря знаниям полученным от вахтёра, я не стал углублённо изучать ассортимент каждого продавца. Прошёл по рядам, посмотрел и направился к будке сапожника. Правильно он сказал: «Товара много разного, но чтобы купить хороший и по нормальной цене, нужен человек знающий местную специфику», — и это как раз сапожник.

Просто так он мне помогать не будет. Да и за деньги, тоже не почешется. А вот упоминание деда Марка решит все проблемы. Дед Марк это имя одного общего знакомого вахтёра и сапожника. Что это за человек, я не в курсе. Да, собственно говоря, мне это и не нужно.

В будке пахло сапожным клеем. Знаете такой запах резины, спирта и гуталина одновременно. Мне это ни грамма не мешало, про сапожника вообще молчу. Он им пропах с ног до головы. Стоило только произнести волшебное имя Марк, как этот, даже на вид, очень сердитый мужик, сразу переменялся в нормальную сторону. На небритом лице появилась улыбка, а руки сразу бросили инструмент и поставили на печку "Буржуйку" чайник. От чая я не отказался, тем более к нему, в качестве угощения, шли баранки с маком. Свежие и вкусные. Наши, калужские, с местного хлебокомбината. Мягкие и упругие, с блестящей корочкой и россыпью мака по всей поверхности. А запах!

Во время чаепития, я и рассказал, что именно мне нужно. Особенно сделал упор на инструменте. Рабочая одежда, в случае чего, может и подождать. Недолго.

Дедушка Василий, так звали сапожника, ненадолго вышел из будки. А когда вернулся, то первым делом поинтересовался о сумме, которую я хочу потратить. Всю сумму, что у меня была, я, конечно, не стал озвучивать. Да и не надо это делать, в таких местах. Просто сказал, что денег хватит. Сапожник не удивился, а только сказал:

— Ваши дела с Касьяном, меня не интересуют. Помогу по старой дружбе.

Кто такой Касьян, я сразу догадался. Вахтёр мне не называл своего имени, а я не

спрашивал. Но, некоторые ребята из общаги, именно так его и называли.

Минут десять я наслаждался покоем. Потом пошли посетители, которые стали приносить всё, что мне нужно. В первую очередь я купил кепку. Фасон не выбирал, понадеялся на вкус сапожника. Нормальная. Не грузинский "аэродром" и слава богу. Нафиг-нафиг такое.

С рабочей формой разобрался достаточно быстро. Чего там разбираться? Как и думал, взял всё военного образца. Пару гимнастёрок, пару танкистских комбинезонов и пару нательного белья, всё чистое и почти новое. Две пары сапог: хромовые и полу-кирзовые(низ юфтевый, а голенище кирзовое) вообще нулёвые. К ним, отрез ткани на портянки, летом это самое то. А вот с инструментом возникла проблема. Не было ни у кого ничего подходящего. Элементарной кельмы не было. Были мастерки, но это пусть шпукатуры сами извращаются. Ещё мне попытались всучить гладило. Это, по идее, тоже самое, что и кельма каменщика, но только для печника. Мне не подойдёт. Во-первых: короче и с широким тупым носом, а во-вторых: ручка тяжёлая. Хотя, если ничего другого не найду, то можно будет купить, на первое время. С отвесом и уровнем проблем не возникло вообще, даже был какой никакой выбор. А вот молоток-кирочка на рынке, как оказалось, весьма редкий зверь. Или одно или другое — пожалуйста, а совмещённое в один предмет — фиг вам. Ладно. Подобрал молоток с более менее острым носком и квадратным бойком. Можно, если очень постараться, попробовать переделать. Ещё приобрёл сумку для противогаза. Нормальную и почти новую, для переноски инструмента — самое то.

Дед Василий посоветовал сбежать на рынок, что расположен на Поле Свободы, у водонапорной башни. Там тоже можно поискать. На Сенную площадь и тамошний рынок лучше не ходить и не тратить время. Нечего там делать. Также, не советовал искать нужный инструмент на Дровяной площади. Там рынок заточен под другое.

Расстались с сапожником не скажу, чтобы друзьями, но не врагами это точно. Он даже посоветовал обращаться, к нему, если возникнут какие-либо проблемы, но не наглеть. У него своих дел невпроворот и вытирать нос, каждому пионеру он не нанимался. Одев потяжелевший рюкзак на плечи я поспешил к слесарной мастерской.

По дороге прикупил пяток пирожков с ливером. А у красивой девушки, с обворожительной улыбкой, приобрёл бутылку домашнего, хлебного кваса. Даже дали попробовать несколько глотков, перед покупкой. А что? Самый нормальный рынок — не понравилось не куплю! И фик кто будет спорить!

Вроде бы нашёл всё и пусть не самого хорошего качества, но для начала пойдёт. А вот осадочек в душе остался. Ни хрена в этом времени нет. И если что-то очень нужно, то приходится всё делать самому. Ладно, сделаю. Мне не привыкать. К тому же есть повод посетить слесарную мастерскую. И наконец-то сделать заказ, а заодно поинтересоваться насчёт изготовления инструментов. Блин... дел море, а я один! Эх, жизнь моя жестянка!

Нужно найти место и съесть всё, что я приобрёл. Во-первых: руки нужно освободить, а во-вторых: жрать охота. За строительным техникумом вроде какой-то скверик. Пойду проверю. Людей поблизости нету и не видно никого вокруг. На первый взгляд — место спокойное. Подойдёт.

Не забываем голосовать! Вам это не трудно, а автору приятно)))

Глава 13

Я опять нарвался. Не сказать что сильно, но все, мои дальнейшие планы накрылись медным тазом. И ведь, всего лишь, решил съесть пирожки в спокойной обстановке. Нашёл лавочку. Причём выбирал, чтобы была в тени и народу вокруг было поменьше. Только съел две штуки, как вылезло пять долбодятлов. Не могу не признать, что вина в этом, была частично моя. Расслабился и не смотрел вокруг. Достал деньги и пересчитал остаток. Балбес, что ещё сказать? Зато, теперь бегу и сам себя нахваливаю, что успел всё по-нормальному упаковать. Немного жаль оставленных пирожков и полбутылки кваса, но лучше пусть подавятся те, кто их будет есть, чем я если споткнусь.

Когда понял, что разборки не избежать, то решил действовать на опережение. Взгляды этих парней, с самого начала, были направлены, на мой, неестественно раздувшийся рюкзак. И это говорило, о том, что они не догадываются, какое там содержимое. Все эти стандартные наезды, по поводу чужой территории и платной лавочки, а также почасовой оплаты тени от липы, я пропустил мимо ушей. Занят был. Решал задачу по физике. С какой силой бить, чтобы ненароком не поубивать молодых и ранних. Повезло, что ещё на рынке автоматически положил в сумку тяжёлый отвес. Это давало хороший шанс отбиться. Ручки, у этого плетёного чуда, достаточно крепкие и можно не бояться, что они оторвутся.

Не слушая, что пытаются втолковать мне эти чудики, я начал готовиться. Для начала, с дебильной улыбкой (что поделать, она у меня получается лучше всего) и очень медленно, отдал бутылку с квасом этой компании. Потом развернув кулёк, положил пирожки на лавку и предложил угощаться всей компании. Когда народ отвлекся на еду, я встал и накинул на плечи рюкзак. Это, конечно, вызвало бурю негодования, но было поздно. Я уже встал. Теперь всё очень быстро. В правой руке сумка, поэтому левой отодвигаю одного кренделя в сторону и делаю шаг. Тут же мне на плечо ложится, чья-то рука и я слышу вопрос:

— Ты куда собрался? Мы ещё не договорили.

Спасибо замполит, за твою науку! Прижимаю держащую меня кисть к плечу и резко поворачиваюсь, с небольшим приседом. Кто знает — тот понял, что последовало дальше. Парня согнуло буквой "зю", а я, со всей возможной силой, бью его соседа, ногой обутой в туфлю, под коленку. Это больно. Поверьте. Бегать, ближайшие пару дней, он не будет точно. А согнутому, просто опускаю, с хорошего замаха, сумку с килограммовым отвесом, в район шеи. На результат не смотрю. Разворачиваюсь и быстро стартую с места. Несколько секунд, чтобы вырваться вперёд, у меня есть. Что я и делаю с большим удовольствием.

Теперь бегу, а компания, которая разрослась до неприличных размеров, пытается меня догнать. Бегу туда куда мне не надо. Но, что поделаешь это единственное направление, где никого нет и меня не ждут.

Минут пять не больше, как я вырвался, а уже устал. Не готов, пока, этот организм к таким подвигам. Впереди пивзавод, а за ним частные дома. Дальше крутой спуск к реке. Спрятаться негде. И тут (в который раз не знаю кого за это благодарить), я принял самое, по моему, разумное решение.

Пивзавод работает круглосуточно и без выходных. Вот туда, прямо через вертушку на проходной, я и заскочил. Повезло. Вахтёр отвлекся и не сразу понял, что произошло. А потом уже было поздно. Отнять трубку телефона, у еле дышащего меня, это сродни

легендарному подвигу, то есть нереально.

Вахтёр Клим Павлович быстро разобрался в ситуации. Для начала вышел и шуганул толпу малолеток, потом устроил мне форменный допрос, с пристрастием. А я что? Рассказал и даже показал. Что мне скрывать-то? Всё налицо, так сказать. Сапоги — две пары, комбинезоны — две штуки, гимнастёрки — две штуки, нижние рубашки. Гладило и отвес, уровень и молоток, ткань для портянок — всё тут. Блин, часы забыл купить. Но это ладно, потом как-нибудь. Сапожник поможет в этом деле. Вечно про них вспоминаю не вовремя. В этой ситуации мне важно, чтобы вахтёр не стал интересоваться происхождением денег, на которые всё это барахло было куплено. А со всем остальным, как-нибудь разберёмся.

— Как же ты, на этих лытаков нарвался Вилор? — начал выпытывать из меня все подробности, после короткого знакомства, Палыч.

— Да, не знаю, — пытаюсь понять сколько сейчас время, коротко ответил я, — сидел кушал, никого не трогал, а эти прицепились.

— А где сидел-то? — спросил дед.

— Слышь, Палыч? — я попытался увести разговор в другую сторону, — а сколько сейчас времени?

— Так пять часов по-полудни, — ответил дед Клим и тут же переспросил улыбаясь, — а всё-таки, где сидел-то?

— Блин, дед! Ну, какая разница, где я сидел? — потом всё-таки ответил, — на Герцена, во дворе за строительным техникумом. Там, что-то типа скверика небольшого. Липы, клёны, лавочки и забор каменный.

Клим Палыч наморщил лоб. Почесал пятернёй затылок и посмотрел куда-то вверх. Потом перевёл взгляд на меня и удивлённо произнёс:

— Ну ни х..., чего себе? А что другого места не нашлось?

— Так уж вышло, — ответил я и добавил, — кушать очень хотелось. Да и ноги гудели после хождения по рынку.

Дед Клим выглянул в окошко. Встал с топчана, подошёл к двери. Открыл, посмотрел наружу. Немного успокоился и сев обратно начал рассказывать:

— Так это же "Монетный двор". Место где собирается вся местная шпана. Как ты вообще туда прошёл? Они же только своих пропускают. Ну или милиция свободно туда заходит, когда с облавой нагрянут. Только напрасно всё это. День — два тишина и опять всё и все возвращаются на свои места. Там на деньги играют отсюда и такое название. Все, любые игры: пристеночек, орлянка, жмудь, житан. А кто постарше, те в карты под интерес играют. Там два стола в кустах, для этого стоят. Борются с этим рассадником, а только толку нету, никакого.

— Прямо казино подпольное, — вполголоса, стараясь не перебивать деда, проговорил я, — а ты откуда знаешь?

— Приходилось посещать, — спросил Палыч, потом посмотрел на меня и согласно кивнул, подумал и продолжил, — что ты говоришь? А, да, казино. А всё почему? Да, потому что ипподром снесли и не восстановили. Людям некуда идти, чтобы развлечься.

— Клим Павлович, так откуда у людей деньги? — всё-таки влез в разговор, со своими вопросами я, — война только закончилась. Слава богу карточки недавно отменили. Вон, реформа денежная прошла и цены снижают постоянно. Зарплаты не задерживают, насколько я знаю. Но шибко, на такие деньги, не проживёшь. На что играют-то?

— А это Вилор, — дед опять принял задумчивый вид, но рассуждать не прекратил, —

потому что жизнь так устроена. Азарт, его же не убрать из жизни. Люди готовы отдать последнюю копейку, в надежде получить две и при этом ничего не делать. Плюсом к выигрышу идёт зрелище. Многие приходили на ипподром просто посмотреть, поболеть за какую-нибудь лошадь. А если, при этом, ещё и выигрывали, то сам можешь представить, что там творилось. Теперь это развлечение убрали. Люди стали искать замену. Вот и нашли. Играют на последние в надежде выиграть. А больше всего, на это развлечение, клюёт молодёжь. Те же студенты из строительного техникума, на летней практике заработают и сразу же проигрывают. Не понимают, что выиграть у специалистов невозможно. Эх!

Дед замолчал. А я стал собираться. Разговор, на тему азарта, мог затянуться, а меня девушка ждёт. Очень надеюсь, что ко мне никто по дороге не докопается. Неохота опаздывать. Мысли в голове были разные. Тут и какой маршрут выбрать, и где что-нибудь купить на завтрак, и куда Катерину выгулять. Большое сожаление, что опять не попал в слесарную мастерскую. Хотя, с другой стороны, зачем людям воскресенье портить. Зайду в другой раз.

Вахтёр провел меня через территорию пивзавода и выпустил через элеватор. Здесь был отдельный вход и своя вахта. Я про него не знал. Да и не помню такого. В том, моём времени, здесь был сплошной забор. Мы мимо него постоянно ходили на речку купаться. Ладно. Главное, что я теперь в безопасности и можно спокойно идти в общежитие. Нехорошо заставлять девушку ждать. Особенно такую как Катерина.

Жара понемногу спадала. Поэтому мой обратный путь скорее напоминал быструю прогулку. Смотреть по сторонам было некогда, но всё равно мимо знакомых мест, без быстрого, прямо-таки минутного беглого осмотра, я не прошёл. Многие воспоминания связаны с этими местами. Вон там, на тополиной аллее, когда подросли, мы всегда собирались, прежде чем идти на дискотеку или в кино. А вон там, сейчас стоят дома, а в моё время, жители переселились в квартиры, а дома остались, обветшали и почти разрушились. Зато остались сады, где мы запасались витаминами в виде яблок и груш, а так же объедались крыжовником и смородиной. Про малину не говорю, её было до фига. Вот почему в запущенных садах всегда, в первую очередь, быстро растёт эта ягода? И что самое удивительное растёт не одна, а вместе с крапивой. Неудобно ведь! Эх! Загадка природы — что тут сказать.

Рынок у водонапорной башни остался в стороне. Зайти уже не успеваю. Да и народу почти никого нет. Разошлись все. Завтра всем на работу. А дел и дома хватает, чего на рынке просто так пропадать?

Последний отрезок пути до общежития почти бежал. Часов-то нет, спрашивать у кого-нибудь неохота, а прийти желательно вовремя.

На углу Ленина и Огарёва пришлось зайти в рюмочную. Просто тупо вспомнил о еде. Пришлось опять закупить бутербродов. Фик с ним, что дорого. МНЕ ЗАВТРА НА РАБОТУ А голодный каменщик это вообще нонсенс. К тому же, прямо сейчас меня ждёт девушка. Чём мне её кормить? Тушёнкой что ли? Больше-то ничего нет.

Хитрая продавщица предложила «раз уж я такой богатый» купить кусочек копчённой грудинки и хлеба, с небольшой наценкой. Услышав размер этой наценки, я немного припух. Но, после недолгих размышлений, согласился всё взять. Вдобавок взял две бутылки крем-соды. Пригодится. Взял бы и больше, но место в рюкзаке закончилось. Он всё-таки не резиновый, да и спину мою жалко.

Последний рывок и вот она общага. За время моего отсутствия ничего не изменилось.

Народ кучковался во дворе и это правильно. В такую погоду, в любом помещении, находиться не комфортно. А здесь тенёк и хоть какая никакая, а прохлада. Я заметил возле сарая чурбачок и с удовольствием примостился на нём. Ноги гудели, руки болели, спина чесалась от пота, а всё равно настроение было хорошим. Пусть я не купил то что хотел, но начало-то положено. Первую неделю отработаю с тем, что есть в наличии. К тому же, товарищ Иванов, это который прораб, дал мне полный карт-бланш на посещение склада. Надеюсь, что кладовщик окажется адекватным человеком и позволит порыться в закромах. Иначе я его огорчу. Уж что-что, а ставить на место всяких кладовщиков и каптёрщиков, меня научили, в своё время. Права и обязанности — они или есть, или это анархия, что противоречит политике партии. Ладно завтра всё узнаем.

Как же хорошо сидеть и никуда не спешить. Чуть остыв, стал обращать внимание на происходящее вокруг. И наконец-то узрел местную знаменитость. Того самого Игоря, что умеет играть на гитаре. Что можно сказать? Он офигенный молодец и офигенно играет. В таком знаете испанском стиле, с переборами и отбиванием ритма. Блин... я даже заслушался. А девчонки, никого не стесняясь, устроили танцы под игру этой, местной звезды.

Спросил, у куда-то спешащего парня, о времени. С удивлением узнал, что уже семь часов вечера. Что-то Катя опаздывает. Сам не верю, но это факт. Выловил ещё одного обладателя часов. Уточнил у него, вдруг у первого товарища, что-то случилось с часами. Нет. Всё верно. Семь пятнадцать вечера. Может на работе задержали? Хотя, о чём это я? Какая на хрен работа?! Сегодня воскресенье! Хотел уже бежать, чтобы мне подтвердили и это, но вовремя остановился. Не поймут.

Пошёл наверх. Надо рюкзак разгрузить и у вахтёра мимоходом узнать, может Катя звонила и предупредила, что не придёт или задержится. Дед Касьян сидел и пил чай. По поводу звонков ответил, что ничего такого не было. Пообещал, что в случае чего найдёт способ, как мне сообщить. Угу, принял-понял.

В комнате никого не было. С одной стороны это хорошо, а с другой не очень. Мне бы сейчас не помешал совет по поводу завтрашнего дня. Как и что с собой брать. Насчёт одежды всё понятно, а вот обувь это да. Нет, так-то просто всё. В сырую погоду буду работать в юфтевых сапогах, а в тёплую и сухую в хромовых. Жаль, только, что в этом времени нету коротких сапог, типа берцев. Вот это действительно удобная обувка, для работы на стройке. Сколько я их стоптал, в своё время. На год одной пары хватало, не больше. Как не старайся. Так и работали как проклятые. Авторитет зарабатывали, среди других, строительных бригад и организаций. Да-с, было время.

Что-то у меня опять мысли похожи на табун лошадок. Мечутся из стороны в сторону. Ещё и Катя не пришла вовремя. Ни о чём плохом думать неохота, а успокоиться не получается. Даже просто посидеть и отдохнуть невозможно. То что это реакция Вилора, мне понятно. Но, я-то тут с какого бока?

Открыл бутылку воды. Может удастся отвлечься. Напиток напоминает знаменитый «Буратино», которого в этом времени ещё нет, только слаще. Мне такое не очень нравится. Хотя, на вкус и цвет... и о вкусах не спорят, а в итоге — каждому свое.

Не выдержал. Побежал на вахту. В качестве взятки прихватил с собой пяток бутербродов. Касьян не подпускал меня к телефонному аппарату, объясняя отказ отсутствием нужного номера. А я, как всегда, не удосужился его запомнить, или хотя бы записать. А ведь была возможность. Балбес, что ещё сказать?

Вы знаете, как позвонить в Калужский отдел транспортной милиции? Я тоже не знаю. И дед Касьян не знает. И вообще, никто не знает в этом долбаном общежитии. На тревожном листке, у вахтёра, есть телефоны милиции и скорой помощи, а так же некоторых отделов "Калужстроя". Да! Ещё есть домашний телефон коменданта. Всё!

Чуть не сломал этот грёбаный телефон. Хорошо, что вовремя вспомнил о своём возрасте. Удалось перебороть позывы молодого тела. За пару минут привёл своё состояние в порядок. Как говорится — "взял себя в руки". Тело Вилора очень резко реагирует, на всякого рода несправедливости. Но благодаря опыту прежней жизни знаю, как бороться с этим проявлением эмоций. Уф! Действительно отпустило. Мозги прочистились и появилось желание действовать.

Для начала я вытрепал все нервы деду вахтёру. А то конкретно задолбал! Сожрал все пять бутербродов и сидит ничего не делает. Единственное, что удалось от него добиться это дурацкий (по моему) совет, сходить к ней домой. Ага, блин. Это километров семь-восемь не меньше, если по улицам. Так-то по прямой ближе, конечно. Но всё равно время. А вдруг?! Я к ней, а она сюда, в общежитие?

В конце концов решил остаться. К тому же, вся местная молодёжь решила устроить совместный ужин. Меня это мало волновало. Но, как оказалось, без моего косвенного, участия ничего не получится.

— Вилор делись тушёнкой, — прямо в лоб и без обиняков, заявил виртуоз игры на гитаре, — девчонки полведра ячки принесли, сейчас кулеш сварганим.

Я смотрел на счастливое лицо Игоря и решал, как поступить. Послать в эротическое путешествие или присоединиться к празднику, чтобы отвлечься. Поэтому ответил так, чтобы успеть подумать:

— Какой же это кулеш? Настоящий кулеш делается с салом, а с тушёнкой это просто каша.

— А у тебя сало не осталось? — осторожно поинтересовался парень, — нам и надо-то всего ничего.

Вот чего ему ответить? Так-то мне не жалко. Я не удивляюсь и давно привык, в той жизни к таким вопросам. Слава богу жил и в общагах, и в коммуналках, и на съёмных квартирах. Принцип взаимовыручки, когда сегодня угощаешь ты, а завтра тебя, потому что есть и не жалко, одинаков для любого времени. На данный момент, боюсь только одного — ненужных вопросов. Например, откуда у шестнадцатилетнего пацана всё это берётся? С другой стороны здесь не принято задавать такие вопросы. Короче, послал я его... на улицу. Ко всем. А сам поднялся в комнату, взял две банки тушёнки и отрезал кусок грудинки. От меня не убудет, а хорошее отношение окружающих, просто так не заработать. Остатками бутербродов позавтракаю. А на работу, перекусить в обед, возьму всё, что осталось от грудинки и хлеба. Мне будет достаточно. Потом, после первого дня работы, буду решать как мне обедать. Может действительно лучше и легче ходить в столовую. Завтра всё увижу и решу. А пока меня ждут внизу.

Грудинка произвела настоящий фурор. Тут же, как по волшебству, рядом с ведром нарисовалась сковородка. Не прошло и пяти минут, как мелко нарезанный деликатес вкупе с лучком шкворчали на чугунной посудине огромных размеров. Блин... да там небольшого поросёнка можно целиком жарить. Интересно откуда такое чудо появилось в общаге? Или это чьё-то приданое? Да и пофиг. Главное — процесс пошёл.

За процессом приготовления каши следили две девушки. Хотя, чего там смотреть-то?

Поэтому я посчитал себя лишним и отошёл в сторону. Поближе к весёлой компании, которая распевала песни под гитару. Эх! Тёплый летний вечер, запах дымка от костра, обсуждение следующей песни и постоянные разговоры о сегодняшнем дне. Что ещё надо молодёжи? Не заметил, как сам включился в это действо. Вроде бы разговариваешь с соседкой, а через минуту уже поёшь вместе со всеми песню. Или хохочешь как ненормальный, над историей о сегодняшнем отдыхе на пляже. И ведь не было ни глотка вина, а бидон с пивом, на такую толпу народа, вообще не серьёзно. Да и не пил никто. Так, горло смочить, чтобы лучше петь. Хотя, я пришёл позже и фиг его знает, что тут было раньше.

Всё-таки все женщины — немного следователи. Не знаю, чем я себя выдал, но меня вычислили. Сначала одна потом другая начали узнавать, какого такого, я ищу в той стороне, где находится вход во двор общежития? Чего это я туда постоянно смотрю? Может кто-то должен прийти? А кто? Расскажи пожалуйста!

Расслабился наверное. Вот и проболтался. А я ведь не хотел ничего рассказывать. Только узнать, как найти телефон транспортной милиции. Да разве можно что-то утаить от любопытных девушек? Особенно, когда под прицел интересов попал такой молоденький и неопытный, на вид, парень. В той жизни, я бы ничего и ни за что не рассказал и фиг бы, кто меня заставил. Как никак это сугубо личное дело и тут советы не нужны. Но, в процессе разговора и отвечая на наводящие вопросы, совершенно незаметно для Вилора, девушки узнали (или насочиняли сами) всё о наших, с Катей отношениях. Хотя ничего такого не было. Кроме пары поцелуев с моей стороны. Но и этого оказалось достаточно, чтобы породить бурю!

Вкратце, убрав всякие междометия и союзы, мне объяснили, что: Катерина красивая и несчастная женщина, мне с ней ничего не светит, она никогда не будет встречаться с малолеткой, вот если бы наоборот то неизвестно, она обожглась молоком и теперь дует на воду, она не пришла потому что всё поняла и решила разорвать отношения, мы вообще-то красивая пара, но мне лучше искать ровесницу, она милиционер и этим всё сказано. На все мои попытки объяснить, что ничего такого даже не думал. Я получил в ответ кучу упрёков: что я бесчувственный чурбан, что лучше этой девушки нет на свете, что возраст не помеха, что я трус, что теперь со мной никто разговаривать не будет, что я здесь вообще делаю? Короче, ничего не понял, но оказался виноват со всех сторон. На этом моменте Вилор ушёл в тень и не вылезал до поры до времени.

Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, мне пришлось пообещать девушкам, что поговорю с Катей. А что оставалось делать? На меня уже смотрели косо. До того, чтобы показывать пальцем, ещё не дошло, но уже где-то рядом. Вроде поутихли. А дальше был кулеш.

Не сказать что я наелся, но сытость какая никакая присутствовала. Наваристый кулеш получился и вкусный. Хоть и мало. И ещё, для меня стало откровением, что в это блюдо добавляют картофель. Пусть его там было всего ничего, но всё равно. И по моему, не хватало зелени. Хотя бы пучок укропа и петрушки покрошить и добавить. И лучка зелёного, немножко. Но и так тоже нормально.

Потом, кто-то мыл ведро. Кто-то бегал за водой. Кто-то принёс ещё дров. А кто-то поделился заваркой. В итоге получили ведро чая.

Гитарист Игорь или сорвал голос, или ещё чего, но на всё просьбы спеть и сыграть, отвечал отказом. Это не стало преградой для продолжения праздника. Молодёжь и без гитары прекрасно справлялась с песнями. А вот с танцами не очень получалось. Но и тут

помогла взаимовыручка. Кто-то куда-то сбегал, у кого-то под честное слово взяли и принесли патефон. Правда пластинка была всего одна, но это никому не мешало.

Веселье продолжалось до того момента, когда вышел вахтёр и всех загнал в общежитие. Со стонами и всякими пожеланиями народ начал разбредаться по своим комнатам. Ну и я тоже. Куда же мне деваться?

Уже в кровати, после всех гигиенических процедур, начал анализировать всё, что со мной происходит. Результат оказался не радостный. Час я ворочался с боку на бок, но, по моему, нашёл корень всех своих проблем. Во всём виновата химия. Или как там её называют. Тело Вилора это тело молодого, даже точнее юного парня. Кто себя помнит в юности? Вспомните, как вы поступали в тех или иных ситуациях. Не было никаких тормозов. Не было полутеней — или чёрное или белое, или плохо или хорошо. Всё! А тут в мозгах пенсионер, со своими моральями и заскоками. Вот и кидает меня из стороны в сторону. Парень хочет любви и развлечений, а я его загоняю на работу и ещё, подписываю на выполнение смертельно опасного задания. Вот и получается, что вроде бы иду к намеченной цели, но получается это как-то слишком извилисто. Не прямо, а зигзагообразно и иногда высоко подпрыгивая.

Нету у меня ничего такого в отношении Катерины. Как Вилор я её уважаю и очень благодарен за помощь. А как пенсионер, я пользуюсь тем, что она служит в милиции, но стараюсь делать это незаметно, прикрывая свой интерес дурацкими поступками.

Есть только один метод окончательно соединить тело и разум, и заставить их действовать в унисон. Правда, что получится в итоге, нельзя предсказать заранее. Но, я думаю, что скоро это станет понятно. Секрета никакого нет и всё уже давным давно придумано. В армии и спорте этим пользуются постоянно. Это элементарное увеличение физических нагрузок. Чтобы мозг отбросил все лишние мысли и начал работать на выживание. Чтобы у него было всего несколько мыслей — это поспать и пожрать. Всё остальное от лукавого. Другими словами надо задолбать это тело до состояния нестояния. А это значит, что у меня теперь, всего один лозунг — «Ударным трудом и спортивными достижениями ударим по инфантильности и разгильдяйству» и да будет так.

Завтра у нас четвёртое июля тысяча девятьсот сорок девятого года и это понедельник. Хороший день, чтобы начать жить по новому. А Катя? С ней всё решим. Обещаю.

Глава 14

Утро. Как проснулся не понял. Но, точно не по будильнику. Вскочил. Огляделся по сторонам. Вроде все спят. Побыстрому оделся и на улицу. Касьян уже не спал и выпустил меня на улицу. Солнышко не видно, но на востоке уже светлеет. Скоро покажется и совсем рассветлеет. Прохладненько. То что надо.

Раз уж сам решил гонять себя по полной программе, то нефиг включать заднюю. Пару кругов вокруг общаги. С ускорением — когда бегу по двору и не напрягаясь — это по улице. Норм. Теперь к турнику. Там все как и прежде, но стараюсь выжимать из себя всё возможное. Результат не радует. Ничего, зато увеличиваю количество подходов. Как и всегда в голову лезут дурацкие мысли. Почему не узнал или хотя бы не поинтересовался сколько стоит велосипед? Как тут относятся к грибам? Если утром вставать пораньше, то можно на велосипеде, в качестве тренировки, доехать до бора. Там точно можно набрать грибов. Неплохой приварок к ужину. А если с картошечкой, то вообще сказка.

Всё. Больше не могу. Нет, если бы здесь был мой тренер, то сделал бы ещё пару подходов. А так... Если только один. Чуть отдохнуть надо. Ручками потрясти, расслабиться. Ножками подрыгать. Подышать поглубже. Ещё разок повторить на турнике и ещё парочку отжиманий. Теперь точно всё. Прыгать и махать кулаками, изображая "бой с тенью", сегодня не буду. Нога, хоть и не беспокоит, но ещё побаливает. Пережду. Потом наверстаю.

В комнате все спали. Ну и фиг с вами. Зато возле умывальника никого. Поэтому пользуюсь этим по полной программе. Хорошо! А лужи на полу скоро высохнут. Или нет? Смотрю на то, что натворил со своими утренними процедурами и решаю оставить так как есть — хуже чем сейчас не будет. Будет лучше.

Первым делом заглядываю под кровать. Вчера, перед сном, вроде всё приготовил. Достал сумку, там остатки бутеров. Надеюсь, что не испортились. Краем глаза замечаю будильник, что стоит на столе. Стрелки застыли на двенадцати часах. После проверки оказалось, что его элементарно забыли завести. Тьфу, блин. И сколько сейчас времени?

Смотрю на спящих парней и пытаюсь вспомнить у кого из них были часы. Ничего, по этому поводу, не приходит в голову. Не помню и всё тут!

Спускаюсь на вахту. Блин... балбес. Надо было раньше догадаться. Вахтёр, наверное, ржёт надо мной, глядя как я поднимаюсь по лестнице с удивлённой физиономией. Время-то без четверти шесть, всего. А я удивляюсь, что это в умывальне никого? Опять вспомнил о часах. Для лучшего запоминания постучал по голове.

Пока делать нечего перебрал рюкзак. Остатки денег запихнул в кирзовые сапоги. Они мне нескоро понадобятся, а пока пусть полежат под кроватью. Кальсоны и нательную рубашу сразу передел, сверху гимнастёрку и комбез. Норм. Хромовые сапоги на новенькие портянки и всё. Кепку забыл.

В сумку от противогаза складываю весь приобретённый инструмент. Там потом разберёмся, что надо. Собственно я готов. Осталось только позавтракать. Народ ещё спит. Одному жевать бутеры, как-то не комильфо. Но и будить всех специально не буду. А раз так, то надо посетить одно место. Что-то я про это совсем не задумывался. Пора исправить.

Общая кухня или как вообще это можно назвать? Ничего не понятно. Два прямоугольных стола стоящие рядом образуют один большой и квадратный. Это нормально

и точно такое я уже видел в коммунальной квартире, где однажды пришлось снимать комнату. Умное решение, которое позволяет готовить с четырёх сторон одновременно. А если немного ужаться, то и восьмерым, но это из раздела фантастики. Никто и никогда так делать не будет. На такой сдвоенной столешнице стоит целая батарея всякого рода примусов и единственный керогаз. Интересно, а каким из них пользуется наша комната? Неужели керогазом? Да ну нафиг. Не те ребята, для такой дорогой техники. Они, по моему, вообще ничего не готовят и питаются святым духом. Хотя всё может быть и я, просто, чего-то не знаю.

В углу раковина с краном. Рядом, впритык ещё один стол, на данный момент пустой. Ну, это понятно. Стол для посуды. Поставил, помыл и унёс в свою комнату. Сбоку от окна стоит кубическая, металлическая печь типа "Буржуйка" с круглой, чугунной конфоркой, для приготовления пищи. Ещё два пустых стола и ни одной табуретки или стула. Ну да, а что я хотел здесь увидеть? Набор элитной кухонной мебели со встроенными электроприборами и газовой плитой в придачу? Ни фига! Пока вот так и другого не будет. Вполне себе нормально, для меня. Остальное узнаю попозже. Ребята проснутся и расскажут, что тут и как, где наши приборы, а к чьим лучше не прикасаться. Во избежание кухонных дуэлей.

Поплёлся обратно. Нервничаю немного. Всё-таки в первый раз, в этом времени пойду на работу. Главное чтобы наставника нормального дали, а то знаю я как это делается. Поручат какому-нибудь балбесу "на отвали" и "чтоб було", а мне потом мучайся с ним. Учи его заново, как и что надо делать. То есть наоборот — он будет со мной мучаться, а я учиться. Или... Опять запутался. Пошло оно всё нафиг! Приду и разберусь на месте. Я их ещё научу строить как надо и самыми передовыми методами. В комнату заходил замотивированный до предела. Душа рвалась на работу, а желудок требовал пищи.

Как же трудно без часов. Решил не откладывать на потом и всё-таки хоть что-нибудь съесть. Кишки уже не просто разговаривали, а орали в полный голос, о необходимости набить желудок. Достал свёрток с бутерами. Нас в комнате восемь человек, а бутербродов осталось двенадцать штук. Как делить? Элементарно! Иду к столу и режу все напополам. А что? Теперь каждый получит по три половинки. А вот с чем это пусть сами решают. Не хватало мне этим заниматься. Теперь можно и поесть. Благодаря знанию арифметики, три штуки я точно заработал. Выбираю одну половинку бутерброда с грудинкой и две с полукопчёной колбасой. Ни на кого не оглядываясь начинаю приём пищи. Такое ощущение, что я их не проглотил, а впитал. До желудка, по моему, эти канапешки не добрались — впитались ещё в пищевод. Делать нечего. Выпил вдогонку стакан воды. Вроде как легче стало. Можно чуть-чуть полежать перед дорогой.

Прикрываю глаза и мысли, непонятным образом, возвращаются к Катерине. Почему она вчера не пришла? Что такое могло случиться, отчего упёртая комсомолка, не выполнила своё обещание? Но, никаких предположений не было. Поэтому, до вечера решил плыть по течению. Если она не придёт с утра или в течении рабочего дня, то после стройки сбегаю до вокзала. Там с ней и поговорю. Сам себе не поверил, но после этого стало намного легче.

Где-то в недрах общежития сработал будильник. Ага! Народ просыпается. Значит можно и мне всех будить. Но, сегодня не мой день. Девичий голос громко прокричал в полуоткрытую дверь:

— Мальчики! Встаём! Пора на работу!

Ни фига себе сервис. Отель "Пять звёзд" — прямо! Тут наверное и завтрак в постель приносят? А я и не знал. Только действительность оказалась гораздо печальнее. Никто в

комнате даже не пошевелился. Как спали так и продолжали сопеть под простынями.

Не, ну на хрен! Я, блин, тут, понимаешь ли встал, ни свет ни заря, а им хоть бы что! Их тут, гадов, девушки красивые приходят будить, а они ноль внимания! Я не девушка, у меня другие методы. Пора проводить второй урок праксиологии. Минутку на подготовку — надо настроиться правильно, чтобы всё получилось. Набираю побольше воздуха и (не забыть побольше трагичности в голосе) начинаю бегать по комнате и каждому спящему орать в ухо:

— Вставайте! Пропали! Всё! Опоздали! Пора на работу! А-а-а!

При этом я ещё и трясу каждую кровать. Жаль, что ведро с водой полное, а то бы с удовольствием погромел немного.

Результат меня порадовал. Народ подскочил с кровати и начал, с ошарашенным видом, бегать по комнате, в попытке одеть хоть что-нибудь. Не обошлось без столкновений и падений. Я же пробрался к двери и продолжил нагнетать обстановку:

— Быстрее! Уже девчонки прибежали и кричали! Опаздываем! Давайте — давайте!

Чуть было не перешёл на немецкий язык, так и подмывало заорать в полный голос: — «Шнель-шнель! Алярм!». Но решил не усугублять. Ещё зашибут ненароком. Всё-таки война недавно закончилась.

В конце концов ребята разобрались в происходящем и тут уже мне начало прилетать, правда пока словесно, но и это что-то. Обвинения были какие-то несерьёзные. Типа зачем разбудил, куда всё время спешишь и всё такое. Ага! Выхожу на середину комнаты и начинаю свой печальный рассказ.

Начал с простого. Рассказал всему коллективу, как я встал, сбегал на тренировку (хотя какая нафиг тренировка, так просто проснуться побыстрее), приготовил всем бутерброды. Потом решил немного полежать, отдохнуть перед подъёмом до сигнала будильника. Ну и ясен пень заснул. А тут, ни с того ни с сего, стук в дверь и крики, что пора на работу и времени уже нет. Что мне делать? Начал всех будить. Как-то так! Вот!

Что не говори, но люди в этом времени совсем другие. Более открытые и не злобные что ли? Попробовал бы я в том, то есть там, ну в моём том времени, что-нибудь подобное сделать. Результат был бы непредсказуем. А тут вроде как и ничего? Посмотрели друг на друга, почесали затылки и махнули рукой. Но и результат был достигнут. Мужики, конечно, на мои экзерсисы обратили мало внимания, но уловили самое главное — бутерброды! Что и требовалось собственно. А дальше ожидаемая реакция. Сначала — да ладно, забудь, где это тут вкусняшки? А потом и чутка благодарности досталось. Зато, когда все дружно попытались закурить, уже я начал наезжать на всех. Лекцию, о вреде курения, читать не стал, но очень попросил пожалеть мой молодой организм. Наверное, что-то дошло, потому что большинство сразу стали открывать окно, а кто-то выбежал на лестничную площадку.

Видя, что парни не знают чем себя занять, после того как съели все бутерброды и запили их водой, я начал задавать вопросы. Всё как и было запланировано. Рассказали почти всё. На кухне наш примус с фиолетовым пятном. Только нету керосина. Керагаз общий как приз за победу в каком-то соревновании. Но пользоваться им никто не любит. Слишком долго вокруг него надо танцевать, пока не начнёт по нормальному работать. Девчонки иногда кипятят белье с его помощью. Но это редко. В основном для этого есть печка-буржуйка. Там только дрова нужны и никаких танцев с бубнами. Далее, всё общежитие, кроме некоторых индивидуумов, завтракает по дороге на работу. Есть два способа. Один — это купить пирожков на рынке и запить обратом, что привозят после сдачи молока частники с молокозавода. Дёшево и сердито. Второй это столовая хлебозавода. Там круглосуточно и

недорого. Есть ещё варианты, но там свои трудности и поэтому всего несколько человек ими пользуются.

Решил провести агитацию, на тему здоровой пищи. Всё равно время до работы есть. Полчаса рассказывал, как легко и без проблем можно питаться прямо в общаге и за небольшие деньги. Меня выслушали, но, пока, остались при своём мнении. Ничего, дайте мне пару дней и я вам устрою настоящий вулкан ароматов. Вы у меня слюной во сне захлебнётесь, если не проснётесь вовремя. А вот потом... мы поговорим. Обещаю.

Решил пойти с той группой, что идёт за пирожками. Давно обрат не пил. Надо вспомнить вкус, а попутно прикуплю пирожков для Екатерины. А что? Вдруг придёт, на что я очень надеюсь, а у меня всё есть для встречи. Очень уж неохота вечером, на вокзал бежать, после первого дня работы.

Вот я балбес! Только сейчас вспомнил, как отец рассказывал, что они также питались. Утром, перед учёбой в техникуме, бегали на рынок и, по словам отца, наедались на весь день. Только это было гораздо позже, в конце пятидесятых. И как мне кажется, после рассказов парней — ничего не поменялось.

Обрат как обрат, что сейчас, что в моём времени — нежирное молоко и этим все сказано. Зато пирожки, в этот раз, были не только горячие но и размером поболее, чем днём ранее. Взял с рыбой пару шпук на завтрак и пяток с лисичками и луком на обед. Очень уж их нахваливали. В обед попробуем.

После такого импровизированного завтрака наша компания разделилась. Кто-то пошёл в гараж, кто-то в столярный цех, а кто и на склад, и только человек пятнадцать не спеша пошли на стройку. По дороге девушки подначивали парней и те, в ответ, обещали вечером разобраться, со слишком "шустрыми мадамами", своими методами. В общем дорога прошла весело.

Возле прорабской никто меня не ждал. В самой тоже никого не было. Ну, кроме прораба, конечно. Причём этот кадр сидел за столом с таким видом, что сразу становилось понятно — меня не ждали. И скорее всего предпочли бы, чтобы я вообще не вышел на работу. Да и речь, которой меня приветствовали, говорила о этом:

— Пришёл всё-таки, — прогундел, с недовольным видом, товарищ Иванов, — а где твоя спутница? Или она решила, что мальчик сам справится со своими штанишками и носовым платком?

Вот, какого фигура он на меня взъелся? Я ему что, дорогу где-то перешёл или конфету любимую украл? Нет. С этим товарищем, надо разговаривать его же языком. А учитывая всеобщую любовь к правоохранительным органам, можно и припугнуть немного. Так что зря он это.

— Что вы Сергей Петрович, — с самой доброй улыбкой, какую только смог представить и изобразить, произнёс я, — товарищ Воронцова, с самого утра обеспокоена моим устройством на работу. Поэтому по телефону попросила, составить подробный отчёт о сегодняшнем рабочем дне и занести к ней в кабинет.

Стук челюсти я не услышал, но глаза у этого представителя семейства дубовых, выкатились из орбит и почти коснулись стёкол очков. Цвет лысины тоже поменялся с обычного на ярко-малиновый. Ну и чтобы окончательно добить этого кренделя, я с сожалением добавил:

— Писать у вас тут негде. Придётся бежать после работы в отдел и всё делать там. Вы же не забыли, что я, как ученик и несовершеннолетний, работаю на один час меньше? Жаль,

что вместо положенного отдыха, мне нужно будет тратить время на писанину. Но, товарищ Воронцова очень настаивала, на этом.

Сглотнув слюну, или чего там у него застряло в горле, бюрократистый прораб, начал меня успокаивать:

— Вилор! Зачем же ты так? Я могу прямо сейчас позвонить и всё рассказать. Твоя спутница специально оставила номер своего телефона, для таких случаев. Ты иди пока, посиди возле корыта. У нас сейчас будет утренняя пятиминутка, а после неё решим все оставшиеся вопросы по тебе.

Пришлось идти. Искать это корыто для раствора и сооружать, что-то похожее на лавочку из обломков кирпича и доски. Мне же сказали посиди-подожди, вот и сижу, жду. На душе полный раздрай. Как это так? Катя оставила телефон этому недопрорабу, а я его до сих пор не знаю? С какой стати? Может поэтому она и не пришла вчера? Хотя, какое это имеет отношение к вчерашнему? Скорее всего Катя, со всей своей комсомольской ответственностью, решила подстраховаться. А может и ещё чего?

Со всех подъездов начали выходить работники и работницы. Ага! Время для каждодневного инструктажа, или по простому — пятиминутки. Интересно, есть ли какие-то отличия от нашего времени? Ща посмотрим!

Товарищ Иванов появился, когда толпа строителей всех мастей начала повышать голос. Сразу проскочил в центр толпы, мимоходом посмотрел на меня, что-то там прикинул и начал раздавать указания.

Честное слово, я, от этого кренделя, не ожидал ничего такого сверхъестественного. Но, он смог меня удивить и порадовать. Во-первых — он знал всё имена в большом коллективе (человек сто-сто двадцать, я специально не пересчитывал, но где-то так). Во-вторых — он не пользовался записями, а раздавал задания по памяти. В-третьих — это шикарный матерно-строительный язык. Причём, ругаясь, прораб никого лично не оскорбил. А это уже надо уметь. Такое достигается в долгих и упорных тренировках, а также спорах исключительно на строительные темы и не за один год. Я постараюсь воспроизвести кусочек этой речи, но с заменой слишком сильных выражений:

— «Благородные доны из рода плотников к вам обращаюсь. Почему такие уважаемые люди, профессионалы и специалисты не закончили полы на втором этаже? Не хватило красивых и ровных досок с великолепно выбранной четвертью? Наверное кто-то с кем-то занимался чем-то? Или, в какой-то момент, у настоящих виртуозов своего дела временно, что-то случилось со зрением? Для вас ведь не составило труда, пройти несколько шагов и спуститься на этаж ниже? Тогда вся вина, на мне. Табельщица наша, дама с очень сильной моральной составляющей, всё учла и это отразится на вашей ранее очень достойной зарплате. Поэтому не считите за труд и, как можно быстрее, закончите наконец эту карту. Чтобы наши ответственные девушки незамедлительно приступили к оштукатуриванию помещения».

В общем, мне было весело. Все остальные внимали с интересом. Некоторые, прямо с места, пытались что-то объяснить, но тут же замолкали, увидев отрицающий жест прораба.

Закончив раздавать задания и подбадривать народ, прораб, начал решать мой вопрос. Ясен пень, что никто не захотел брать на себя ответственность. Даже озвученная сумма, так называемых "наставнических", никого не возбудила. Поэтому всё решилось с помощью голосования. Победил и следовательно стал моим наставником каменщик по фамилии Бартолье. Ничего не имею против французов. Но, как оказалось, на данный момент этот

человек отсутствует и придёт немного позже. Да-с! Вот откуда растут те самые принципы, которые расцвели буйным цветом в брежневские времена. Раз не присутствуешь значит голосуют за тебя. А вот нефиг пропускать собрание! И ведь ничего не скажешь против. Коллеги всё решили, как и положено при демократии — общим голосованием.

Когда все разбежались по своим рабочим местам, я подошёл к Петровичу и узнал где находится склад, чтобы наконец-то получить всё, что мне положено и необходимо для учёбы. Прораб указал направление рукой, а сам удалился в кабинет. Ну и хрен с ним. Сам справлюсь.

— Ермаков Николай Петрович, — представился, мне, худой мужчина в морском бушлате, — местный баталер. Прошу любить и жаловать.

Кто такой баталер я знаю. Батя всё-таки на флоте служил и кое-что объяснил. Но, мне от этого ни разу не легче. Эти ребята упёртые до невозможности и что-то выцепить у них, не прибегая к физическому воздействию, равнозначно эпическому подвигу. Хотя и у нас есть чем удивить солёную душу.

— Вилор Тихий, — отрапортовал я, не прикладывая руку к кепке, — пришёл получить робу и шанцевый инструмент необходимые для прохождения обучения у каменщика Бартолье.

— У Бартолье? — удивился Петрович и почесал затылок, — гм... Что ж пошли посмотрим, что тут у нас есть. Кстати, где так ловко научился рапорт строить? По возрасту, вроде, молодой. Родственник, что ли есть с плавсостава?

Пришлось выкручиваться и выдумывать. Надеюсь, что история о детдоме и стороже бывшем боцмане, прокатила. Неохота терять доверие интересного человека, который, вроде как, мне поверил.

Как и ожидалось, на складе почти ничего, для меня, не было. Да и не надо. У меня почти все есть. Фартук из брезента взял — пригодится. Да моток толстых ниток типа дратвы — тоже нужно. Гвоздей пяток штук еле выпросил — дефицит. Николай Петрович от широты души, хотел мне всучить танковый шлем, но я отказался. Нафиг. Мне под башенным краном не стоять. Прораб не идиот — ученика на кладку ставить. Так что кепки хватит. А там что-нибудь придумаю.

Осталось расписаться в журнале и можно идти знакомиться с наставником. Расписываться перьевой ручкой, на столе который завален всяческими журналами и бланками с накладными это то ещё приключение. Но, я справился.

Петрович видя моё недовольное лицо спросил:

— Что случилось салага? О чём задумался?

Ну, я ему и выдал. Всё, что я думаю, по поводу и без повода, о таком отношении к ученикам и вообще людям. Внимательно меня выслушав Николай Петрович, полностью со мной согласился и даже добавил своего морского разнообразия. Нет, ну а что? Где в конституции написано, чтобы я обязательно учился в ФЗУ, прежде чем устроиться на работу? Нету такого и не будет никогда. Закон о тунеядстве, ещё не принят. Поэтому, окончил семь классов и делай, что хочешь. Хочешь дальше учишься, а хочешь иди работать. Пока «кипел мой разум возмущённый», Петрович разлил чай в стаканы и предложил мне. Я не отказался.

Морковный чай, на редкость хорошо заваренный, я выхлебал с большим удовольствием. Всё-таки пирожки и обрат, требуют небольшого дополнения. Уже собираясь попрощаться, совершенно случайно обратил внимание на ящик, что одиноко стоял в углу. Там был какой-

то металлический хлам. Но, одна вещь показалась знакомой.

Спросив разрешение, я, решил проверить свою догадку. Всё как и ожидалось это была ОНА! Кирочка! Такая же как у меня в том времени. Схватил и начал вертеть в руках, осматривая со всех сторон. Убедившись, что это то что нужно, я с вопросом посмотрел на баталера. Он сразу же ответил:

— Хлам это! Принесли на замену. Трещина на оголовке — в любой момент может отломиться.

— Петрович... — наверное, в первый раз я не знал как начать разговор, — а тебе она точно нужна?

— А как же! — гордо ответил кладовщик, — числится на складе, списывать буду в конце месяца. Как неподлежащее восстановлению.

Мысль, пришедшая в голову, решала все проблемы. Но, как на это посмотрит мой собеседник? Надо проверить.

Десять минут разговора и кирочка стала моей. Правда, пришлось отдать молоток, который купил на рынке, но это того стоило. Ха! Трещина это не проблема. Есть столярная мастерская и я надеюсь, что там мне помогут. А нет, так есть кузня в Авчурино. Вроде бы там неплохие специалисты. Можно сходить поговорить. Но это позже, а сейчас надо идти искать наставника. Интересно посмотреть на его реакцию.

Народ весь рассосался по рабочим местам. Так-то видно что процесс идёт, но пока потихоньку. Где-то молоток стучит, где-то кто-то что-то катит. Смех и просто громкие возгласы. Обычный шум стройки. Пара стропалей лениво чистили корыто под раствор. Тяжко ребятам. Видать вчера усугубили маленько. Теперь мучаются. Подошёл к ним, чтобы узнать где найти моего наставника. Оба сразу замахали руками и начали показывать на подъезд. Типа, иди туда и там спрашивай. Иду, что ещё делать-то?

По деревянному настилу с перилами поднимаюсь на первый этаж. Здесь, по лестнице поднимаюсь на второй этаж и сразу захожу, в один из дверных проёмов. То есть попытался зайти. Потому что меня резко остановили. Сначала, чья-то рука опустилась мне на левое плечо и сильно надавила вниз. Одновременно с этим, ещё одна рука ухватила меня за другое плечо и не давала шевельнуться. Добавил ощущений негромкий, но твёрдый голос, который поинтересовался:

— Вилор Тихий? А мы вас везде разыскиваем. Пройдёмте.

Глава 15

Полумрак ещё этот. Не могут нормальное освещение сделать, что ли? Фиг поймёшь, кто там меня держит. Рыпаться не стал, а просто медленно, растягивая слова ответил:

— Ну Вилор. Ну Тихий. А вы кто такие?

Молчание за спиной. Ага, блят! Психологи недоделанные. Тут вам не там. Я и сам так могу. Но пока что не буду. Буду просто молчать, ведь сейчас их ход. Или если правильно, то за ними слово.

Хоть и полумрак, но рука, которая держала правое плечо, была женская. Это я увидел чётко. Не, не маникюр и лак, а строение кисти скорее. Мысли о милиции и всяких там НКВД, я отмёл сразу. Они так не действуют. Тут что-то другое. Впрочем, всё разрешилось само, без моего участия.

— Что же вы, товарищ Тихий, — произнёс тихий мужской голос, — бегаєте от нас? Нехорошо это.

Разыгрывать дурачка не входило в мои планы, поэтому просто сказал в ответ:

— Вообще-то я первый день на работе и ни от кого никуда не бегаю. Наоборот, ищу где мой наставник и какого-почему, он не помогает мне в выборе необходимого рабочего инструмента и одежды?

Надеюсь, что мой уверенный голос сыграет свою роль. Не очень и сложно изображать спокойствие, зная, что это какое-то недоразумение. Уверен, что мне наконец-то скажут, в чём дело?

— Ладно, успокойся, — раздался тот же спокойный голос, — иди вперёд. Там в комнате поговорим.

Хорошо хоть так. Я прошёл куда сказали. Светлая комната, строительный мусор под ногами, какие-то обломки реек и посреди всего этого стол. Стол как стол — обычное дело на работе. Когда надо делать много мелкой работы. Здесь видать закончили работу плотники. Оббивали стены и потолок дранью под штукатурку. Работа очень нудная и кропотливая, но нужная. Не успел я порадоваться относительной свободе, как меня резко остановили и развернули.

Парень и девушка. Лет по двадцать пять плюс минус пару годков. Девушка шатенка, зеленоглазая, невысокая в рабочей одежде. Парень чёрноволосый, плотный, с хитрыми светло-кариими глазами, ростом немного пониже меня, в таком же как у меня комбезе. Смотрят с интересом. А я что? Тоже взял и уставился на эту пару. Это у них ко мне дело, а не наоборот. Пусть теперь сами выкручиваются. Я, кстати, заметил, что в этом времени, стараются всё делать неторопливо, как говорится — с толком и расстановкой по местам. Но эти двое, вообще никуда не спешили. Какие-то неправильные товарищи мне попались. Может эстонцы? Хотя, откуда они тут возьмутся.

Наши общие гляделки долго не продолжились. Первым начал говорить парень:

— Что ж, давай знакомиться. Я Сергей Сергачёв комсорг нашей комсомольской группы строителей и отделочников. Это Татьяна Исипова секретарь комитета комсомольской организации "Калужстроя".

Теперь понятно откуда ветер дует. Нашли меня всё-таки массовики-затейники от комсомола. Эх! На денёк бы попозже, тогда бы с большим удовольствием познакомился, а

сейчас мне это не очень нужно. Будем послушать, что они скажут. Но сначала, для порядка, не помешало бы самому представиться:

— Вилор Тихий, вроде как член вашей организации. Так как, пока, никого из группы не знаю и не был ни на одном собрании. Надеюсь, что вскоре всё исправлю. Кстати, а когда следующее комсомольское собрание?

— К этому мы вернёмся, но чуть попозже, — ответил Сергей, — сейчас же у нас для тебя есть первое поручение.

Как я не выругался матом не знаю. И об этом ничего не могу сказать. Но настроение они мне явно испортили. Придётся вспоминать методы борьбы с бюрократизмом в первичных организациях. Самое первое и самое главное в таких делах это умение отмазаться. Но, тут опять не вовремя вылез комсомолец Вилор. Разум старого и прожжённого прораба, а также бывшего комсомольца, прямо-таки вопил: — «Не связывайся с этой фигнёй!»! А вот мозг Вилора услышав ключевое слово «комсомольское поручение», запустил необходимую химию в организм. И теперь меня просто разрывает от желания побыстрее сделать, что-то полезное для комсомольской группы. Надо это пресечь. Несколько секунд внутренней борьбы и я, всё-таки, смог высказаться:

— Извините Сергей и Татьяна, но, на данный момент, я занят. Готовлюсь к выполнению очень ответственного задания от партийной ячейки транспортной милиции.

Надо сказать, что комсомол это организация с чёткой и явной вертикалью власти. Почти как в армии. Как пример — если полковник вам приказал таскать круглое и катать квадратное, то никакой лейтенант этого не отменит, как бы он не старался. Потом, когда всё будет сделано, лейтенант как-то напомнит о себе, но когда это будет, а полковник — это да! Приказ отдал он и всё тут. Так и здесь — строители комсомольцы против милиционеров коммунистов не катят, никак. Плюс отношение к милиции вообще. Так что обломись Вилор! Сначала сделай, что обещал Катерине и товарищу Собкину. А потом послушай, что тебе предложат эти товарищи. И только после этого можно соглашаться. Уф, заколебался... аж вспотел, в этом комбинеzone долбаном.

— Я всё поняла, — чётко произнесла Татьяна Исипова, — позже, на собрании, доложишь о выполнении задания партии. Может, что-нибудь возьмём себе на заметку. Кстати, тебе помощники не нужны?

— Не помешают, точно, — ответил я, — но, всё дело в том, что нужны комсомольцы из детдома. Тогда мы точно найдём общий язык.

— Я подумаю что можно сделать, — медленно проговорила Татьяна, задумчиво смотря на меня, — скорее всего, в обеденный перерыв проведём летучку, с нашей группой. Где всё решим.

Потом, она обратилась к Сергею:

— Сообщи всем, чтобы после обеда в столовой, собрались на аллее. Представим Вилора и немного пообщаемся.

Собственно на этом, моё общение с комсомольскими вожаками нашей организации закончилось. Приоритеты расставлены и границы очерчены, теперь только педаль в пол и вперёд на работу. Где-то тут работает мой французский наставник, если пришёл конечно. Пора с ним познакомиться. Пойду потихонечку, буду искать, кто в курсе местонахождения этого Бартолье. Вообще-то это нормально для Калуги. Я имею в виду французскую фамилию. Сколько тут пленных французов было в своё время — не счесть. В краеведческом музее Калуги, в зале посвящённом Отечественной войне 1812 года экскурсовод, если ему

задать вопрос, ответит, что более пятнадцати тысяч пленных из великой армии находились в Калужской губернии. Не все, конечно, они были французы, но и их хватало. Что-то я отвлёкся...

Стоило только высунуться из квартиры, на лестничную площадку, как меня чуть не сбили с ног две девушки. Они тащили штукатурный ящик под раствор и, скорее всего, в эту самую комнату, где я только что был. Полумрак и здесь сыграл свою роль. Ругаться с ними не стал, незачем. Люди работают, потому что знают что им делать. Один я никак не найду себе занятие. Зато, на мой вопрос, жестами показали направление, где искать наставника. Нормальные девчонки. В благодарность за информацию, я помог им затолкнуть ящик в квартиру. В какой-то момент, мне даже показалось, что они с нашего общежития. Потом уточню обязательно.

Соколом взлетел на этаж выше. Здесь, в одном из помещений, меня ждут — надеюсь.

Давно я такую планировку не встречал. На лестничной клетке было четыре квартиры. В какой именно работает Бартолье не знаю. Но, горка кирпичного щебня возле одного из дверных проёмов прямо намекала, на то, что где-то рядом работает каменщик. Значит мне туда.

Опять полумрак. Да, что ж такое-то? Трудно лампочку какую никакую повесить? Ведь не видно ни фига. Оглядываясь по сторонам и иду вперёд. Нормально так. Походу четырёхкомнатная квартира. Длинный коридор и по порядку: кладовка, кухня, четыре комнаты и ещё что-то. Однобоко и малофункционально. Зато проблем с пожарными нет — это точно. Плавали знаем.

В конце коридора сидит женщина, на перевёрнутом ведре. Про внешность ничего не скажу. Не видно. Потому что сидит ко мне спиной. Одета, как все, в серую робу, на светлую рубашу. На голове синяя косынка "а-ля бандана". Занята тем, что обрубает обломки кирпича на более менее ровные половинки и четверти. Складывает, то что получилось, в отдельные кучки. При этом ещё и напевает вполголоса:

— «Еду, еду, еду я по свету
У прохожих на виду.
Коли я машиной не доеду,
Значит, я пешком дойду».

Потихоньку подхожу и, чтобы не напугать, аккуратно хлопаю её по плечу. Девушка (всё-таки девушка, уж слишком молодая) поворачивается и внимательно смотрит на меня.

Вообще-то меня наставник ждёт и поэтому мешкать нельзя. Каждая минута на счету. Потом ведь не объяснишь, этому французу, что задержался из-за красивой девушки. Хотя, наверное, только он и сможет меня понять. Ладно, никуда она отсюда не денется, ещё встретимся.

— Извини красавица, — я решил, что будет не лишним извиниться, перед тем как что-то спросить, — ты тут злобного француза по фамилии Бартолье не видела? Его, вроде как, моим наставником назначили. Только я не Кутузов, чтобы за ним бегать, по всей калужской области, даже если он француз.

— Так и я не Наполеон, — весело улыбаясь, ответила девушка, — а вовсе даже та самая Бартолье. И не бегаю я никуда. И почему это я — «злобный француз»?

То что я офигел это ничего не сказать. Бартолье — девушка. Вот ведь блиинн... и по другому не скажешь. И я, сам, себя поставил в такое положение. Ещё и наговорил всякой ерунды. Ой! Придётся извиняться и каяться. Иначе моя практика пойдёт лесом. Девушки

существа непредсказуемые уже не раз доказано. Буду, во время всего обучения, кирпичи напильником подравнивать и раствор шумовкой подмешивать, вместо того чтобы нормальную работу работать. Так что не убудет от меня, буду импровизировать.

— А имя, у такой красивой девушки, есть?

— А тебе зачем? — продолжая улыбаться спросила девушка.

А действительно зачем? Мог бы и без имени обойтись. Но, походу, старого кренделя понесло не по детски. Теперь уже Вилор был в аутсайдерах, а впереди опытный и с богатым багажом знаний прораб. Который, совершенно некстати, решил вспомнить свою, бурную на события молодость.

— Как зачем? Как зачем? — начал я, всю исправлять положение, — мне же надо извиниться! И не просто так, а со всеми положенными эквивоками и перетурбациями.

— Чего-чего? — ничего не поняла девушка, о чём и говорил её изумлённый взгляд.

— Ну, если по простому, — начал объяснять я, ещё больше запутывая девушку, — то надо принести извинения согласно принятого ритуала. Для этого надо знать имя жертвы!

— Ка-какой жертвы? — то ли удивлённо, то ли испуганно спросила красавица и резко встала.

Кулаки сжаты, глаза горят решительностью и... Блин! Именно в этот момент я понял, такую мою реакцию организма. Эта Бартолье вылитая Ирина Макогонова — наша знаменитая волейболистка. Даже рост один-в-один. Причёску немного изменить и в спортивную форму сборной СССР одеть — не отличишь. Именно такой я её и помню. Сразу скажу, что у нас ничего не было. Просто я в какой раз влюбился — вот и всё. Влюбчивый был не в меру. Да и не могло ничего быть. Она в сборной СССР по волейболу, а я никому не известный КМС по боксу. Да и опять-таки разница в возрасте: мне семнадцать, а ей больше двадцати. Твою же ж мать! Что-то в этом времени много двойников? Куда простому прорабу деваться? Прямо не знаю, что и делать. Ладно. Всё потом. Сейчас Бартолье и извинения.

Справился. Пятнадцать минут я изгалялся, как последний Дон Хуан и Казанова в одном флаконе. Но, девушка с французской фамилией всё-таки сменила гнев на милость и представилась Машей. В отместку она озвучила моё первое поручение... Вы знаете что такое «кОзлы»? Именно так — с ударением на «о»! Это не эти парнокопытные с бородой и рогами. И даже совсем не те мужики, что любят разнообразие в любви, по словам женщин. И уж точно не то устройство, для распиловки брёвен. Ну, и конечно это не гимнастический снаряд, через который в школе прыгают. Это вообще не то, о чём можно подумать и представить. Это такая специальная, деревянная хрень, для переноски кирпича. L — образная деревянная конструкция с брезентовыми лямками, как у рюкзака (в противоположность — приспособление с деревянными ручками называется — «коза»* смотри доп. материалы). Надевается на спину... и всё — вперёд! Можно носить кирпич. Если кто-то нагружает и разгружает, то ничего сложного, а вот если сам всё делаешь, то полная хрень получается. Нагрузил, закрепил, одел, отнёс, снял, разгрузил и, пока идёшь обратно, отдыхаешь. Уф! Бл...

В общем, только этим я и занимался до обеда. Какая нафиг кладка? Какая нахрен учёба? Моя сумка с инструментами одиноко висела на гвоздике и не отвечивала, пока я обеспечивал свою наставницу кирпичами. А она только покрикивала и занималась, по моему, натуральной фигнёй. Чего-то чертила на стенах, что-то мерила складным метром и ещё, разговаривала с девчонками-штукатурками. Всё. И это мне ещё повезло, что возраст маловат. Поэтому носил не более шести кирпичей или десяти половинок и одного целого, а

то вообще был бы кирдык. Но, всё равно, шесть кирпичей это как никак поболее двадцати килограмм будет. А если ещё прибавить, что носить надо на второй этаж, то можно меня понять. Короче, устал я сильно. Зато, всё что нужно принёс.

За десять минут до обеда, прибежала табельщица и выдала мне талон на обед. Попутно она объяснила, что так будет до той поры, пока не получу третий рабочий разряд, то есть до окончания обучения. Тогда талоны будут выдавать уже на неделю. Уточнить: — «С какого это фига?» — я не стал. И так догадался. Не доверяют мне. А вдруг, мне не понравится работа и я уволюсь? В профсоюзе тоже не дураки сидят и знают: что и как бывает. Да и фибы на них. Потом поблагодарю за заботу.

На обед собрались быстро. Сначала я слил воду из ведра, на руки Бартолье, а потом уже она проделала тоже самое, для меня. Мыло я с собой не взял, но девушка со мной поделилась своим. Полотенце тоже дала, но предупредила, что это в последний раз.

Столовая находилась недалеко. Дошли буквально за пять минут. Народу не то чтобы много, но порядочно. В основном это наши люди — с нашей стройки. Но, были и совершенно незнакомые. Когда я обратил внимание Маши, на них, то получил в ответ, что это водители и грузчики, со строящегося комбината СДВ (синтетических душистых веществ). Наконец-то продолжилось строительство этого комбината, начатое ещё до войны и прерванное, по той же причине.

Обед порадовал: первое, второе и компот. Порции большие и хлеба можно брать сколько угодно. Наглеть не стал и взял как все, по паре чёрного и белого. Не пожалел мелочи и купил дополнительно салатик из зелёного лука и огурцов со сметаной. Не объелся, но сытость чувствовалась. Из-за этого идти на комсомольскую летучку желания не было. Но, видя, с каким настроением молодёжь собирается в кучу возле столовой и идёт на собрание, решил не выступать и потерпеть.

Собрались на аллее. На лавочке расположились члены комитета, в основном девушки, а полукругом перед ними все комсомольцы с комсоргами. Ну и, как вишенка на торте, я сбоку от лавки. Всего около тридцати человек.

Татьяна Исипова, как инициатор собрания, представила меня всем собравшимся комсомольцам. Похлопали в ладошки, потрепали по плечу и единогласно одобрили моё членство в первичной организации. Хотя, всё было решено заранее. Но, для протокола требовалось и никуда от этого не денешься. Потом... Потом всем стало интересно, почему я отказался от поручения. Пришлось рассказать о нападении, о задержании, о ребятах детдомовцах и о том, что мы с Катериной придумали сделать. В основном все меня поддержали и, даже, пара девушек согласились съездить вместе со мной и Екатериной в детдом. А я и не против.

Жаль, что нам не дали развернуться во всю силу. Но, летучка, на то и называется летучкой, что всё делается быстро, как-будто на лету. Как не старались — всё равно, на несколько минут, опоздали вернуться на работу. Прораб, как лев в клетке, чуть ли не рычал и мерил шагами площадку возле растворного корыта, когда мы зашли на территорию стройки. Хотя, заметив Исипову, сменил гнев на упорядоченный скепсис. Мне эти мелкие конфронтации на фиг не нужны. Поэтому я незаметно проскочил в подъезд и поднялся к своему наставнику(или наставнице, кому как нравится).

Маша с довольной физиономией обрадовала меня новым заданием. Таскать и подмешивать раствор. Не удивила ни грамма. Я что-то в таком стиле и ожидал. В отместку задал ей задачу, чтобы слишком не выёживалась. Ничего такого, просто попросил

перечислить необходимые параметры желаемого раствора: марку, подвижность по конусу и примерное количество. А что? Бегать с ведром туда-сюда и делать по одному замесу или сразу приготовить сколько надо — разница очевидна.

Пока Бартолье с недоумённым видом, что-то там соображала, я быстренько принёс одно ведро известкового раствора. Другого на стройке я не видел. То ли цемент жалели, то ли по технологии так положено — я не в курсе. Прораб, для этого есть, чтобы всё было как надо. Пока ходил заметил сломанные носилки. Сделаны они были в виде невысокого ящика, и предназначены для переноски раствора. Как раз то что мне нужно. Прихватил с собой. Ну и что, что одна ручка сломана. Мне в них раствор не носить, а только мешать. Так что пойдёт.

Маша с умным видом стояла и всё ещё соображала, что я такое у неё спросил и как правильно ответить. Подозрительно долго, но не смертельно. Зато есть время сбегать за цементом и водой. А она пусть дальше думает. Врачи говорят, что это полезно.

На складе перебрался парой слов с Петровичем. Забрал старое ведро без дужки (забирай его нахрен, всё равно выкидывать) и метра полтора-два вязальной проволоки (как от сердца отрываю, больше не проси). Потом вдвоём сходили к сараю, где хранился цемент "в насып". Насыпал в найденный прямо тут мешок примерно два ведра. На сегодня хватит — я надеюсь. Побежал обратно, попутно набрал воды в ведро. С ручкой не заморачивался. Сделал перехлёст крест-на-крест из проволоки через дно на верх. Пойдёт. Мне не так уж и много воды нужно. Потом ручку из дерева придумаю, а сейчас некогда. Наставницу надолго оставлять нельзя, может неправильно понять.

Моя наставница с французской фамилией, стоило только оказаться в её поле зрения, сразу развила бурную деятельность. Для начала, послала меня по всем известному адресу со всеми моими вопросами, затем, в приказном тоне, заставила наблюдать, как правильно и в каких пропорциях замешивать раствор. Причём, в качестве ёмкости для перемешивания, использовала те самые сломанные носилки, которые я приволок. Ничего сложного. Я тоже так умею. Ещё минут пять потратили, чтобы добиться нормальной подвижности раствора. Так-то всё просто, но мне нужно было точно знать — как, что и сколько, во избежание ненужных споров во время работы. Вроде бы всё выяснил.

Я всё ждал и смотрел по сторонам. Должны ведь подойти плотники, а их всё не было. Или Маша сама будет пилить доски пола? Но, когда она, весело мурлыкая себе по нос песенку, начала набрасывать раствор прямо на доски, я охренел. Даже не так. Я выпал из этой реальности. Оставалась правда надежда, что будет использован "польский" вариант устройства перегородок, но ничего подобного не произошло. Никакой арматуры или что-то похожее на неё не было использовано. Кирпичи укладывались, на известковую постель, ровной захваткой без проёма, прямо на доски пола! Я на всякий случай протёр глаза. Может тут какая-то хитрая технология? Постучал по полу. Нет, всё так и есть — черновой пол. Доски без четверти, запиленные под скос. Для чернового это нормально. Потом чистый будет шпунтованный или с выбранной четвертью. Не понимаю... Смотрю и всё желание работать пропадает.

Тупо сажусь на ведро француженки. Маша неодобрительно хмурится. А что? Я могу прочитать целую лекцию почему перегородки на деревянном полу нельзя устраивать. Но, кому это надо? Да и кто я такой? Откуда та же Маша знает, что у меня красный диплом Калужского строительного техникума по ПГС (промышленное и гражданское строительство) и двадцатипятилетний стаж работы на стройке. Причём, я был работающим прорабом, то есть, если надо работал с бригадой, на любом участке и не считал это

ззорным. К тому же, у меня пятый разряд каменщика. Поэтому я могу и словом и делом доказать свою профпригодность. А уж про эти перегородки...

И чего ей от меня надо? Стоит и смотрит на меня. Ждёт чего-то?

— Что случилось? — спросил я, не вставая с импровизированного стула.

— Раствор закончился, — ответила Маша, показывая на пустые носилки, — первый ряд всегда так. Много уходит, для выравнивания. Сходи принеси и, заодно, зайди к плотникам за деревянными пробками.

Я решил. Не хотел — честное слово. Но, тут сыграли сразу два фактора. Я, как прораб в той жизни, не мог допустить нарушения в техпроцессе. И я, как комсомолец Вилор, с обострённым чувством ответственности, в этой жизни, не могу не разобраться в этой ситуации. Почему, кто и как вообще разрешил так делать? Поэтому спокойно спросил:

— Машуль. Я схожу, ты не беспокойся. Просто ответь на один вопрос.

— Срашивай, только быстро, — ответила девушка, — нам сегодня, ещё три перегородки надо начать.

— Ты видела чертёж, где показан именно этот узел сопряжения перегородки и межэтажного перекрытия? — пока, всё ещё спокойно и не срываясь на крик, уточнил я, — там должна быть такая, специальная выноска с типовым или специально разработанным узлом.

— Что ты ко мне пристал?! — встав передо мной и уперев руки в боки громко спросила Маша, потом повернулась к горке отобранного кирпича и добавила, — ничего я не видела. Иванов пришёл с чертежом и мы вместе всё разметили. А что такого-то? Размер стандартный — знай себе переноси с этажа на этаж. У меня — вот, на бумажке записано.

Блин! Она так и не поняла, что я от неё хотел. Придётся немного пошуметь и, наверное, самому дойти до прораба и повнимательнее изучить чертежи. Иначе, я себе просто не прощу, что мог и не сделал! Это же надо так, совершенно непрофессионально, нарушить всё, что только можно нарушить. Кто этого прораба учил? Не верю, что он мог учиться в нашем техникуме.

Всё, я готов. Тут главное — постараться не сорваться и не начать кричать. Нервы — они не железные. А Вилор, на данный момент, находится в таком возрасте, что эмоции преобладают над разумом. И никакой пенсионер, каким бы он опытом не обладал этого не изменит. Посмотрев на Бартолье, я спокойно сказал:

— Разбирай всё на фиг.

Не забываем голосовать! Вам это не трудно, а автору приятно)))

Глава 16

Сижу и тру руки. Затекали от наручников. Кто ж знал, что у них здесь всё так строго. Когда Маша Бартолье в пятый раз не поняла суть моих претензий к её работе, я сорвался. Нет! Я никого не бил, не кричал, не ругал и вообще вёл себя спокойно. Просто отказался носить раствор пока не увижу рабочий чертёж. Потому что нафиг — всё равно ломать придётся. Тут уже моя наставница не выдержала и начала повышать на меня голос. Пыталась заставить меня работать. На шум прибежали девчонки шпукатуры, с соседней комнаты. Они сразу подключились к спору. Но, я им не подчиняюсь по определению — у меня есть свой наставник. Они попытались воздействовать, на мою комсомольскую сознательность, что им не удалось, тогда они позвали Серёгу Сергачёва, нашего комсорга. Только и это оказалось бесполезно. Я упёрся как осёл и никого не слушал. Тут, уже у всех закончились словесные доводы и меня попытались силой вытолкнуть из квартиры. Фиг вам с бантиком и через окно на двор. Не дался.

Кто позвал прораба, не в курсе. Но, когда он появился, я себя уже не контролировал. Помню что кричал: «Пусть этот гад покажет чертёж, где чёрным по розовому в клеточку нарисовано, что кирпич надо класть на деревянный пол, без предварительной подготовки!» — пытаюсь вырваться из рук своих же товарищей. Тогда-то я и допустил небольшую ошибку — врезал в морду, какому-то щербатому мужику. Он, в самый неподходящий момент, схватил меня за отворот гимнастёрки и начал трясти, при этом ещё и орал: «Мальчишка, блять! Я за свою работу отвечаю и не тебе, меня учить! Щенок! Сначала научись сопли вытирать, потом уже критикуй чужую работу!» — активно брызгая слюной в разные стороны. Эх! Двинул я ему. Не удержался. А прораб пошёл красными пятнами и куда-то убежал.

Потом приехали представители МГБ, по крайней мере самый главный из них, так представился, и всех разогнали. А меня, как особо буйного, арестовали и надели наручники. Затолкнули в эту комнату и сказали ждать. Вот сижу и жду. Пять минут назад зашёл, вроде как милиционер и снял наручники. В соседней комнате рыдает моя наставница французского происхождения. На стульях в коридоре сидят ещё человек пять. Кстати, беззубый мастер, которому я походя разбил нос, тоже сидит с этими бедолагами — ждёт допроса или чего там положено. Слышимость здесь превосходная. Дверь совершенно никудышная. Одно слово — времянка. Сколоченная из горбыля и служащая скорее условной преградой, между коридором и комнатой, чем дверью. Поэтому наслаждаюсь прослушиванием различных версий нашей дальнейшей жизни.

Ведь предупреждали меня, чтобы не высовывался. Хотя, конечно, ничего глобального я не совершил. Просто, одна из этих грёбанных перегородок, в весёлых девяностых, теперь не рухнет на одного отделочника. И он спокойно доделает евроремонт в этой квартире, для "нового русского", вместо того чтобы попасть в больницу и проваляться там целый месяц. Надеюсь на это.

От нечего делать решил размяться. Отжимания, приседания, наклоны вперёд и вбок. Руками помахал, ножками подрыгал и конечно же попрыгал. Вроде нормально.

Опять прислушался к разговору, что вёлся в коридоре. Все ждут приезда, какого-то следователя из МГБ. Почему МГБ? Опять я что-то не понимаю. Если тут политика, т

должно быть НКВД, а не фигня эта? И вообще, по моему МГБ это разведка. Или как? Ничего не понимаю. Ну, не интересовался я этой темой никогда. В наше время всё было понятно — тут милиция, а тут КГБ. У каждого свои задачи и цели. Тут же хрен поймёшь. Ещё и МГБ откуда-то взялось? А куда НКВД делось? Кто репрессии репрессировать будет? Одни вопросы и никаких ответов. И самое главное, мне не у кого спросить, чтобы не попасть в интересную ситуацию. Да и некогда, если честно.

В окно ничего не видно. Кроме постового милиционера и кусочка территории со складом. Где служит кладовщиком бывший баталер Ермаков. Как бы ему, из-за меня, чего-нибудь не прилетело. Нормальный мужик и нифига не жадный. Запасливый это да, но не скупердяй, как некоторые.

Опять же таки из разговоров в коридоре, я понял многое. Меня считают виновным во всём: в саботаже и срыве срока работ, в призыве к смене политического строя и отказе в выполнении задания. Ну, и до кучи это ложное обвинение в некомпетенции нашего прораба. Короче, ждёт меня расстрел. Эх! И Катерины рядом нету, чтобы было кому патроны в пулёмтную ленту набивать, для этого действия. И ничего не сделаешь. Пока не побеседую со следователем, загадывать что-то бесполезно.

После двух часов ожидания, началось какое-то шевеление. Те кто сидел в коридоре, по одному уходили куда-то под конвоем. Потом и девушку с французской фамилией забрали. Остался я один.

Дверь-временка открылась и скучный голос произнёс:

— Вилор Тихий на выход!

А я что? Пошёл куда сказали. Иду впереди, руки держу сзади, а позади бухает сапогами сотрудник непонятной мне службы. До сих пор не разобрался, кто он и откуда. Только вроде с транспортной милицией разобрался, а тут, ещё одна загадка. И ведь, вообще не помню — в чём там милиция одевалась? Поэтому сравнить не с чем. Нету у меня ни интернета, ни справочника какого-нибудь, только память моя и Вилора. Но он вообще, с этими службами мало общался. В эвакуации больше военные были в госпитале. В Брянске только участковый иногда приходил. Они всем отделом собирали нам подарки к 7 ноября и Новому Году. Так что с него спрос маленький. Единственное, что удалось почерпнуть из его памяти это то, что форма почти не изменилась. Какая была такая и осталась. Пока думал, над всем этим, мы пришли.

Ясен пень! Куда ж меня ещё могли привести на этой стройке — прорабская... блин. С той самой табличкой. Это чтобы все знали и просто так не заходили, и не беспокоили очень занятого товарища Иванова.

Теперь я вообще ничего не понимаю! Когда вошли, то никакого следователя не было. Вместо него за столом сидит мужик в пиджаке. А как его ещё-то обозвать? Плотный. Коренастый. В солдатской гимнастёрке и галифе. Сапоги вроде как хромовые. Самое интересное это то, что он чем-то похож на артиста Владислава Галкина. Заколебали двойники (вот дед, наверное, там у себя ухахатывается). А пиджак? Пиджак коричневый поверх формы что тоже нормально. Я уже привык, что тут пофиг на всякие условности в одежде. Галифе и пиджак вполне себе нормальное сочетание.

Пока эти двое отчитывались, что один привёл, а другой принял, я, недолго думая, сел на стул. И пофиг. Мне лично никто ничего пока не предъявлял. Пусть сами теперь выкручиваются.

— Встать! — не крикнул, а громко и очень веско произнёс мужик в пиджаке, — вам

никто не разрешал сидеть.

Раз уж меня тут обвиняют во всех смертных грехах, то не грех оторваться напоследок (скаламбурил не ожидаючи). Если сразу дадут в морду, то можно даже не пытаться, что-то там доказывать, уже всё решено и я виноват. А если спокойно и с помощью слов попытаются заставить встать, то не всё ещё потеряно, то есть решения, о моей вине, пока нет. Но эти двое смогли меня удивить.

Этот, который в пиджаке, кивком головы отправил конвоира на выход, а сам уселся за стол. Не просто уселся, а так, как будто бы он здесь: царь, бог, император и товарищ Берия в одном флаконе. Короче, вальяжно уселся. Вот! Как это возможно проделать, на самом простом стуле, пусть и со спинкой, мне не понять, но что есть, то есть. Удивил короче. Потом мы несколько минут смотрели друг на друга.

Молчание прервал товарищ Молчанов Виктор Степанович, который представился следователем по особо важным делам Калужского отдела МГБ РСФСР. Ничего нового эта информация мне не дала. До сих пор не понимаю при чём здесь МГБ. Но хрен с ним пусть будет.

Дальше было скучно. Нет, с самого начала, даже интересно, но потом как-то обыденно. Мне напомнили, что за дачу ложных показаний я понесу заслуженное наказание. Поставил подпись, что ничего не имею против. Анкетные данные и краткая биография, после недельного ежедневного повторения, была мной рассказана без запинки. А вот потом меня взбудрили и удивили. Оказывается, почти все задержанные, даже избитый плотник, ни в чём меня не обвиняют. И даже хуже. Они берут всю вину на себя. Шок — это наше все! Секунд на пятнадцать я ушёл в нирвану, пытаюсь осмыслить всё сказанное. Из этого состояния меня вывел вопрос, заданный резко и громко:

— Ты нахрена плотнику морду разбил!

— А зачем он топором машет, не по делу, — автоматически ответил я, всё ещё мысленно обдумывая неожиданную новость, о моей невинности, — сказал бы спокойно, а не за грудки хватал, ничего бы не было.

— То есть, ты согласен, что умышленно нанёс телесные повреждения квалифицированному специалисту, — с нажимом и ехидцей, сказал следователь, — чем вывел его из строя, на неопределённый срок.

Вот тут-то меня наконец отпустило. Я начал соображать в правильном направлении. Лишние мысли сами собой отсеялись и я начал понимать что от меня требуют. Если задают такие вопросы, то надо же что-то предпринимать? По крайней мере так, как я это понимаю. Хотя, какой из меня специалист по праву? Так, верхушек в своё время нахватался, вот и весь мой опыт. Но, думаю, что ничего страшного не будет. Память Вилора вообще ничем не могла помочь. Не его это тема. Ему бы саблю в руку и горн пионерский в зубы, да и вперёд, на защиту социалистической собственности — вот это его. А так...

— Ваше счастье товарищ Тихий, что плотник Кудрин Павел Афанасьевич, — спокойно и, как-то даже по домашнему, что ли, произнёс следователь Молчанов, — на данный момент, сам обвиняется в халатности и находится под следствием.

— Так и я вам про что говорю, — я поспешил вставить, свои пять копеек, в этот разговор, — его рабочий инструмент должен быть на рабочем месте. Нафига он с ним бегаёт по всей стройплощадке? Халатность — однозначно! Надо собрать производственное совещание и обсудить поведение этого товарища.

Я наверное, чем-то обидел этого человека. Может, что-то сказал не то, а может, что

совсем неудивительно, произнёс какое-то слово, как-то неправильно. Короче, минут двадцать я слушал лекцию. Очень развёрнутую лекцию. Тема и основные пункты с подпунктами были разнообразны и охватывали множество различных вариантов, моей дальнейшей жизни. От спокойной учёбы и работы на стройке, до строительства подземного туннеля на остров Сахалин, в качестве осужденного. В конце концов, мне предложили подумать о том, что именно я хочу. Но, не более минуты.

Товарищ Молчанов, наверное, думал, что он самый умный. И ему удастся ввести меня в заблуждение. А вот ни фиги. То, что он никакой не следователь, я понял почти сразу. Как говорил товарищ Бендер: «...напечатать советский паспорт — это такой пустяк, что об этом смешно говорить...», а уж такое удостоверение, вообще раз плюнуть. Поэтому... я согласился на строительство туннеля. Правда перед этим уточнил, о возможности замены принудительного на вольнонаёмный труд. Мне очень интересно поучаствовать в таком грандиозном проекте. Прямо-таки рвусь всеми фибрами своей души. Это же эпическое сооружение. Так прямо и сказал. Потом подумал немного и добавил, что — как настоящий комсомолец не могу пройти мимо и просто должен поучаствовать в этом деле.

Как же я был не прав! Но, что тут говорить — сам напросился. Новая лекция была недолгой, но информация была не менее интереснее. Оказывается, чтобы поучаствовать в этой стройке, надо быть не просто комсомольцем, а напроць упёртым молодым специалистом со стальными яйцами. И вообще, эту честь надо ещё заслужить. Потому что товарищ Сталин, абы кого, на такие важные объекты, так просто не берёт. Только настоящие комсомольцы, с чистой биографией и безупречной репутацией, могут попробовать попасть туда. Мне это не грозит. Так как я отказываюсь сотрудничать со следствием. Вот ведь гад! Только что же — предлагал обратное! Бесплатно и с полным пансионом, но на определённый срок. Заключённым то есть.

Я взял минуту, на подумать. Раз уж никто меня не держит, то имею полное право немного размяться. Вот и совместил. Встал со стула и начал ходить по кабинету. Размышлять и решать, что делать, мне удобнее на ходу. Виктор Степанович ничего не сказал, хоть и посмотрел с осуждением.

Да-с! Выдался денёк. Врагу не пожелаешь. Это всё потому, что Катерины рядом нету. Привык я к ней и, к тому, что она всегда подсказывает, как правильно поступить в той или иной ситуации. Ладно... прорвёмся!

Неожиданно для нас обоих, в дверь заглянул тот, кто меня сюда конвоировал. Попросил выйти Виктора Степановича без объяснений причины. Я замахал руками, как бы показывая, что спокойно посижу на месте и он может идти. Хмыкнув, следователь встал и собрав бумаги со стола в папку, вышел из комнаты.

— Ты пока побудь здесь, подумай о том, что я говорил, — сказал товарищ Молчанов, выходя из прорабской.

О чём мне здесь думать? Конкретно, никаких претензий ко мне нет, а значит можно собираться и уходить. Если насчёт, ещё чего, то тут уж извините. Вслух предложение не озвучено, а поэтому — ничего не знаю. К тому же, за всю нашу беседу, я расписался только в том, что осознаю ответственность за дачу ложных показаний. Другие бумаги не подписывал. Да и нечего было. Только сейчас я понял, что Молчанов не вёл протокол. Записал мою биографию и всё. Потом мы только беседовали. Это очень странно.

Подкрался к двери. За ней ничего не было видно. Но, я точно уверен, что прямо за дверью, в коридоре никто не стоит. А это значит, что можно выглянуть и осмотреться.

Выглянул. Осмотрелся. Угадал. И правда никого. Вот это — что сейчас было?

— Вило-ор! — кто-то заорал на улице.

Я метнулся к окну. Из прорабской открывался прекрасный вид на аллею. Улица Чичерина была пуста. Народу не было. С одной стороны это правильно. Что тут делать-то? Стройка кругом. Три дома одновременно строятся. Ещё и улица благоустраивается. Деревья сажают. Дороги отсыпают. Зато, тут стояла моя французская наставница. Сейчас, при хорошем освещении, я её рассмотрел во всех подробностях. Солнце хоть и клонилось к закату, но было ещё высоко. Часов шесть — семь вечера. Так что видно всё отлично. Даже залюбовался. Немного. Всё-таки она очень похожа, на Ирину Макогонову. Не двойник. Но похожа. Поставь рядом и любой скажет, что они сёстры.

— Вилор! Прости меня! — закричала девушка, увидев меня, — я во всём виновата!

— Товарищ Бартолье, что вы такое говорите? — приняв вид гордый и независимый, спокойным голосом, спросил я, — мне не в чем вас винить. Кто я такой, чтобы оспаривать решение более компетентного человека?

Прикалываюсь конечно. А что ещё остаётся делать? Рыдать что ли? Но, девушка не приняла моей игры. Она села, на какой-то пустой ящик, что стоял прямо под окнами и заплакала. Да так горько и с такими громкими всхлипываниями, что мне сразу стало стыдно. Честно. Вот ведь блин! Здесь же люди совсем другие. Вот я идиот!

Как я вылетел из квартиры даже не заметил. Обежал дом на одном вздохе. Выскочил на улицу. Вон она!

Подбежал и плюхнулся перед Машей прямо на газон. Хотя, какой нафиг газон? Так земелька чуть выровненная. Чуть колени не отбил.

Минуты не считал, но не меньше десяти я потратил, пока смог, хоть немного, успокоить девушку. Чего я только не говорил. Даже вроде что-то из библии приплёл. Ну, там про "аз вздам" и "по делам ихним". Зря наверное, она же кандидат в партию, но вроде помогло. Опять я увидел эту знакомую ярость в глазах и желание, чем-нибудь меня стукнуть. Зато перестала плакать.

А когда я предложил пойти наконец-то поработать, то был сильно удивлён. Оказывается, прямо сейчас, все полы в санузлах разбираются и делать там нечего. С сегодняшнего дня начинаем всё делать как надо. То есть по проекту. За нарушение техпроцесса премии, в этом месяце, никому не будет, и это уже точно. Тут же, оказывается, чёрт знает что творилось, пока я отдыхал в импровизированной камере и наслаждался приятной беседой со следователем. Слух о том, что строительство, на одном из важнейших объектов, ведётся с нарушением правил, дошёл до Калужского исполкома. И понеслось...

В течении часа, по прямому распоряжению первого секретаря обкома, собралась комиссия и рассевшись по машинам рванула на объект. Тут, невзирая на прежние заслуги и высокое покровительство, хорошенько тряхнули всё начальство. Далее, с помощью милиции, быстренько выяснили суть проблемы. И поняв в чём дело, погнали, с довольными рожами, назад в обком. Докладывать.

Маша сама почти ничего не видела. Сидела в комнате и ждала допроса. Когда её опросили, а потом отпустили, назначив главным виновником меня и прораба, она пошла к подругам. Они ей всё и рассказали. Не буду ничего говорить про женщин и девушек в частности. Особенно про их так называемую логику. Но, результат, как говорится, на лицо. Маша считает, что во всём виновата только она одна. И пока мне не удаётся её переубедить. Ничего — это я ещё не начал действовать. Посмотрим.

В таком положении: я полулёжа на газоне, а Маша сидя на ящике — нас и застал комсорг Сергей Сергачёв. Налетел гад, как коршун. Но, зато, я многое узнал, как хорошего так и плохого. И не только об обстановке в коллективе.

Вкратце, примерно так — все рабочие, невзирая на специальность и профессию, остались после работы, чтобы помочь плотникам всё исправить. Переделывать надо много. Но, всё уверены, что справятся за пару дней. Тут моей вины нет. А даже наоборот. Все считают, что я прав. Только удивляются, откуда я знаю, что кирпичную кладку нельзя вести по деревянному полу. Непохоже, что это знания ученика. Скорее, тянет на неплохое техническое образование. Из-за этого возникли разные разговоры среди строителей. Кто-то говорил, что ничего удивительного в этом нет. Кто-то вспоминал, что меня привела девушка-милиционер, а значит это неспроста. Мнений было много.

Такой интересный разговор прервала Татьяна Исипова секретарь комитета комсомольской организации "Калужстрой". Она и ещё один человек, в рабочей одежде, шли по аллее. Ну и конечно же остановились, увидев нас, чтобы поговорить. Как оказалось, они несли еду купленную в столовой, для рабочих, которые остались работать сверхурочно. Ничего особенного: сдобные булочки, котлеты, винегрет и кисель. Всё, что смогли купить, из того что оставалось в наличии. А что? По идее так и должно быть. Время-то уже позднее. Просто не знаю, как и до скольких, в этом времени, работают столовые. Знаю только про одну — это столовая хлебозавода. Но, она работает круглосуточно.

Татьяна сразу же начала с критики моего поведения. По её словам, мне надо было сразу бежать к ней. В конце концов, она не абы кто, а секретарь комитета. И какой никакой, а авторитет в этой организации имеет.

Совершенно неожиданно к нам стал подтягиваться народ. И как обыкновенно в таких случаях происходит, прямо из ничего, организовался небольшой митинг. Он был из разряда стихийных. Началось всё с простого вопроса: — Что в конце концов произошло?

Ясен пень, что Исипова не стала упускать такую возможность. Быстренько организовала небольшой помост из ящиков, забралась на него и толкнула речугу.

— Товарищи! Мы сегодня стали свидетелями, как простой никому неизвестный ученик каменщика, один, смог повлиять на весь процесс стройки! Что он сделал? Он просто отказался работать не по правилам! Конечно же ему сначала никто не поверил. Даже хотели выгнать с работы. Но, с ним была опытная девушка — каменщик и, к тому же, прекрасный специалист. Она поддержала его претензии. Прибежала ко мне и всё рассказала. И вот тут, к разбирательству, подключилась наша комсомольская организация. Я лично позвонила в горком комсомола. Имею такое право! И всё что случилось, кому надо, доложила! Там сразу отреагировали и соединились с Андреем Ивановичем Бурилиным. Все его знают. (В толпе сразу послышались возгласы: — «Конечно знаем! Наш человек! Участник! Воевал! Награды! Этот может! Правильно!»). Он моментально отреагировал. Собрал комиссию и приехал к нам на объект. Ну, а дальше, все всё видели. Комиссия разобралась с нарушением и приняла решение. Прораб временно отстранен от занимаемой должности, а главный инженер находится под следствием.

— Так, что в конце концов случилась-то? — кто-то громко спросил из толпы.

— Ты, блят, Рыжиков вообще заглохни! Дай послушать! Опять нажрался посреди рабочего дня! Иди проспись. Электрик, блят! — возмутились люди.

— Рыжиков! — крикнула Татьяна Исипова с осуждением и показывая, на провинившегося рукой, добавила, — вот товарищи! Посмотрите на этого человека! Залил с

утра глаза и ничего не слышал. Где ты был?

— Ничего я не залил, — слышался недовольный голос из-за спин собравшихся, — мы на подстанции с трансформатором ипа... занимались. Только сейчас освободились. Идём переодеться, а тут такое!

— Ага, блин! А спиртом контакты протирали? Да? — опять возмутилась общественность.

— Так! Я продолжу, — громким голосом, опять вернула инициативу в свои руки Татьяна, — поясню, для опоздавших. Вот этот мальчик (меня вытолкнули из толпы и поставили рядом с Исиповой), сегодня увидел нарушения в строительстве и не стал молчать, как другие. Отказался работать неправильно!

— Да, что он может знать! Пацан! Школьник! — начала гомонить толпа.

— Да школьник! — завелась Татьяна и начала говорить ещё громче, — да пацан! Но, он, в отличие от всех вас, не побоялся высказать своё мнение! Вопрос другой — откуда он это знает? Но, всё равно, он поступил как настоящий комсомолец! Не испугался и не отступил!

— Что он сделал? — опять крикнул Рыжиков, — ну, не было меня здесь. Объясните!

— Рыжиков! — визгливо заорала какая-то женщина, — иди на х... Дай умных людей послушать. Ты сейчас домой пойдёшь, а нам ещё мусор выносить до темноты.

Как этому Рыжикову не набили лицо, я не знаю. Но, собрание продолжалось ещё где-то полчаса. Всем всё объяснили. Даже этому неугомонному электрику. Потом, так как уже начало смеркаться, решили разойтись по домам. Быстренько съели, всё что принесли комсомольцы. Я припрятал котлету и булочку, а порцию винегрета и полкружки киселя умял с удовольствием. Тем более, что к этому шли два немаленьких куса чёрного хлеба. Переодевались, шумно обсуждая собрание. На выходе со стройки, все дружно попрощались и разошлись по домам.

А я погнал к Катерине. Надо разобраться — почему она не пришла вчера. И вообще, просто поговорить. Рассказать о сегодняшнем прошествии. Узнать последние новости. Может нашли тех, кто на меня напал в поезде. Договориться о дне посещения детского дома. Порадовать, что с нами хотят пойти комсомольцы со стройки. Да и просто увидеть человека. Соскучился.

Дорогу я знал и поэтому добрался относительно быстро. Тем более, что наша стройка находилась недалеко от дома Кати. Безо всяких, лишних мыслей я быстрым шагом приближался к знакомому дому. Дорога шла с небольшим уклоном и это помогало двигаться быстрее. Было сухо и никаких луж вокруг не было, так что меня не заносило на поворотах. Уже проходя мимо источника, где мы с Катериной набирали воду, я почувствовал резкий запах гари. Невольно прибавил шаг. Хотя, куда казалось бы, ещё? Но, вот так получилось.

Вывернув из переулка, я, уже не стесняясь, бросился бежать. Чутка осталось. Вот так, на полной скорости и подбежал к знакомой изгороди. Она была смята, поломана и валялась на земле. Самого дома не было. Только гора обгоревших брёвен, на булыжном фундаменте и одинокая, закопчёная, чёрная печь с обломаной трубой...

Глава 17

Сгоревший дом. Видно было, что его пытались тушить. Вокруг множество следов, как будто бы стадо слонов пробежало. Вся трава во дворе и за оградой была вытоптана. Пахло сырой сгоревшей древесиной. Да и сами стены, что остались, на вид были сырые.

Остановился возле яблони. Все листья, с одной стороны, той что ближе к дому, пожухли и потемнели. Это какой же был жар? До дома метров десять. Нелегко пришлось тем, кто тушил.

Я медленно ходил по территории и пытался найти, хоть что-то, что могло дать понять — где Катерина и что с ней? Не темно, но уже и не светло вокруг, хотя и не сумерки. Деталей не разглядеть, но всё в общем видно. Настроение самое фиговое и двойственное. С одной стороны — надо что-то делать, а с другой — полная апатия и раздрай в душе. Мысли только о том, как и где узнать, что с Катей.

— Ты что тут делаешь? — услышал я вопрос, — я сейчас всё хозяевам скажу.

Обернулся и увидел мальчика. Лет семь-восемь не больше. Он стоял на месте порушенной изгороди и с любопытством смотрел на меня. Пацанёнок в рыжей рубашке с короткими рукавами и синих шортах с лямками. В руках у него была тонкая хворостина, которой он махал из стороны в сторону.

— Хозяева? — переспросил я, — так они живы! Где они?

— У нас прижились, — гордо подняв голову ответил мальчик, — батя позвал. У меня брат в армию ушёл, так что место переночевать есть.

— Тебя как зовут? — поинтересовался я у мальчишки, — меня Вилор.

— Владимиром родители назвали, — закончив размахивать прутиком, ответил паренёк.

— А девушка, что комнату снимала где? — подойдя почти вплотную, спросил я у пацанёнка.

— Не знаю, — ответил мальчик.

— Покажешь, где хозяева, — спросил я мальчика, — а я тебя булочкой вкусной угощу.

— Пошли, — согласно кивнув головой, быстро произнёс пацан, — тут недалеко.

Чёрт! Что за невезуха! Или это я, уже, как-то влияю на происходящее. Столько происшествий за неделю, что просто невозможно представить такое в той, моей жизни. Какой-то конвейер различных событий. Да, блин! В той жизни, тоже было не просто, но такого ежедневного, насыщенного событиями калейдоскопа происшествий не было.

Дошли за несколько минут. Паренёк оставил меня возле калитки, а сам рванул во двор. Ну, раз не приглашают, то постоим. Хотя, была бы моя воля, я уже был бы внутри.

Чёрт! Что ж так медленно-то, а? Надо бежать, искать, узнавать и что-то делать, а я стою и жду. Всё понимаю, что сначала надо опросить свидетелей. Но, это я пенсионер и инвалид, а Вилор ждать не хочет. Что поделаешь — комсомолец и активист в самом его жёстком варианте. Теперь понятно, почему его в детдоме уважали. Если что-то надо сделать, то можно не беспокоиться — сделает, чтобы это ему не стоило.

Наконец появился какой-то дед. Перебинтованная рука на поддержке. Голова тоже замотана. Кое-как дохромав до калитки, дед хриплым голосом поинтересовался:

— Кому я тут понадобился?

А я решил, не сдерживать порывы Вилора. Пусть сам всё узнает. Проявит, так сказать,

свою неугомонную натуру. Ну, а я, заодно, присмотрюсь к старшему поколению. Незаметно подсказывая нужные вопросы. Может, что-нибудь новенького смогу для себя узнать.

Как и ожидалось, дед много не рассказал. Он вообще ничего не помнит. Заснул дома, а очнулся у соседей. Слава богу жена рядом на полу лежала и смогла всё рассказать.

Пришлось выслушать всё! А так, как дед никуда не спешил, то рассказ затянулся на долгих полчаса. Я даже потерпел, пока он сворачивал самокрутку и потом с наслаждением курил, выпуская дым в темнеющее небо и неспеша перечислял всех, кто ему и его бабке помогал, потом, когда очнулся. Короче. Никакой новой информации я не получил. Ни он, ни его жена не знали, что случилось с Катериной. Только маленькое упоминание, что вроде бы она помогала вытаскивать бабушку, по её словам, из горящей избы. Но это не точно.

Поняв, что потерял эти полчаса впустую, я плюнул на благодарность, и ни слова не говоря выдвинулся к вокзалу. Если где и можно, что-то узнать, то только там. Костеря себя, на все лады, жалел, что сразу не пошёл на вокзал. Но, что сделал — то сделал. Что теперь переживать? За этими мыслями не заметил, как подвёргся нападению жуткого голода. Не знаю отчего. Вроде только недавно перекусил? И тут же, мысленно хлопнул себя по лбу. У меня же булочка с котлетой есть. Вот я лось позорный! Ведь обещал пацана угостить. Отошёл вроде недалеко. Может вернуться? Да ну нафиг! Потом отдам. Что я в последний раз, что ли сюда прихожу? Пацан куда-то смылся, а у меня нет времени его искать. На всякий случай, заглянул в рюкзак. Прямо поверх сменной нижней рубахи лежал пакет с пирожками. Блин... Совсем забыл про него. Рядом лежали, завёрнутые в бумагу, котлета и булочка.

Пирожки, конечно, кушать на ходу удобнее, но и котлета зашла нормально, тем более с такой вкусной булочкой. Остановился только попить водички, в ста метрах от Брянского моста. Не знал раньше, что тут был колодец. В моем времени, здесь был жилой дом — пятиэтажка панельная четырёхподъездная. Стандарт короче.

Сил немного прибавилось, так что я ускорился. Не настолько чтобы прямо-таки бежать. Зачем людей пугать. Но зашагал быстро. И это меня подвело. Обходя непонятный куст, я столкнулся с девочкой. Которая занималась несомненно важным делом, а именно кидала "Раскидайчика" в разные стороны. Мне это ничего не стоило, зато резинка от игрушки, в следствии нашей незапланированной встречи, сначала запуталась в моих ногах, а потом и порвалась.

Вот, не знаю, как и обозвать то, что последовало дальше. Просто в голове не укладывается, как всё быстро случилось. Девчушка, после секундного замешательства, вдруг, ни с того ни с сего, заревела в полный голос:

— А-а-а! Что ты на-адела-ал! А-а-а! Мой ра-а-аскида-а-ай!

Твою же ж... Не было печали. И что делать?

— Что ты маленькая? — начал сюсюкать я, с этой мелочью, — что случилось? Ты говори не реви, а я попробую помочь.

— А-а-а! Па-апа-а па-а-да-а-ри-ил! — заголосила девочка прерывисто, одновременно икая и рассказывая свою историю, — а-а-а, ска-а-азал ку-у-пи-ит кра-а-асны-ый!

Короче говоря, я понял только одно. Чтобы папа купил красный "Раскидай" в пару к синему, который уже был, надо продержаться до ноябрьских праздников. То есть не сломать и не порвать его. Вот ведь засада! И в голову ничего не приходит, что именно надо делать в такой ситуации. Единственное на что меня хватило это взять и связать разорванную резинку. Уж что-что, а узлы я умею вязать разные. Но этого оказалось мало. Потому, что папа заметит

узелок и не купит новую игрушку. Блят! И по другому здесь не скажешь.

Пока чесал в затылке и думал, вокруг нас с девочкой начали собираться невольные свидетели. В основном дети такого же возраста, как и моя плачущая незнакомка. Я уже подумывал дать ей денег и свалить отсюда по быстрому. Но, как всегда, в последнее время, все мои начинания обломались. И ведь, честное слово, ничего не предвещало каких-либо больших неприятностей. Я лишь решил поднять малышку с земли, чтобы она не отморозила, себе что-нибудь. Ну и схватил её, где-то в районе талии. Только потянул вверх, как тут же сам покатился по земле. Потому что получил удар в бок. Так бы и катился, пока не врезался в толпу детей. Но меня остановили. За шиворот(хорошо, что комбез, и не на такие нагрузки рассчитан — выдержал). И даже помогли подняться. Правда слишком резко и грубо, но хоть так-то и то ладно.

Есть такие люди — мало того, что рыжие, но и вдобавок, вся кожа, у них, покрыта конопущками мелкими, коричневыми и не очень красивыми. Хотя не мне об этом судить. Так вот, держал меня именно такой человек: рыжий и конопатый. Я бы, даже сказал, что он меня не просто держал, а рассматривал. Причём делал это очень внимательно. Так осматривают забойщики поросёнка, прежде чем пустить его под нож, или чем там они бедных хрюшек забивают. Я не испугался, слишком много народу вокруг. Ничего он не сделает. Но, чувство опасности аккуратно предупредила, что с этим товарищем лучше договориться. Да и голос его говорил о многом, особенно когда прозвучала фраза:

— Что ты сделал с моей дочерью? Почему она плачет?

Я сразу не стал отвечать. Для начала освободился от захвата и отряхнул одежду от мусора. Потом, сохраняя независимый вид, я пересказал всё, что произошло. А также, все варианты моих извинений, как например: купить новый "Раскидай" любого цвета или вернуть любую стоимость деньгами за испорченную игрушку. Ну и извинился конечно, куда ж без этого. Мне эта задержка, как серпом по известному месту. Мне ещё бежать метров восемьсот, не меньше.

Мужик думал недолго и согласился на пять рублей. При рыночной цене в рубль (и то по праздникам — два раза в год) это было много. Но, я не стал торговаться. Только предложил отойти в сторону. Чтобы народ не развлекать. Деньги у меня были. Отдал я эту пятёрку и, даже, не стал забирать сломанного "Раскидая". Пусть девчонка играет, пока окончательно не доломает. Мне с этого не хорошо не плохо.

Уф! Вроде всё нормально. Претензий никто никаких предъявлять не собирается. Можно уходить спокойно. Попрощался с новыми знакомыми. Хоть так и не узнал их имён. Повернулся и быстрым шагом направился к вокзалу.

Стоило отойти буквально сто метров, как, за небольшим изгибом тропинки, меня поджидал следующий сюрприз. Три парня одетых по современной моде — в полувоенную форму, сапоги и с обязательной кепкой. Особенно выделялся один из них. Рыжий, с меня ростом, но, пошире в плечах и каким-то дрыном в руках. В церковь не ходи, какой-то родственник рыжего папаши, с которым только что расстались.

Ага! Почти угадал. Но это чуть попозже. А сначала пришлось немного поработать "ванькой-встанькой", то есть меня пытались ударить, а я уклонялся как мог. При этом старался следовать врачебному принципу — не навреди. Это оказалось, не так уж и трудно. Несмотря, на внушительно-развитое тело, парень, как и все в основном в этом времени, не был большим мастером боя с шестом. Я таким тоже не являюсь, поэтому и не лезу куда не просят. Но, просто махать дубиной, с периодичностью в несколько секунд, это вообще

детский сад. Уклониться можно в любой момент. Главное быть внимательным и вовремя отскочить или поднырнуть под дубину. Сразу скажу, что два друга этого рыжего чудика, так и не вмешались ни разу. Стояли и лузгали семечки, перебрасываясь короткими фразами. Но рыжий смог удивить. Пять минут махать дрыном, из стороны в сторону без перерыва — это какое же здоровье надо иметь? Но, всё в этом мире заканчивается. Закончились силы и у этого человека. Да и я, если честно, тоже упарился изображать кузнечика, прыгая и уклоняясь как ненормальный. Так что, невзирая на наши разногласия, настало время переговоров.

Утёрли пот с лиц и начали разговаривать. Оказалось, что этот любитель помахать всякой фигнёй, родной брат малявки. К тому же старший. И ему стало очень обидно, что отец так просто меня отпустил. По его же словам, рыжий батя был очень неуравновешенным типом. Мог и ремнём отхлестать, за небольшую провинность. А вот дочку не трогал — никогда. Это была всеобщая любимица. Мать умерла родами, как раз при её рождении. Вот отец и переложил всю свою любовь на это маленькое чудо. Поэтому, парень обиделся не на шутку, что ему прилетает по всякому поводу, а человеку, который обидел любимую сестрёнку, ничего не сделали. Решил разобраться сам, но не рассчитал, что я окажусь таким прытким. Мне всё стало ясно. И я не видел смысла здесь, ещё зачем-то задерживаться. Но и просто так уходить не следовало. Не поймут ребята, здесь так не принято. Надо водки выпить или вина на худой конец. Чтобы замириться окончательно. Но, мне-то это на фиг не надо! У меня своих проблем выше крыши. И одна, из них, сейчас неизвестно где и непонятно чем занимается. Если вообще жива и здорова.

Поэтому я думал не долго. Спасибо деду за память и моему дядьке за рассказы о шепутной молодости — кое-что из местных реалий, я всё-таки вспомнил.

Ничего сверхсложного, надо всего лишь познакомиться. Что я незамедлительно сделал. Рыжий здоровяк оказался Львом, а два его товарища Боря и Василий. На всякий случай поинтересовался именами девчонки и её отца. Удивился, конечно, но не сильно: Павел Николаевич это отец, а дочка Евдокия. Для закрепления дружеских отношений приняли решение, в ближайшее время сходить на Оку. На новый пляж. Там и отметим это дело. Поручались и разошлись. Всё! Руки в ноги и бегом до вокзала.

Иду, стараюсь это делать быстро. Но, как не стараюсь, сосредоточиться на дороге не получается. Что-то постоянно отвлекает. Какая-то непонятка. Перехожу на спокойный шаг и размышляю на тему — что не так, прямо на ходу. Только теперь пришло понимание, что что-то, во всей этой ситуации, было не совсем как всегда. Стараюсь вспомнить всё до мельчайших подробностей. В конце концов, прихожу к выводу, что я слишком легко отделался. Особенно, в случае с рыжим братом. Удивительно, но мне удавалось уклониться от всех его ударов. Раньше я, за собой, такого не замечал. Пришлось даже остановиться и отойти чутка в сторону, на несколько секунд, чтобы никому не мешать. Это что получается? Тело Вилора стало мне полностью подчиняться? Или я просто к нему привык? Вот! Вот что не давало мне покоя! Теперь-то всё ясно. А значит можно, на некоторое время об этом забыть. Как там говорила одна девушка: «Я подумаю об этом завтра». Вот и я того же мнения. Уф! Даже легче стало. Как физически, так и морально. А значит можно остаток пути пробежаться.

В отдел залетел как бешеный ёжик. Такой же взъерошенный и фыркающий по любому поводу. Первый кого встретил это конечно же Федя. Эта орясина, со старшинскими погонами и незабвенной пашкой на боку, чкалась по коридору, всем своим видом

показывая, что ему есть чем заниматься. На лице застыла гримаса сосредоточенности и глубокого мыслительного процесса. Всё сразу поменялось, стоило мне только подойти к вертушке. Дежурный взглянув на меня махнул рукой, показывая, что я могу пройти. Но Федя, не был бы Федей, если бы не попытался, по своему обыкновению, влезть в ситуацию со своими соображениями.

— Дежурный, — строгим голосом привлёк к себе внимание Фёдор, и сразу же, не меняя тона спросил, — почему пропускаете постороннего на территорию отдела?

— Товарищ старшина, — тут же отозвался дежурный, — да, какой он посторонний? Это же Вилор! Его велено пропускать без предъявления документов.

— Чей приказ? — начал накалять обстановку Фёдор, подойдя к самой вертушке и не давая пройти, — за чьей подписью? Какого числа оформлен?

— Письменного приказа нет, — отчеканил дежурный, — зато есть устное распоряжение товарища Собкина. Как только Вилор Тихий появится на проходной, сразу же его пропустить. Выделить сопровождающего и доложить о прибытии.

— Ну, раз так, то почему этот гражданин до сих пор находится здесь? — начал изображать из себя большого и делового начальника Фёдор, — где сопровождение?

Мне не давали сказать ни одного слова. Всё, как-то проходило мимо меня. С другой стороны, а чтобы я сказал? Ничего. Тем более, что всё решили без меня. Федя выступил в качестве сопровождения. Он, с довольной мордой и рукой на оголовье шашки, провёл меня по коридору до кабинета начальника. Причём шагал этот крендель сзади, как бы намекая, что я, вроде как, нахожусь под присмотром. Гад он — что ещё сказать? Все встречные пялились на эту композицию: кто с сочувствием, а кто и с осуждением.

Стоило только подойти к двери начальства, как я плюнул на всё условности и ворвался в кабинет. И пофиг, что обо мне подумают. Успел, прежде чем рука Феде опустилась мне на загривок. Так и влетели по порядку: сначала я и следом за мной, без задержки, с вытянутой рукой Фёдор. Собкин, как хозяин кабинета, сидел за столом весь погружённый мыслями в бумаги. Надо сказать, что как только мы появились, то он сразу отвлёкся, на новое действие. И очень интересно было наблюдать, за его лицом. Как оно из задумчивого быстро становится серьёзным. При этом глаза всё ещё выдают работу мысли. Но, начальник есть начальник. А уж товарищ Собкин — это начальник с большой буквы. Так что досталось нам двоим. Хоть ни я, ни Федя с этим были не согласны.

Начальственный рык меня не смутил. Да мне вообще, в этот момент, всё было пофиг. Так что я сразу, без предисловий спросил (вышло как-то тонко и истерично):

— Что с Катей?

— Вилор! — Собкин приподнялся и успокаивающе выставил ладонь перед собой, продолжая говорить, — присядь. Сейчас я всё тебе расскажу.

После этого он обратил внимание на Фёдора. После небольшого монолога Фёдор, с чувством легкости во всём теле, выпорхнул из кабинета. При этом он имел вид одновременно смущённый и расстроенный. Зато, он, наконец-то обрёл и понял смысл своего существования в этой организации. Как это не показалось бы странным.

Видя, что я не свожу заинтересованный взгляд с его персоны, Собкин решил, объяснить все проблемы одним разом. И начал вываливать новости одну за другой.

Во-первых это конечно о моём деле. Нападавших не нашли, хотя подвижки кое-какие есть. В одном из букинистических магазинов нашли мой справочник по печному делу. Всё как я и сказал: с дарственной надписью и конкретной подписью. Теперь ищут того человека

который его сдал. Это дело долгое, но перспективное. Глядишь — всё и получится.

Во-вторых это дело о моей находке. Тут тоже всё в порядке. Пока никаких прежних хозяев не обнаружено. Но это может затянуться надолго. Так что пока всё идёт как идёт.

Дальше пошёл жёсткий наезд. Так что сказать, что это было в-третьих, я не могу. Мне попеняли, что я совсем забыл про свои обещания. Меня прямо-таки ждут не дождутся в детском доме. Обвинение в халатности и манкирование своими обещаниями добавили грустных нот в моё состояние. Но всё это не смогло меня сбить с той задачи, с которой я пришёл сюда. Нет, я конечно выслушал всё. Покивал соглашаясь со всеми обвинениями. Даже, чего-то там пообещал вполголоса. Но, когда запал Собкина стал потихоньку затухать, я спросил:

— Так, что там с Катей?

— А что с Катей? — вроде как, о чём-то неважном, переспросил у самого себя лейтенант и тут же сам ответил, — нормально всё с ней.

Честное слово, в этот момент я понял, что лейтенант простой человек. И я, если захочу, могу дать ему по роже. Про последствия, буду думать потом, но так издеваться над собой я не позволю.

Собкин тоже, что-то такое, наверное, подумал. Потому что, немного выдержал тревожную паузу и начал рассказывать. Но сначала спросил:

— Вилор. Ну ты что? Катерину не знаешь, что ли? Она же такая как и ты. В каждой бочке затычка! Не сидится ей на месте! Лезет куда не просят! Вот и собственно всё. Что тут ещё сказать.

Не... Я щас точно его ударю. Что за нафиг!

Может быть мой бешеный взгляд, а может проснувшаяся совесть или что-то ещё. Не знаю! Но, лейтенант продолжил рассказывать дальше:

— В больнице она. Обгорела сильно. Нет. Ну это же надо! Полезла спасать соседей без всяких предосторожностей! А мы, между прочим, каждый год проводим учения, по пожарной безопасности, — лейтенант говорил смотря вниз, на крышку стола и только сжимал и разжимал кулаки, — и ладно бы не сильно горело, так ведь самый пожар уже начался! Весь дом горел — представляешь?! А она туда прыг... и тащит деда. Прыг ещё раз... и тащит бабу. А тут балка перекрытия падает. Прямо на неё. Пожарные, когда увидели, офигели на фиг! Они шланги разматывают, а она людей из огня таскает...

Я начал подниматься. Придётся пробежаться до больницы. Тут мне больше ничего важного не скажут. Но, лейтенант заметил мои телодвижения и резко, как только он может, спросил:

— Ты куда собрался? — вместе со словами, он жестом показал мне, чтобы я сел назад.

— В больницу, — ответил я, ничего больше не уточняя.

— Ага! — только и ответил Собкин, почесал в затылке и продолжил, — это правильно! Конечно в больницу. Как я сам не догадался. Только позволь задать маленький вопрос. А что ты там будешь делать?

— С Катей поговорю, что ещё-то? — спокойно ответил я.

— Ну да, ну да! Как я сразу не понял.

Лейтенант встал из-за стола. Подошёл к тумбочке. Налил в стакан воды. Выпил. Потом посмотрел на меня. И налил ещё один стакан. Не спеша вернулся на свое место, попутно поставил стакан передо мной.

— Можно я уже пойду? — опять пытаюсь встать спросил я, — там наверное часы

приёма ограничены? Вдруг не успею?

— Ты сначала водички попей, — начал говорит Собкин, изобразив на лице сочувствие, — потом послушай, что я тебе скажу.

Я присосался к стакану и выпил всю воду одним махом. Твою же посконную правду! Пока я, на этой стройке, хернёй страдал, Катерина успела в больницу попасть. Да и ещё людей умудрилась из огня вытащить. А во всём этом, прямо-таки чувствую, виновато моё появление здесь. Не может такого быть, чтобы это произошло само собой. Стоит мне сделать что-то, как тут же следует ответ. Это и драки каждый день, постоянные происшествия с моими знакомыми и ещё много всего. Я так задумался, что совсем забыл о Собкине. А он продолжал что-то говорить:

— Делать тебе там нечего. Это я тебе, как комсомольцу говорю. Она сейчас не в том состоянии.

— Почему? — только и мог спросить я.

— Она спит, — коротко ответил Собкин.

— Я посижу подожду, когда она проснётся. С врачами поговорю. С медсёстрами, — перечислил все варианты я.

— Она спит! И будет спать пока это надо, — опять начал повышать голос лейтенант, а потом вдруг неожиданно спросил, — ты когда-нибудь обжигался?

— Да, — ответил я, — конечно.

— Больно было? — с какой-то непонятной яростью поинтересовался Собкин.

— Очень, — тихо ответил я.

— Вот и подумай, что она сейчас чувствует, если ожог на половину спины! Пойми. Она сейчас спит. И ничего не чувствует. Врачи ей искусственно поддерживают сон. И это правильно! — закончил лейтенант и ударил кулаком по столу.

Я вздрогнул. Задумался. Представил всю картину. Поёжился. Делать нечего, придётся идти в общагу. Правда надо ещё кое-что узнать:

— А почему спина обожжена?

— Гм! Да, — смутился лейтенант Собкин, но всё-таки ответил, — так ведь, ей на спину балка горящая упала. Там не только ожог. Ещё лопатка пострадала и пара рёбер треснуло. Сустав плечевой выбило. Ну и так по мелочи много чего. Она же накрыла собой соседку. Её так и спасли. Когда брёвна горящие откинули в сторону, увидели, что она лежит сверху. И руки раскинула, пытаясь защитить отовсюду. Хорошо, что "Скорая помощь" вместе с пожарными приехала, а так бы ещё хуже было. Сразу увезли. Быстро.

Обалдеть. Как только поправится, я ей устрою. Будет сидеть в архиве и крючком вязать. Не, ну а что? Прав Собкин! Совершеннейшим образом прав! Она такая же как и я. Поэтому и переживаю за неё, как за сестру.

Мои душеметания и переживания прервал неожиданный вопрос от следователя:

— А теперь, когда ты немного успокоился, давай рассказывай. Что ты там устроил на стройке. МГБ до сих пор трясёт от твоих походов.

А я что? Против, что ли... Рассказал всё и с подробностями. Лейтенант меня не прерывал, иногда, правда, задавал наводящие вопросы. Но, я бы и без его подсказок справился. Чего-чего, а это всё происходило, как говорится, у меня на глазах. А следователь — гад, веселился и ржал в полный голос, над моими дилетантскими попытками понять почему я не виноват. Потом мы пили чай, который принёс Фёдор. И ели пирожки с лисичками, про которые я вдруг вспомнил. А товарищ Собкин рассказывал, что же, на самом

деле произошло на стройке и почему, это всё, закончилось хорошо для меня. Слушаю и ушам своим не верю. Неужели так бывает?

** Не забываем голосовать! Вам это не трудно, а автору приятно)))

Глава 18

Да, натворил я делов! И ведь, вроде бы, ничего такого не сделал. А такая волна пошла, что до транспортной милиции докатились. Хотя где она и где просто милиция? Пока лейтенант Собкин пытается завести машину, чтобы отвезти меня в общежитие, я прокручиваю в голове, всю эту историю и потихоньку офигеваю.

История, на самом деле, давняя и затрагивает интересы высших эшелонов власти. Вся страна, на данный момент, восстанавливается после Великой Отечественной войны. Калуга, в этом плане, ни грамма не отстаёт от других городов. Только, помимо строительства жилья и восстановления производств, существуют объекты которые начали строить до войны и так не достроили. А между тем это был государственный заказ. Очень важный для нашей страны.

В 1934 г. по предложению А. И. Микояна правительство утвердило проектное задание на строительство Калужского комбината синтетических душистых веществ на землях деревни Железняки в пригороде Калуги. Это-то ладно. Приняли в производство. Хорошо. Но, где взять специалистов? Начали искать. Никто, до сих пор, ничего подобного не строил. Не только в СССР, а даже в Европе. Даже, не так! Никто не мог просто представить, что должно получиться в итоге. Целый год крутили это дело туда-сюда, пока не нашёлся тот, кто показал, хотя бы направление в котором надо двигаться. После этого всё завертелось.

Более менее нормального специалиста, который смог объединить все хотелки в одну кучу, нашли во Франции. Тот уже, на своё усмотрение, подобрал коллектив из знающих людей и рванул в Калугу. Карт-бланш был полный. Грандиозность замысла поражала и заставляла работать на пределе сил и возможностей. Но, не стоит забывать в какое время всё это происходило. Вот! Короче, к началу войны смогли разобраться только с коммуникациями и залить несколько фундаментов, под основные цеха и ТЭЦ. Когда войска нацистской Германии вторглись на территорию Франции, все, без исключения, иностранные специалисты вернулись на Родину, чтобы принять участие в отражении агрессии. Чём всё закончилось напоминать не буду. Потом нападение на СССР и Великая Отечественная Война. Возобновить строительство смогли только в 1946 году. Ясен пень, что никого из иностранных специалистов не нашли. Да и тех, кто принимал участие в строительстве с нашей стороны, почти никого не осталось. Но, слава Партии и товарищу Сталину, в кратчайшие сроки удалось всё наладить.

Тут возникли другие вопросы. Комбинат считайте построен, а где брать людей, чтобы они на нём работали? Кто их будет обучать? Да и вообще — где им жить в конце концов? Это ж офигеть не встать! Самый крупный комбинат в Европе! Сколько людей там будет работать?! Огоньку добавил Калужский машзавод, который работал по линии НКПС. А это один из ключевых комиссариатов в Советском Союзе. Завод ударными темпами восстановили пленные немцы. И опять — нужны люди, чтобы там работать и им нужно где-то жить! Что делать?!

В Москву полетели письма. Там быстренько всё порешали. Назначили председателем Калужского облисполкома Андрея Ивановича Бурилина, с единственным приказом: — разобраться со всеми проблемами! Он и разобрался. Честное слово, я когда увидел его фотографию в газете, сразу понял: — этот может! (фото есть в доп. материалах)

И вот, в самый напряжённый момент, когда вроде всё решили и единственная проблема это недостаток стройматериалов, случается затык в моём лице. Оказывается, что стройка идёт опережающими темпами, но с нарушением технологии. Кто-то сразу доложил "куда надо", что люди собираются устроить забастовку (даже знаю кто! прораб — гад позвонил). Не устраивает их что-то. А что — пока неизвестно! Шухер поднялся страшный. Послали сначала милицию — всю, что была свободна. Линейную тоже хотели задействовать, но, в последний момент передумали. Вот ведь, блин... Спасибо комсомольцам. Их звонок всё объяснил и позволил принять правильное решение. Хотя, тоже не всё гладко. Комиссия собралась, приехала, разобралась и уехала думать. Или всё ломать и заново строить, или каким-то образом переделывать. Потому, что никто не был уверен, что нарушения были только в устройстве перегородок. А вдруг ещё, где-нибудь что-нибудь вылезет? Короче. Разборки в верхах будут ещё продолжаться, некоторое время, но строить не прекращаем. Решение за первым секретарём обкома и людьми сведущими в строительных технологиях. Прораб, главный инженер и директор "Калужстроя" пока отдыхают в уютных камерах. Все ждут и надеются, что слухи не дойдут до Москвы. Полная — опа! Но нас это, вроде бы, не касается. Как работали, так и будем работать.

Посмотрел в окно. Не фига себе! Задумался так, что не заметил, как доехали до общежития. Вот это меня накрыло! Это что же получается? Я изменил, всё-таки, историю? Хотя, не должен был этого делать... В той жизни, а следовательно и истории, не было никаких забастовок и разборок со строительством. Перегородка упала на отделочника, лишив его работоспособности на месяц. Правда продержалась эта конструкция до девяностых, но всё равно упала. Теперь этого не будет. Я постараюсь сделать всё как надо — раз уж начал.

Выходил из машины со смешанными чувствами. Не знаю, чем обусловлено решение лейтенанта остановиться напротив общаги, а не заехать во двор, но идти в сумерках, было неприятно. Рюкзак ещё этот...

Стоило только вспомнить о рюкзаке, как я тут же понял, что придётся лечь спать голодным. Неплохое окончание рабочего дня. Сначала нервы выматывали, потом, чтобы добить окончательно, оставили без еды. Не, ну нафиг. У меня организм молодой, теперь. А это значит, что его нужно кормить. И желательно пять раз в день. Можно, если очень хочется, то и ночью один раз. Так что разворот на пятках и бегом назад.

Когда я брякнулся на капот машины, Собкин стал выглядеть, как Катерина в момент удивления, то есть как Чебурашка. Глаза по олимпийскому рублю, не меньше. Потом-то он собрался и даже показал мне кулак, но сейчас... гм, да!

Ни мата, ни другой ругани не было. Только суровый взгляд и нервное потирание кулаков, а также многообещающее покачивание головой. С жизнью мне расставаться рано, но и голодным я спать не хочу. Пришлось потрясти пустым рюкзаком, перед ветровым стеклом. Не совсем пустым, но раз еды нет, значит пусть будет таким.

Лейтенант сообразил, что меня легче выслушать, чем сразу послать куда подальше. Интересно, как он будет выкручиваться, когда я ему сообщу, о своей проблеме. Ха!

Усаживаясь в машину, не смог удержать счастливого выражения лица. На что, конечно же, сразу обратил внимание Собкин:

— А чего это ты улыбаешься?

— В какой раз, — начал я, поясняя детали своего поведения, — мы, только возле общаги, вспоминаем о еде.

— Это точно, — грустно сказал лейтенант и посмотрев на часы спросил: — может потерпишь до утра? Тут осталось всего ничего.

Я задумался. А может действительно перетерпеть? Такого, прямо-таки сильного голода, я не испытываю. Недавно пирожков с лисичками и чаем налопался. Не так уж чтобы досыта, но и в животе не бурчало. Посмотрел на Собкина и сказал:

— А почему бы и не потерпеть?

Потом вспомнил о утренней зарядке и со вздохом спросил:

— Ну, хоть хлеба-то где-нибудь можно купить? Полбуханки. Больше не надо.

— Поехали, — со вздохом произнёс лейтенант, — что с тобой делать.

Мы резко стартанули с места. Хотя, для "Победы" это громко сказано. Но всё равно нормально. Не пешком же, в конце концов.

— Есть тут знакомая одна, — начал пояснять лейтенант, не отрываясь от дороги, — делает на продажу баранки и бублики. Видел когда-нибудь, как баранки делают?

— Не только видел, но и сам делал, — ответил я, вспоминая некоторые эпизоды, из той жизни в деревне, потом уточнил, — то есть помогал делать. На самой ответственной работе, между прочим стоял. Это когда их, из кипятка доставать надо. Важно, чтобы они не помялись и сохранили форму.

— Ну да, — улыбаясь, каким-то своим воспоминаниям, сказал товарищ Собкин, — а если в кипяток немного сахара добавить, то получается вообще сказочная штука. А у меня мамка всегда мёд добавляла, для аромату.

Несколько поворотов и мы остановились. Проехали-то всего ничего. Место, на первый взгляд знакомое, но точно не скажу.

— Смотри Вилор, — сказал лейтенант, показывая на здание, — здесь когда-то располагалась знаменитая, на всю Калугу, аптека и оптика мастера Липица.

Дом как дом. Ничего замечательного я не увидел. Построенный из красного кирпича, как собственно говоря и все дома в старой Калуге. Единственное отличие от других это большие окна на первом этаже. Но это тоже характерно, для купеческого города. Что тут такого знаменитого-то? В памяти никакой информации не нашлось. Что тут ещё? Булыжная мостовая и узкий тротуар. Посадок нет никаких. Фонарные столбы чугунные? Тоже не редкость.

— А да! Ты же не местный, — хлопнул себя по лбу лейтенант и начал рассказывать, — тут, такая история... В ноябре двадцатого года в Калугу, в связи с борьбой, с мешочниками и хищениями на железной дороге, в составе особой комиссии прибыл Дзержинский Феликс Эдмундович. Подробностей никто не знает. Да и не узнает никогда. Но, по городской легенде, именно в этом доме было написано обращение во ВЦИК и СТО республики "Об образовании Вооружённой охраны путей сообщения". Правда не правда — не знаю, но и сбрасывать со счетов это нельзя. Потому что в декабре того же года, был принят Декрет об образовании этой службы.

— Ух ты! — обрадовался я новой информации, — а что здесь сейчас? Музей?

— Да, ну тебя! — возмутился товарищ Собкин, — говорю же — Легенда! Какой нафиг музей? Хотя, жители этого дома и не отрицают, что такое могло быть.

— А мы-то чего сюда приехали? — спросил я у лейтенанта, сразу теряя интерес к дому, — просто посмотреть? Мне вообще-то хлеба обещали и про баранки рассказывали.

— Ну, ты... — растерялся лейтенант и зачем-то посмотрев вверх через лобовое стекло, шёпотом добавил, — я думал тебе будет интересно. А бублики сейчас будут. Выходи.

Ничего уже не понимая, я кое-как выбрался из машины. Длинные ноги это не всегда хорошо. Особенно в старых машинах. Вечно за что-то цепляются и нормально не впихиваются, а потом не выпихиваются. Ещё и потолки низкие. Обязательно головой стукнешься.

Конечно же мы не пошли в этот знаменитый дом. Обошли сбоку и через каменную арку прошли во двор. Небольшой, аккуратный и очень уютный с единственным деревом. Старая липа. Под её ветвями пряталась маленькая лавочка. Сейчас на ней никого не было. Но легко можно представить, как здесь хорошо можно отдохнуть. Особенно в жаркий день.

Старая двустворчатая дверь открылась без скрипа. Хотя я ожидал другого. Собкин прошёл первым и почти сразу остановился. Прямо перед первой дверью. Посмотрел на меня и тихо произнёс:

— Это моя хорошая знакомая. Так что обойдись без шуток.

А я что? Конечно же буду молчать. Пока не спросят. Надо ещё посмотреть на эту знакомую. Может я сам не захочу общаться.

После негромкого стука, дверь приоткрылась, как раз настолько, чтобы видеть кто стоит за ней. Собкин что-то там быстро сказал и его пустили внутрь. Я зашёл следом. Интересно ведь.

Сначала тревогу забил мой нос. Потом и мозг, наверное, подключился. Аромат свежей сдобы и чего-то напоминающего ваниль, вкупе с корицей, пробудил все низменные инстинкты. Жрать захотелось с такой силой, что меня, наверное, даже саблезубый тигр сейчас не остановил, а мамонт убежал бы с рёвом, спасая свою шкуру. Желудок заорал требуя его набить поскорее. А слюни, я просто не успевал сглатывать и поэтому чуть не захлебнулся. Не плевать же на пол?

Хозяйка молодая женщина, миниатюрная брюнетка с выразительными формами и красивой улыбкой, обладательница хитрых, серо-стальных глаз засмеялась, услышав вопли моего желудка. А я уже ничего не хотел, кроме как срочно пожрать. "Любые деньги за три корочки хлеба!" — так и охота было кричать. "У меня есть деньги и я их всё здесь оставлю!" — хотелось добавить.

Но всё оказалось гораздо проще. Пока я медленно умирал от запахов, на столе образовался чайник и поднос с бубликами. Потом появились кружки и ложки...

Я молчал и ел. Потому что культурный человек и пенсионер. У молодых свои разговоры. Чего я буду им мешать? А тело Вилора просто набивало желудок и не обращало ни на кого внимание. Собкина я понимал и поддерживал. За такую женщину надо держаться двумя руками и ногами. Мало того, что красавица, так и хозяйка сразу видно — хорошая!

Стоило мне только заикнуться о том, чтобы заплатить за ужин, как два гневных взгляда скрестились на моём теле. Одновременно. Следом прилетел подзатыльник — это от лейтенанта, а от Татьяны(так зовут эту красивую и хлебосольную девушку) я заработал больночий щипок в бок. Понял — понял. Не настаиваю.

Пришло время прощаться и я встал из-за стола. Лейтенант попросил меня подождать в прихожей, а сам остался с хозяйкой. Ну, не моё это дело. Я подожду.

Прихожая довольно большая а, благодаря высоким потолкам, ещё и вместительная. Над вешалкой для одежды, были устроены несколько рядов полок со множеством вещей и каких-то узлов. Я с любопытством осматривался по сторонам. Из-за одного узла выглядывал приклад какого-то ружья. Потянув его на себя, я вытащил на свет мелкокалиберную ТОЗ-8. Уж этот агрегат я могу узнать и на ощупь. Я с него, собственно говоря, и начинал учиться

стрелять. Любимое дедовское "ружо"(хотя, на самом деле это винтовка). Потом он конечно приобрёл ТОЗ-11 в добавок к восьмёрке, но это когда ещё будет. Да и ругал он более позднюю версию. Напирая на то, что она очень лёгкая и совсем не чувствуется в руках: «Как будто игрушка» — постоянно говорил он. Но, за точность боя, всё-таки предпочитал одиннадцатую модель.

Лейтенант вышел из комнаты и наткнулся на меня. Увидев, что я держу в руках, он сначала растерялся. Затем резко меня разоружил. Просто выхватил винтовку из рук и погрозил кулаком. Кивком головы я показал, где находилось это оружие. Собкин, не долго думая, запихнул "мелкашку" на место. Ещё раз продемонстрировал свой кулак и мы, наконец-то, покинули этот гостеприимный дом.

Я уж хотел двигаться пешком, но лейтенант заставил меня сесть в машину. Лекция, на тему: куда надо и не следует совать свои руки, заняла около десяти минут. Малоинформативная и состоящая, в основном, из угроз и обвинений, она меня полностью убавкала. А добавить, к этому, сытый желудок, то состояние моё было не очень хорошим, так как спать хотелось со страшной силой. Хорошо что ехать недалеко. Не успел заснуть.

В общагу заходил с небольшим пакетом, который мне отдал лейтенант Собкин. По лёгкому аромату, что шёл от свертка, я догадался о его содержимом.

— Это тебе на завтрак, от Татьяны, — только и сказал лейтенант, прощаясь со мной.

Касьян, наверное, прописался на вахте. Встретил меня хмурым взглядом. Но, немного оттаял, когда я поделился с ним бубликом. Две штуки мне хватит, на утро. А дальше посмотрим.

Ложился с твёрдым пониманием, что винтовка это сигнал от деда. Намёк на задание. Всё понимаю. Но, если я об этом не говорю, то это не значит, что не думаю. Думаю. Думаю каждую секунду. Только время, для активных действий, ещё не пришло. Сам же меня учил, что сначала разведка, а только потом составление плана. Вот и разведываю. Информации море и во всём надо разобраться. Время пока терпит и нечего меня торопить. А за напоминание — спасибо! Надеюсь, что тебе там слышно...

Засыпал с улыбкой. Я теперь знаю, где можно приобрести самые свежие и вкусные баранки! Собкин молодец! А его подруга лучший специалист по производству бубликов! Ну и баранок, тоже, чего уж там...

Проснулся сам. Опять. И это хорошо! Значит, привычки из той жизни, действуют и здесь. Была у меня такая способность — просыпаться в то время, которое нужно. Главное это перед сном представить — во сколько надо проснуться и всё. Ни разу эта способность меня не подводила. По идее мне даже будильник не нужен. Вот от часов я бы не отказался.

Касьян на вахте, даже слова не сказал. Только улыбнулся и махнул рукой. А я, проскакивая мимо него, попросил вскипятить чайник. А что? После зарядки самое то. Чайку попить, а если ещё и с бубликом, то вообще сказка!

Разминка, зарядка, утренняя гимнастика — как ни назови, но это не ко мне. У меня вообще какая-то дикая смесь и того, и другого, и третьего получается. Ладно. Это для начала. Впоследствии, конечно, надо что-то другое придумывать, а пока и так сойдёт. Тем более, что результаты не радуют. Но, подвижки есть.

Опять, после меня в умывальнике лужи на полу. Ну и пофиг. Пока все проснуться. Пока расходятся и посетят нужные места, всё это давно высохнет. Касьян встретил с кружкой чая. Поделился с ним бубликами. Нормально поговорили и обсудили насущные проблемы. Несколько его советов можно и принять. Но, для начала, надо попасть на работу. Там и буду

думать.

Сегодня народ в комнате просматривал на меня с каким-то ожиданием. А что они думали? Сало и хлеб имеют такое свойство — заканчиваться. А бутерброды, просто так, в рюкзаке не появляются. Были потуги, сбегать и поставить чайник, но они как-то быстро закончились. Просто так воду, пусть и горячую, пить никто не хочет. Короче, сегодня не так как вчера. Попытаюсь что-то с этим сделать. Мне бы один вечер спокойный, для принятия решения. Но, пока не получается. Есть ведь опыт. Как правильно организовать нормальное питание с утра. Только и требуется, что согласие и небольшая помощь. А дальше сами привыкнут.

Выходил из комнаты последний. А что? Надо было денег взять немного. Поэтому пришлось задержаться, чтобы все ушли. У меня, между прочим, сегодня дел целая куча и всё надо успеть. Хорошо, что от комсомольского поручения открестился, а то бы и не знал, что делать.

Рынок с его обратом и пирожками. Уже привычно выбрал и купил побольше. Пока подкреплялся, думал о Маше Бартолье и Катерине. Как они там? Настроение сразу пропало и это надо как-то менять. В качестве развлечения и чтобы отвлечься, докопался до продавщиц, с вопросом о блинах. Ну а что? Пирожков разных до фига, а блинов нету. Это как-то неправильно. Ребята и конечно же девчонки меня поддержали. Взяли обещание, что с завтрашнего дня, в продаже будут блины с разными начинками. Посмотрим, а пока пора на работу идти. Настроение хорошее и даже очень. Захотелось песню какую-нибудь запеть. Но, как и говорил ранее, не моё это. Короче так дошли. Просто разговаривая, на разные темы.

Раздевалка это место обсуждения и обмена информацией. Не у всех есть дома радио. Про общагу вообще молчу. Вот и делятся новостями все обладатели этого девайса. Теперь-то, я кое-что начал понимать в этой жизни. Вот откуда пошли эти политинформации. Которые мы, в том времени, не очень любили. Оказывается вот для чего они нужны. Всего-лишь полчаса, а ты уже в курсе всех новостей в мире. При этом каждый присутствующий высказывает своё мнение. Вот так вот! Ещё одной загадкой стало меньше. Да-с.

Теперь и на рабочую пятиминутку можно идти спокойно. А что? Новости меня порадовали. Урожай, по словам правительства, обещает быть хорошим. А больше, по словам ребят, ничего и не надо. Пока. Главное сейчас всех накормить, а потом вскоре и одевать начнём. Машины и трактора с экскаваторами делать будем, вместо танков. Ух! Жизнь пойдёт — сказка! И это не мои слова. Честное слово, сам офигел от происходящего. Если тут каждое утро такое творится, то теперь понятно, откуда столько энтузиазма в людях. Понятны и темпы восстановления и строительства страны. А ведь после войны, прошло всего ничего времени. И это только начало!

Настроение понизилось сразу, как только, к месту проведения пятиминутки, подошёл прораб Иванов. И походу, не только у меня. Как же так?! Он же под следствием вместе с инженером?

Но Сергей Петрович, не выказывая какого-либо волнения, спокойно начал распределять рабочих по местам, попутно объясняя сегодняшнее задание. Ругался он заметно меньше, но всё-таки острые словечки иногда проскакивали. Что это значит? Не знаю. Но создаётся впечатление, что его ничего не беспокоит. Даже наоборот. По его виду можно сказать, что всё в порядке и ничего не случилось. Вот ведь... На меня, этот крендель никакого внимания не обращал. С одной стороны это правильно — я ученик и у меня есть наставник. Но, с другой стороны — хоть слово мог бы сказать?! Непонятно. Ещё и Маша опять опаздывает.

Мои сомнения разрешил бригадир каменщиков Семён Семёныч Шкато. По крайней мере, он так представился. Когда народ стал расходиться, по своим рабочим местам, этот человек в выцветшей до светлого, почти белого цвета гимнастёрке, подошёл ко мне и просто сказал:

— Ты Вилор давай-ка иди туда же, где вы с Бартолье были вчера. Там плотники всё подготовили. Маша немного задерживается. Так что не теряй время. Займись кирпичом и раствором. Вам надо, на двоих, норму за два дня сделать. Маша в курсе.

Всё по делу. Даже спросить нечего. Вообще, этот человек, при своей внешности борца — такой, знаете невысокий, плотный крепыш со сломанным носом и прижатыми к голове ушами — вызывал уважение. Спокойный взгляд карих глаз и постоянная, еле заметная улыбка скрытая под густыми рыжими усами. Вроде нормально всё. Но, что-то было такое, во всех его действиях, что просто пропадало желание с ним спорить. Лучше послушать и сделать, как он сказал и всё будет нормально. Пришлось мне, даже, чуть-чуть потрясти головой, чтобы сбить это наваждение. Во блин! Понятно теперь, почему он бригадиром у каменщиков служит. Такой, если что, сам, без посторонних, устроит весёлую жизнь. Да и ладно... Мне это не грозит.

Заметил, что отношение ко мне окружающих, изменилось. Все, мимо кого проходил или с кем встречался, здоровались со мной за руку. При этом называя по имени. А я что? Мне не трудно руку пожать. Даже наоборот приятно. Хотя, пока дошёл до нужного подъезда, рука заболела. Но это нормальная боль — заслуженная! Первый этап вхождения в коллектив, можно сказать пройден. Известность какую никакую я приобрёл. Осталось самая малость — это приобрести уважение. Чём и займётся в ближайшее время.

Раз уж нам подготовлено рабочее место, то вчерашнего кирпича может не хватить. Приспособы, со странным названием "кОзлы", под руками нет. Пришлось взять сколько смог. Прямо так — голыми руками. Стопочкой. Шесть штук целых, без половинок. Тяжко и неудобно. Но донёс. Разгрузил рядышком с кучей приготовленного ранее. Посмотрел на то, что сделали плотники.

Если бы можно было сказать одним словом, то это было бы слово — «Да!» — и именно с большой буквы. Ещё можно добавить дикие прыжки и потрясение кулаками! А всё потому, что я оказался прав. Прав на всё сто процентов! Вчерашняя разметка Маши Бартолье это явно показывала.

Снятые доски пола открыли потолочные балки. Которые, как раз и проходили под меловыми отметками. А это значит, что проектировщики заранее всё рассчитали. Перегородка не будет опираться на пол, что против правил, а спокойно будет стоять на балке, что вполне допускается по технологии.

Честное слово, я бы прокричал от избытка чувств. Но боюсь, что девчонки-штукатуры, которые работают в соседней комнате, меня не поймут правильно. Не дай бог вызовут милицию или скорую помощь, что гораздо точнее будет. Ещё и учитывая вчерашнее.

Ладно, раз всё разрешилось нормально, то пойду искать, что тут у них идёт на гидроизоляцию. Неудобно будет. Бартолье придёт, а у меня ничего не готово. Побежал. Заодно посмотрю, что это за машина, к нам на стройку приехала. Выскочил на улицу. Присмотрелся получше. Вроде бы видна красная полоса сбоку. Если это милиция — значит следствие всё ещё продолжается, а это не есть хорошо. Могут оторвать от работы. А мы и так отстаём от графика. Не с того ни с сего возникло чувство опасности. Я замер на месте и огляделся. Да, что ж ты будешь делать, а?! Никак не дадут жить спокойно.

Глава 19

Я не ошибся. Это действительно была машина милиции. Привезли директора и ещё какого-то мужика. Я их не знаю и, в лицо, никогда не видел. Ребята, что гордили подъёмник типа "Пионер", ввели меня в курс дела. А так как это, меня, ни грамма не касалось, то набрав ведро раствора, я, посчитав за лучшее, вернуться на рабочее место. Тем более, что чувство опасности немного поутихло и превратилось в лёгкий дискомфорт. Нафиг-нафиг, надо идти. Не дай бог, в милиции вспомнят обо мне. Хотя, конечно, я где-то глубоко в душе ожидаю вызова к следователю, но не сейчас же? Уж что-что, а такой опыт мне не нужен.

Таскать раствор, пусть и известковый, в ведре по ступеням это отдельный вид мазохизма. Мало того, что обязательно испачкаешься, так ещё и претендентов на обладание слишком много. Вот кажется, что проще-то: взял и сходил. Так нет, обязательно остановят и потребуют выгрузить прямо сюда — себе, важному и неповторимому. Или неповторимой. Тьфу блин! Еле отбрехался. Особенно девушки-штукатуры старались. И ведь, что главное, то? Они на мою сознательность давили, со страшной силой. Типа, они все такие нежные и воздушные, а значит раствор таскать им невместно. А ты такой молодой и красивый, и вдобавок сильный. Ещё и времени свободного много. Что тебе стоит, ещё раз сходить, к тому же Машка Бартолье пока не пришла. Давай-давай. Побыстрее. Уф! Чуть-чуть и согласился бы. Хорошо, что вовремя вспомнил, кто я на самом деле. Это Вилору можно каболку на уши наматывать, а прорабу с богатым опытом эти поползновения, до щёбёночной подготовки в буронабивной свае. Так что отбил, причём обошёлся без скандала и использования специфических терминов. Как говорил наш препод по философии: «полюбовно-экзистенциально», так сказать. Кто знает тот поймёт.

Посконный мешок с цементом так и стоял в углу. Кстати это не стандартная упаковка, а просто другого ничего не было у кладовщика. Там и есть-то с полведра всего, но вчера почти ничего не брали, а сегодня ещё не начинали. Наверное хватит, чтобы начать первые ряды. Блин! А про гидроизоляцию-то я забыл спросить! Вот ведь, что бабы с нами делают. Все мозги запудрили, на фиг! Надо быстрее вернуться вниз и озадачить ребят этим вопросом. А то Маша может обидеться. Итак ей всю выработку порушил. О чём я только думал? Ведь шёл вниз с конкретными задачами. Блин! Раньше со мной такого не было. Это что выходит — у Вилора хреново с короткой памятью? Хотя, причём здесь это и что с ним (с этим знанием) делать?

Моё внутреннее самобичевание и вдумчивое самокопание закончились ничем. Без шума, аккуратно переступая через различные препятствия, появился мой наставник. То есть наставница. Да и пофиг, как не назови и так, и так будет правильно. Оглядела поле предстоящей битвы и тяжело вздохнула. Кинула к моим ногам рулон пергамина и села на перевёрнутое ведро. Достала маленькое зеркальце и чего-то начала поправлять в своей причёске. Хотя, чего там поправлять-то, под косыночкой? Но, минуты три-четыре потратила. Окончательно удостоверившись, что с внешностью у неё всё в порядке, мне спокойным голосом продиктовали сегодняшний список работ. Конкретно моих. Про себя она ничего не сказала. Как-то всё это настораживает.

А дальше пошла рутина. Я таскал кирпичи, месил раствор и делал все мелкие, но такие

необходимые при кладке работы. Старался, чтобы Маша не отвлекалась и наконец-то закончила первые ряды этого грёбаного санузла. Ведь в перспективе вырисовывалась интересная ситуация. Я мог претендовать на самостоятельную деятельность. А что? Как гнать первые ряды я видел, так что легко могу повторить. Осталось только Машу уговорить, чтобы отдала мне, для демонстрации возможностей, один из санузлов. В конце концов, мне надо учиться или где? Вот и буду на это упираться. А там посмотрим. Скажу по секрету, что это — очень нужно мне. Для душевного равновесия, для испытания своих сил, для того, чтобы понять и вспомнить. Хочу опять ощущать себя каменщиком, а не пойми кем.

Когда эта мысль пришла мне в голову, я поначалу растерялся. Очень уж не хотелось выпячивать свои возможности. Но, немного подумав, решил рискнуть. Для этого, опять, пришлось воспользоваться хитрой наукой праксеологией. Лучше бы я этого не делал. Результат вышел не совсем тот, на который я рассчитывал. А всё потому, что инициативу перехватила наставница.

— Запомни ученик, что перегородка в полкирпича поднимается в смену не более, чем на 11–12 рядов, — начала диктовать свою первую лекцию, как наставник Маша Бартолье при этом не переставая работать, — чтобы избежать просадок и искривлений под собственным весом, в момент схватывания раствора.

Нет, мне конечно было интересно услышать, то что в своё время уже учил, но не сейчас же? Поэтому, я просто согласно кивнул. Маша вопросительно посмотрела на меня. А я что? Молчу и слушаю. Если задам вопрос то, до обеда точно, буду слушать ответ. Это такая тема, что можно не одну диссертацию написать. Про дипломные работы вообще молчу.

Свой план я всё-таки реализовал. Не сразу, но достаточно быстро. Стоило Маше отвлечься, на какой-то камешек в растворе и замолчать, на несколько секунд, пытаюсь его удалить, я задал свой первый вопрос. Не по теме! И ничего такого сверхсекретного. Просто поинтересовался:

— Маша, а ты где приобрела такие красивые сапожки? (на самом деле простая кирза, просто ушитая и укороченная хорошим мастером)

— Сапожки? — переспросила моя наставница, держа в одной руке половинку кирпича, а в другой кельму с раствором.

— Ну да! — ответил я, показывая на её ноги, — видно, что очень качественная модель.

И тут же пришлось пригнуться. Девушка уронила кельму, а руку с камушком отвела в сторону. Вот, во избежание негативной реакции, я и уклонился. Ну нафиг! Знал бы, что такое будет, лучше бы про Ленина спросил. Например, сколько дней он бухал в Разливе. Может быть вышло бы гораздо хуже, но по крайней мере, я бы это контролировал. А тут непонятка какая-то!

Маша посмотрела на меня, потом на кусок кирпича и, ни слова не говоря, уселась на стопку деревянных пробок. Кирпич улетел в угол. А девушка, поглаживая сапоги одной рукой, другой прикрыв лицо, тихо заплакала.

Ничего не понимая, я присел на корточки рядом и пытаюсь разглядеть, хоть что-то в её глазах, которые она старательно закрывала ладонью, спросил:

— Что случилось? — спросил я, — Маша, ты только скажи. Я их всех на фиг... уработаю.

Ну, не знаю я, что в таких случаях делать. Хоть и женатый был, и дочек вырастил. Но, тут фиг поймёшь, пока сама не расскажет. Она, кстати, и рассказала, когда немного успокоилась.

Как оказалось забрали её прямо из дома. Перепугав троих детей до слез. В милиции досталось по полной программе. Обвиняли во всех смертных грехах. Начиная с вредительства и заканчивая шпионажем. Напомнили о муже, который отправился в 1940 году во Францию, отражать нападение Германии и пропал без вести. Короче, держали в "предварилровке" до утра. Утром отпустили, без объяснения причин, так ничего и не добившись.

Я ничего не мог понять. Как так-то? Вроде, вчера вечером, после работы, все разошлись по домам. Никаких арестов не было. Меня, как самого главного зачинщика, почему-то не задержали? А Машу сделали крайней. Не стыкуется, что-то ничего. Чтобы отвлечь мадам Бартолье от накотившей на неё апатии, я начал задавать ничего не значащие вопросы. Ну, там, как детей зовут или в каком они классе учатся? Постепенно мне удалось её растормошить. По крайней мере, она перестала закрывать лицо и чуть-чуть, самыми краешками губ стала улыбаться. Зато, в ответ, на моё такое внимание, пришлось выслушать нелёгкую историю её жизни.

В 1935 году в Калугу приехали специалисты из Франции, для решения задач по конструктиву промышленных зданий и обустройстве территории. Среди них был инженер Петро Жан Бартолье. Маша, в то время, училась в Калужском зооветеринарном техникуме на втором курсе. Так уж получилось, что своим ростом, она слишком выделялись, среди всей группы. Лишь несколько ребят были одного, с ней роста. Обидное прозвище "Верста" прилипло к ней, с первых дней сессии. Девчонки может завидовали, а может наоборот жалели, но в свой девчачий круг если и пускали, то ненадолго. И то, чтобы потом посмеяться. Так и училась, вроде в группе, а на самом деле одна. Любимым занятием была практика, на опытовом поле. Там ей никто не мешал предаваться размышлениям о жизни, о дружбе и будущей любви. Опытное поле было в районе деревни Железняки. Именно там решили строить завод СДВ. Собственно говоря, дальше можно не продолжать. Встретились французский специалист и будущий советский агроном. Француз был поражён красотой Марии и совсем не обращал внимание на её рост. Влюбились. Поженились. Первый ребёнок родился в 1936, через два года второй. А в 1940 году, когда Маша была беременна третьим, муж вернулся во Францию, чтобы сражаться с германскими захватчиками. Семью с собой брать не стал, сказал, что опасно в таком положении куда-то переезжать. Обещал вернуться быстро. Но, произошло то, что произошло. Дальше война. Она осталась с тремя детьми и поэтому пришлось переехать в деревню, рядом с Калугой, к матери и отцу. Там и жила пока не закончилась война. В техникуме восстанавливаться повременила. С тремя детьми на руках, пусть и в деревне, выжить тяжело. Хотя родители, конечно же помогали с детьми. Как и все она ездила в Калугу на подработку. Больше всего платили на стройке. Плюнула на техникум и пошла учиться на каменщика в ФЗУ. По итогам практики закончила с третьим разрядом. Недавно пересдала на четвёртый.

Наши небольшие посиделки прервали девчонки-штукатуры. Они вломились, на наше рабочее место, как будто в клуб на танцы. Со смехом и разговорами и, при этом, умудрялись тащить кучу своих рабочих инструментов. А так, как в процессе прослушивания истории Маши, я переместился поближе к ней, да и ещё и обнял за плечи, то можно представить, что они подумали. Ну и что последовало дальше, тоже, описать легко.

Ясен пень, что сначала, с шумом и грохотом, посыпались на пол все эти полутёры, правила, тёрки и мастерки с вёдрами. Потом возмущённые голоса довели до нас информацию, о недопустимости производственных романов прямо на рабочем месте. Ещё,

после некоторого времени, возобладала женское любопытство вкупе с такой же солидарностью. Вопросы посыпались со всех сторон. Все они были нейтральными, но содержали один контекст: — «А что это вы здесь делаете?»

Оставаться в таком сидяче-обнимающем положении, мне не хотелось. Пришлось восстать и против женского коллективизма и смыться, типа за раствором пошёл.

Когда принёс ведёрко, то порядок в рабочем процессе был восстановлен. Штукатуры усиленно чистили стены от, невидимых простому человеку, неровностей, а каменщик 4-го разряда Маша, со скоростью и автоматизмом долбильного станка, вела кладку перегородки. Над всем этим стоял бригадир Шкато и приговаривал:

— Ишь, чего удумали! Бабьи страдания, посреди рабочего дня, устроили! Я вам бя... ух, а п... потому что!

Там, ещё много чего было сказано. Жаль, что не успел к самому началу. Ведь помимо ругательств, присутствовала и так необходимая мне информация. Да, что там информация! Прямым текстом, с добавлением специфических оборотов, было сказано, что товариш Бурилин, на совещании в обкоме, прямым текстом запретил все следственные действия. Откуда это стало известно нашему бригадиру? Я не знаю. Но говорил он уверенно.

Вывалив раствор из ведра, я отвлёкся и был пойман за ухо. Семён Семёныч придерживая меня за пострадавшее место, вытащил на лестничную площадку. Где немного ввёл в курс дела.

— Вилор! То, что ты увидел нарушения — это хорошо. Это правильно. Продолжать так работать мы не будем. Это точно! Слава богу, что всё спустили на тормозах и можно ни за что не волноваться.

— Да, всё нормально Семёныч, — потирая ухо ответил я, — работаем по-новому, но с опережением графика.

— Ты не спеши, кулёма, — попытался отвесить мне подзатыльник бригадир. Потом достал папиросу, прикурил и продолжил разговор, постоянно мотая этой хренью из стороны в сторону, — ещё не всё закончилось. Будет работать комиссия. Проверят всё. Наш-то прораб оказался хитрой сволочью и везде подстраховался.

— Я сразу это понял, — согласно покивал головой я и добавил, — в первый же день, как только увидел его физиономию.

— Вот и я про что, — откусывая кусок бумажного мундштука и выплёвывая его в сторону, прохрипел Шкато, — стоило следователю, обвинить этого глиста в нарушении технологии, как он тут же поднял все стенограммы с производственных собраний. И как оказалось в этих записях, есть такие слова: "прорабу Иванову разрешить вносить незначительные изменения в устройство конструкций, которые не являются несущими, а значит не представляют опасности. В связи с нехваткой некоторых материалов, если это не нарушит график строительства". Понимаешь?!

Я конечно же понимал. Но прямо, об этом, говорить мне не стоило. На фигу возбуждать нездоровый интерес? Поэтому я нейтрально ответил:

— Не очень.

Далее в общедоступной форме, с применением ненормативной лексики и непередаваемыми строительными оборотами мне объяснили, что прораб — козёл. В прямом смысле слова. Этими бумажками, насколько я смог уловить смысл речуги, он подставил всё руководство "Калужстроя" и не только. Тут и Госархстройконтроль попадёт под горячую руку. Короче, всё плохо и нет мне прощения, за мою дурацкую принципиальность.

Заниматься мне, теперь, только переносом кирпича, под присмотром Маши Бартолье, вместо поцелуев с оной.

— А причём здесь прораб Иванов? — возмутился я, — с каких это пор, производитель работ решает с кем целоваться простому комсомольцу? Где тут логика, если он козёл?

Как назло этот самый, про кого мы разговаривали, появился в поле нашего зрения. Держа под мышкой кучу каких-то свёрнутых в рулон чертежей, он поднимался по лестнице. Не вступая с нами в разговор, Иванов проследовал в квартиру, где трудились Маша и шпукатуры. Вот, что ему не сиделось в прорабской? Сейчас начнётся...

— Вилор двигай к Маше, — тихо сказал бригадир и толкнул меня в спину, — а я пообщаюсь, с начальством.

Мне не надо повторять два раза. Я не просто двинул, а прямо-таки испарился с места переговоров. Уже поворачивая за угол комнаты, у меня возникла идея. Тормознув, я спросил у Шкато:

— Семён Семёныч, а где мне взять второе ведро?

— На х... Тьфу... Зачем оно тебе? — видя, что прораб приближается, бригадир просто спросил. Не вдаваясь в подробности.

— Двумя вёдрами раствор удобнее носить, — ответил я, — а если носить одним, то можно повредить позвоночник.

— Иди работай, — отмахнулся от меня Семён Семёныч, — не положено двумя носить, на не обустроенных лестничных маршах. Одна рука должна быть свободна, чтобы держаться или опираться на или за что-нибудь.

— Понятно! Чего тут непонятного? Нельзя так нельзя, — сказал я, направляясь на своё рабочее место. Попутно, в голове переваривая сомнительный раздел в технике безопасности. Это кто же так постарался и поиздевался над условиями труда?

Маша встретила меня настороженным взглядом. Слава богу, что девчонки-шпукатуры занялись своей непосредственной работой и на данный момент отсутствовали. Неизвестно, чем бы наша встреча закончилась.

Чтобы Маша расслабилась и не задавала глупых вопросов, я спросил:

— Маша, а где купить "раскидай"?

— Чего? — почему-то басом переспросила моя наставница, — какой нафиг "раскидай"?

— Ну, такой мячик на резинке, — показывая руками, что-то тянущееся, ответил я, — как-будто бы никогда не видела?

— А-а-а, — протянула Маша и, уже спокойным голосом ответила, — это только, на первое мая или седьмое ноября можно купить. Цыгане продают. В магазине не видела. Да и некогда мне по магазинам ходить. Отстань. Мешай раствор и не задавай глупых вопросов.

А я что? Начал месить и носить. И так, вплоть до того ряда, когда нужно ставить деревянные пробки. В наше время эти закладные детали сразу обрабатывали гудроном, чтобы не терять время. Сейчас это делается путём оборачивания, оной фиговины, куском пергамина или рубероидом. Тут я спорить ни с чем не стал. Надо значит надо. Пф-ф... Ерунда какая! Зато вспомнил как это делается. Хорошо бы ещё, конечно, мелкими гвоздиками прибить, чтобы не разворачивая этот пергамина, но и так сойдёт. Маше лучше знать.

Незаметно для наставника я подсчитал ряды, что она уже успела сделать. По идее два-три ряда и можно переходить на другой санузел. До обеда ещё час времени. Рискну!

— Маша! Можно я сам доложу всё здесь? — специально плаксивым голосом попросил

я, — мне учиться надо. А?

— Нет! — твёрдо ответила каменщик Бартолье, — пока не извинишься, никаких тебе работ на кладке не будет. Вот!

Обострять ситуацию, я не стал. Глупые разговоры говорить и такие же вопросы задавать — не имело никакого смысла. Можно, конечно, всё перевернуть с ног на голову и, в конечном итоге, сделать виноватой девушку. Но мне сейчас это не нужно. Поэтому, я просто попросил прощения. Зато в результате — сияющая Маша и моё гладило в руке.

Бартолье ускакала в следующие санузлы, на разметку и подготовку. А я, в одиночестве, наконец-то занялся нормальной работой.

Для начала нужно успокоиться. Сел на стопку деревянных пробок. Взял в руку половинку кирпича и начал её подкидывать. Надо было сосредоточиться. Подкидывать старался так, чтобы половинка успевала сделать один оборот. Через, какое-то время, поменял половинку, на целый кирпич. Вес потяжелее, но зато, помогает решить сразу две задачи — это быстрее успокоиться и привыкнуть к весу. Старый способ. Кстати, неплохо служит, для развития лучезапястного сустава. Да и вообще для кисти полезно.

В былое время, я бы так не стал заморачиваться. Тут работы, на пять-семь минут не напрягаясь, если конечно знаешь как. Но, сейчас... не знаю с чем сравнить. Знаю, умею и хочу, но, не могу начать. Прямо, как девственник... блин. А что? Похоже. Не охота ударить в грязь лицом перед девушкой. Зато, охота ей доказать, что я, что-то умею в этом плане и не хуже других. Прямо, пинпек какой-то!

Прораб, в моей голове, ржал как конь стоялый. А Вилор, как настоящий комсомолец, готов был встретиться с любой трудностью. Короче, полная шиза и паранойя. Здесь бы опытного психотерапевта надо. Чтобы таблеточек, каких-нибудь выписал, для исправления кармы. Но, чего нет, того нету. Придётся справляться собственными силами.

— А-а-а! — с таким криком, я всё бросил и забежал в комнату к шпукатурам.

— Девчонки! — заорал я, — дайте небольшой брусок. Только ровный. Я знаю, что у вас есть!

То, что мне ответили, я повторять не буду. Ну на фиг. И я их понимаю, но, пусть и они войдут в моё положение. А то, что одна чуть не упала с лесов, так это ничего... бывает. А вторая, вместо стены накинула раствор на первую — так это тоже ничего. Отмоется. Моё дело важнее.

Пять минут криков и воплей. Это нормально. Зато, я многое о себе узнал. Не всё верно, но, в основном согласен. И руки у меня кривые, и глаза у меня не на том месте, и много ещё чего. Зато весело и отвлекает от дурных мыслей. Что, между прочим, является хорошим стимулом к работе.

Отобрал у девушек, после того как все успокоились, ненужную им "правилку". Это такой небольшой брусок с ручкой. Мне, на короткие отрезки кладки, как раз подойдёт. А там плотников попрошу, чтобы сделали, что-нибудь подобное.

Довольный вернулся к своему рабочему месту. Теперь, после небольшой нервной разрядки, можно начинать. А-то действительно, что-то как-то напряжно было. Ещё бы чуть-чуть и начал сомневаться, правильно ли я решил остаться и не ехать в Мурманск. Но прораб, внутри меня, смог перебороть эти жалкие потуги молодого и неопытного тела. Прочь сомнения! Нам любая работа по плечу! Именно так и никак иначе! Что Вилор, что пенсионер с этим были согласны.

Подмолодил раствор. Проверил отвесом все проёмы. Да и начал. Гладило это не кельма.

Долбанный, тупой нос этого жалкого подобия профессионального инструмента, выводил из себя. Худо бедно, а минут двадцать я потратил, чтобы закончить начатую Машей работу. Сколько ласковых слов, о криворукости тела Вилора, было сказано это не передать словами. Это же надо умудриться, влупить, со всей дури, самому себе по пальцу, когда подрубал половинку кирпича, пытаясь подогнать ее точно под размер. И это ещё мелочи! А освещение, от которого никакого толку нету? А вроде бы нормальные глаза, если смотреть на девушек и совершенно кривые, если надо посмотреть на отвес. Настроение мне добавил раствор, в котором, совершенно парадоксально и противореча всем законам физики и химии, совсем не к месту, образовалось много мелких камней. Пришлось их выковыривать, теряя рабочее время и выводя самого себя из равновесия, из-за такой, казалось бы, мелочи.

Когда убедился, что никаких "соплей" нигде нет, а швы заполнены нормально и перегородка не будет светиться насквозь, я заорал. От радости, наверное. Ещё и изобразил, что-то в виде танца с бубнами, с прыжками и повизгиваниями.

Это действие привлекло моих соседок. С встревоженными лицами они все выбежали в коридор, из своей комнаты. Оглядели меня всего, с ног до головы и вынесли решение, что вроде бы, на первый взгляд, всё нормально, но стоит понаблюдать за пациентом. Одна, под шумок, сбегала за моей наставницей и притащил её за руку. Потом, были долгие десять минут обсуждения моей работы. В конце концов, высокой комиссией было принято решение, что мне можно доверять. Пока вот такую, не очень сложную работу. Ну а потом, после долгих тренировок, можно замахнуться на что-нибудь посложнее.

Ещё один вопль, исторгнутый из глубины моей души, был им ответом. В нём, я постарался выразить полное разочарование оценкой моей работы. Но девушек это похоже только развеселило. Каждая из них похвалила качество, с каким-то, только ей понятным смыслом. Одна из девушек, озорно глядя на меня, заметила:

— Маша! Смотри, как твой ученик аккуратно заделал все дырочки. Очень хорошая работа. Сразу видно, что далеко пойдёт.

После этих слов, начался настоящий балаган. Основной темой послужил, как ни странно, русский язык. А если быть точнее, то одно единственное слово и недопустимость его использования в некоторых случаях, а также замена оногo на синонимы.

— Какие могут быть дырочки на стройке? — спрашивала одна из девушек весело улыбаясь и тут же отвечала, — всем давно известно, что здесь только технологические отверстия!

— Дырки существуют, на трикотажной фабрике, — подхватывает вторая девушка-штукатур, — а у нас это метод кладки "в пустошовку", который обеспечивает лучшее сцепление поверхностей друг с другом.

Это могло продлиться долго. По моему. Но, прибежала Татьяна Исипова и куда-то уволокла Бартолье. Вот так, прямо без слов и объяснений. Настроение сразу же у всех понизилось. Девчонки пошли к себе, чтобы продолжить штукатурить, а может и затирать, не в курсе. А я поплёлся смотреть, что успела сделать Маша. И, может быть, продолжить её работу. До обеда ещё есть время. Можно неплохо потрудиться.

Всём хороша моя наставница! Умница, красавица, руки откуда надо растут, но... Кто ей носил раствор, пока меня не было? Если она сама, то где он? Ответа нет.

Пришлось мне опять начинать сначала. Принёс сломанные носилки и сразу же остатки кирпича. Потом, с ведром бегал по лестнице, нагружая ноги и спину. С одной стороны это хорошо. Какая никакая, а физзарядка нужна. С другой стороны с этим надо разобраться.

Казалось бы, времени до обеда много, а вот, с этими приключениями, не заметил как оно закончилось. Каждый раз выбегая к корыту с раствором, я, чувствовал на себе чей-то взгляд. Не сказать, что чувствовалась опасность, но... напрягало. И главное, не могу понять откуда идёт это внимание. Несколько раз останавливался, на межэтажной площадке, чтобы осмотреться. Оконный проём это позволял. Виден был весь двор и даже, немного территория за складом. Первым, под моё подозрение, попал прораб Иванов. А кому я ещё нужен? Но даже его тени в обозримом пространстве не наблюдалось. Странно это!

Весёлая женщина, табельщица Татьяна отдала мне талончик на обед. Я с ней наконец-то познакомился. А-то всё время было некогда. Есть такие женщины — зажигалочки. Вот это точно про неё. Десять минут разговоров, а я уже всё про неё знаю. Причём сделано это было с юмором и шутками. Дольше пришлось уговаривать назвать имя. Хотела, чтобы я, как и все, называл её по отчеству. Но куда ей против прораба с его опытом. Эх!

На обед пошёл один. Опоздал немного. Заковырялся с гидроизоляцией и не слышал как меня звали. А может и не звали? Короче, теперь быстро иду и надеюсь, что ребята пропустят без очереди. Понимаю, что спешка моя может привести к травмам. Но, чувство опасности гнало меня вперёд. В столовой почти все, кто работает на стройке. Так что имеется большой шанс увидеть того, кто интересуется мной, если конечно он будет в общем зале. Как же заколебали эти уроды! Кто бы знал?

В столовой чувство постороннего взгляда пропало. Значит угроза исходит не от тех, кто на данный момент находятся в зале. Ещё страньше! Может кто из милиции скрытно за мной наблюдает? А я, из-за отсутствия определённых навыков, не могу его обнаружить? А что? Стоит какая-то машина на улице и там сидит человек. Я его никак не могу заметить. Зато ему хорошо меня видно. Ладно, нефиг сейчас рефлексировать — сначала обед, а попозже проверю. Тем более, что запахи в зале столовой стоят умопомрачительные. Теперь-то меня никто не сможет остановить. А те, кто проявляют интерес ко мне, пусть захлебнутся слюной от зависти.

Ребята пропустили в центр очереди. Это порадовало. Значит какое-то, а место и значение в коллективе я имею. Ещё бы с этим чувством опасности разобраться. Тогда, считай половина того, что нужно, для моего вранья, в это время и общество, выполнено.

Глава 20

День сегодня какой-то необычный. Умиротворение и спокойствие в воздухе. А также погода подходящая. Сходили на обед. Я, в этот раз, не стеснялся. К порции, что положено по талону, дополнительно взял разных вкусовостей. Деньги есть, чего бы не взять? Наелся до икоты и состояния Винни Пуха. Это когда он вылезти из норы не смог. Вот и я так же еле-еле дошёл до лавочек на аллее. Сидим с наставницей и балдеем. Хотел анекдот какой-нибудь рассказать, но не смог — лень. Расслабуха полная. И солнышко, в этот раз, над нами сжалилось. Постоянно скрывается за тучками. Так что обычной в это время жары нет. Ещё бы пару минут и заснул бы нафиг.

Они появились неожиданно. Пятеро. Двое приближались справа по аллее, а трое слева. Молодые. Один сразу показался знакомым. Не скажу что близко, скорее всего, встречались мельком или где-то видел. Настрой парней был виден невооружённым глазом. У ребят чесались кулаки и они шли, чтобы унять этот зуд. Шли быстро и молча. Пара секунд и они будут рядом.

Бежать не вариант. Со мной моя наставница. Я-то убегу, ноги у этого тела длинные, да и опыт уже имеется. А она?

Решение пришло внезапно. Толкаю Бартолье в бок. Помогая ей подняться с лавки, быстро и негромко даю указания. Она сначала смотрит по сторонам, а потом резко стартует в сторону стройки. Надеюсь что добежит быстро. Сам же бегу в противоположную сторону. Там тоже недостроенный дом и можно легко затеряться на стройплощадке. Не успел сделать и пяти шагов, как, из-за стопок шпакетника, мне, прямо под ноги, влетает паренёк в рабочей одежде.

На ногах удержался, но время потерял, пока восстанавливал равновесие. Ну что же? Убежать не удалось. Значит приступаем к плану «Б». Он прост по своей сути и лёгок до безобразия — прорваться сквозь этих балбесов и убежать. Драться с озабоченными не входит в мои планы. Но план хорош, до того момента пока не начнёшь его воплощать. Так и сейчас получилось. Любитель хватать прохожих за ноги видя, что я готов что-то предпринять, извернулся как кошка и прыгнул из положения лёжа. Теперь уже хватая меня за пояс. Вцепился как клещ. Мне пришлось сбивать захват, стуча ему по его дурной голове. Ну и пару раз пнул ногой, куда смог достать — в основном по копытам, чтобы не брыкался. Пока я занимался этим благородным делом, подбежали остальные любители подраться. То чего опасался, всё-таки произошло.

Отвлёкся на секунду, чтобы посмотреть как дела у Маши. Вроде убежала. И тут же, весь мир засиял множеством звёзд. А голова просто взорвалась болью, от удара в лоб, прямо над правым глазом. Пропустил удар. Чёрт!

Опять стараюсь сохранить равновесие. Делаю раскачку из стороны в сторону. Выпрямляюсь. Уворачиваюсь. Правый глаз почти закрыт, пока от боли, потом опухнет, конечно, но когда это будет. Поэтому смотрю только левым. Пропускаю удары. Спасает неорганизованность нападения. Им бы по-одиночке с разных сторон, а они все вместе. Вот и не выходит у них ничего. Опять пропустил. Пока по рукам и вскользь по телу. В голове, только одна мысль — не упасть! Забьют нафиг! И фамилии не спросят.

Долго так продолжаться не может. Понимаю, что сил у этого тела почти не осталось.

Слишком много лишних движений и полный желудок. Делаю последнее, что возможно в моей ситуации. Хватаю одного кренделя и, как в вольной борьбе, беру его в крестовый захват. Теперь у меня лишняя точка опоры. Но и стоять нельзя — это всё-таки не борцовский ковёр. Двигаюсь в бок по кругу. Двигаюсь. Голову прячу, прижимаясь к груди противника. Мысль только одна — не падать. Двигаться! Устоять на ногах!

В какой-то момент, удары перестали сыпаться со всех сторон. Послышались возмущённые крики и глухие удары. Тело, за которое я держался, начало заваливаться вбок. Отпускаю руки и даю этому балбесу сползти на землю. Чьи-то руки подхватывает меня.

— Я не упал! — кое-как, тихо рычу в пространство.

— Молодец Вилор! — слышу, но не вижу кто сказал.

Мне помогают дойти до скамейки. Один глаз вроде бы видит. Второй точно закрыт из-за набухающей гематомы. В голове звон и какой-то гудёж. Как бы не сотряс схлопотал.

— Они неожиданно напали, — сквозь шум в ушах, слышу знакомый голос своей наставницы, — мы после обеда сидели отдыхали на лавочке. Я вообще ничего не видела. Вилор вдруг вскочил и кричит: — «Маша, я их отвлеку, а ты беги на стройку», я и побежала. Кто такие и чего они не поделили?

— Одного-то мы все знаем, — с угрозой в голосе сказал, скорее всего бригадир Шкато, очень узнаваемый говорок, — и это точно наш подсобник Феликс. Он практику здесь месяц назад проходил, от строительного техникума. Потом остался подработать до начала сессии. Чего это они с Тихим сцепились? Не пойму.

— И я не понимаю, — опять влезла в разговор Бартолье, — ни на минуту, его одного оставить нельзя. Обязательно влезет в какую-нибудь передрыгу. Вот и тут! Пять минут не прошло, а он уже с синяками! И спросить не у кого. Этот подсобник быстро бегает. Утёк хулиган.

Тут-то всё и срослось в этой непонятной истории. Хоть и шумело в голове, но мыслить-то я не перестал. Этот гад Феликс узнал меня. Наверное он участвовал в погоне за мной. Это — когда я скрылся на проходной пивзавода. А узнав, банально слил своим друзьям по «Монетному двору». То-то меня не покидало чувство чужого взгляда. Он выжидал, а скорее просто ждал обеда и одновременно, незаметно наблюдал за мной. Я узнал одного из напавших, за несколько секунд, до драки. Его имени я не знаю — некогда было спрашивать в тот раз, но это тот, кому прилетело сумкой по горбу. Резкий пацанчик. Но, мне почему-то стало смешно. Я как бы посмотрел на, мою драку со стороны. Непонятно откуда пришла ассоциация с известной, в той жизни, песней: — «И эта акула узнала, что значит румяные парни из нашей ремонтной бригады». Только парни из строительной бригады, а не с ремонтной и не акула, а малолетние хулиганы. Лезет всякая фигня в голову, а там и так не всё хорошо. Слава богу или кому там ещё, но вроде бы отпускает понемногу. Тёмные круги перед глазами как бы пропали. Да и отдышался неплохо за это время. К тому же свежий воздух вокруг и нормальная экология. Полегчало.

Суэта вокруг меня становилась всё шумнее и многочисленнее. Народ прибывал и прибывал. На соседней лавочке выступал Семён Семёнович Шкато. Он успокаивал всех и просил разойтись по рабочим местам. Наконец, устав голосить просто так, сдался и выложил краткую версию произошедшего. Но, перед этим, предупредил всех, что обеденный перерыв вообще-то заканчивается и все обсуждения будут во время работы. «Ибо нехрен впустую языком молоть, когда можно молоть и работать! Дом сам не построится!» — примерно так и сказал.

В это время, надо мной хлопотала вся женская часть коллектива, с различными строительными специальностями. Слава коммунистическим вождям: всем сразу и поодиночке — после обследования выяснилось, что тело моё почти не пострадало. Синяки, ушибы и ссадины — это всё есть или появятся скоро. Зато, сильных рассечений удалось избежать. И самое главное это мой нос; он совершенно не пострадал. Как и уши; им в этот раз, почти не досталось. Чутка и вскользь — это ведь не считается? Короче, когда меня осмотрели и отёрли от пыли, а заодно смыли водой всю грязь, то оказалось, что я легко отделался. А то, что голова болит и гудит, я никому не скажу. Зачем? Ещё в больницу упекут, для обследования и лечения. А оно мне надо? Хотя, если положат в клинике рядом с Катериной, на соседних кроватях, то я согласен. Будет под моим присмотром, а то обязательно что-нибудь учудит со своей гиперактивной ответственностью. Теперь, буду светить фонарём заплывшего глаза и сверкать синяком на лбу. Это мелочи, бывало хуже. Но... удар хороший. Жаль, что не заметил, кто и чем. Слишком всё быстро произошло.

Пока я чутка отвлѣкся, на свои, сугубо личные переживания. Товарищ Шкато Семѣн Семѣныч, очень коротко и сжато, описал эпический подвиг Вилора Тихого. Если опустить всякие там: «аки лев», «защитил честь молодой мамы» и «настоящий комсомолец», то вышло что я, теперь, как минимум должен жениться на Бартолье и никак иначе. Нафига, тогда, спрашивается защищал её? Это же надо было так выступить нашему бригадиру, что я сам себя почувствовал героем. Вот это Шкато зажёг — не по детски прям.

После таких слов, вся толпа с большим интересом стала поглядывать, на бледного меня. Пришлось, чтобы не разочаровывать народ, как-то подсобратиться и сделать вид, что я вполне себе готов к труду и обороне. Встал со скамейки (мысленно сжав зубы), как и все похлопал в ладошки. Не знаю, что сыграло роль, но... блин. Я вдруг понял, что могу пойти работать. Не то чтобы боли не было, просто её можно было терпеть. Через силу и скрипя зубами — но, до конца смены, я продержусь. Надо — это обдумать. Пришлось опять плюхнуться на лавку. Может быть этот — мой рабочий порыв, в будущем, чем-то аукнется и отзовется. Может быть, впоследствии, я буду жалеть о том, что не ушёл с работы. Не знаю. Но, сегодня я должен остаться и хотя бы морально поддержать Машу. В конце концов, ведро раствора с горем пополам принесу.

Следующим, на импровизированную трибуну, в виде лавочки, забрался товарищ Иванов. Его, между прочим, никто не звал! Этот небезызвестный прораб светлого будущего, имел свою точку зрения на происшествие. Но, для начала, как и бригадир Шкато, предупредил всех, о скором окончании обеденного перерыва. А далее, в короткой речи, буквально за пять минут, обвинил меня во всех смертных грехах, начиная с пьянства на рабочем месте и заканчивая откровенным саботажем политики партии. Сказать, что народ офигел — это значит ничего не сказать.

Я попытался встать со скамейки и что-то ответить, но Сергей Сергачѣв наш комсорг сунул мне сжатый кулак под нос. Я понятливый, поэтому сел на место. Зато Серѣга, прямо с места и в полный голос, потребовал от прораба не лезть не в своё дело. Ибо, товарищ Иванов поставлен здесь, для того чтобы следить за соблюдением технологических процессов, а моральной составляющей должен заниматься представитель комсомольской организации. Поэтому заканчиваем прения, по данному вопросу и пи... быстро идѣм на работу. Я бы так сказать не смог. У меня язык, на такие перлы не заточен. Народ наверное тоже не совсем понял, о чём собственно идѣт речь. Зато, точно понял, что пора идти трудиться. Ну и пошли, чего там. Разошлись, продолжая обсуждать происшествие.

Со мной осталась Маша, как наставник и, возникшая из ниоткуда Татьяна Исипова, как духовный лидер нашей организации. Обе, различными уговорами и сладкими речами, стали склонять меня к противоестественным действиям. Прораб Иванов услышав, что они мне предложили, убежал в свой кабинет. Наверное, скоро опять приедет милиция. У этого человека в прорабской стоит телефон и на столе лежит блокнот с интересными номерами. Точно позвонит паразит мелкий.

Пока я отбивался руками и ногами от предложения, которое мне совсем не в тему, на аллее появился наш сварщик. Не помню, как его зовут. Так-то слышал, но сейчас просто вылетело из головы. Он пинками гнал перед собой парнишку. Одного из тех, что напали на меня.

— Вот держите подарочек! — сказал сварной, и отвесил подзатыльник пацану, направляя его в нашу сторону, — еле догнал скотину. Хорошо ты его приложил по ноге, — обращаясь ко мне, добавил парень, — но даже так, догнал с трудом. Все через забор сиганули, а этот не смог.

Маша и Татьяна, уперев руки в боки, нависли над поверженным пареньком. А он, поджав под себя ноги, обхватил голову руками, вдруг заверещал:

— Тётя Таня, я не виноват! Это он первый начал!

Недоумённые взгляды Маши и сварщика скрестились, на нашем комсомольском вожаке. Чудны дела твои Господи! Это — что это? Я с интересом, правда одним глазом, посмотрел на товарища Исипову.

Человек который рулит комсомольской организацией, априори не может быть слабохарактерным. Татьяна Исипова это сразу подтвердила. Сжав губы в тонкую полоску, она очень выразительно посмотрела, на это лохматое чудо, которое продолжало, что-то там всхлипывая говорить. Потом оглядела нас всех и спросила:

— Я отойду, с этим «племянничком» в сторону, поговорю чуть-чуть? — немного подумала и добавила, выплеснув эмоции, — родственников не выбирают. Свалился тут, на мою голову. Убью гадёныша.

А мне-то что? Я вообще пострадавший. Какие ко мне могут быть вопросы? Мне главное, чтобы они с Машей не спелись опять, когда всё закончится. А-то начнут опять со своими идеями приставать. А мне — это не надо! Так что пусть делает, что хочет. Надо племяннику экзекуцию устроить, пусть устраивает. А я посижу пару минут и пойду работать. Надо заканчивать, в конце концов, с этими санузлами.

— Коль? — Маша дернула сварщика за рукав спецовки, привлекая внимание, — ты зачем этого балбеса сюда привёл? Дал бы по шее и отпустил. Теперь разговоров будет...

— Машуль, а я что? — начал оправдываться сварной, — смотрю драка вроде прекратилась и все с Вилором возятся, а этот встал с земли и побежал. Я и подумал, что свидетель нужен по любому. Вот и побежал за ним. А тут видишь, как вышло.

— Ладно, чего уж теперь, — моя наставница вытянулась, стараясь стать повыше, чтобы посмотреть, как идёт разговор у Татьяны и малолетнего хулигана, — кто же знал, что они родственники.

Надо уходить. Прораб хоть и тормоз порядочный, но, в пылу энтузиазма, может прийти к нам, на санузлы, а никого нету. Что потом последует, можно даже не обсуждать. И так я на волоске здесь вывешен, на общее обозрение. Все за мной присматривают и заботятся, по своему. Блин... Ещё и комсомольцы, по ходу, взяли под своё крыло, в надежде на мою сознательность и какие-то там заслуги в Брянском детдоме. Эх!

Не успели мы далеко уйти. Я, Маша и сварщик Николай решили не ждать Татьяну Исипову. Пусть она хорошо пропесочит своего племянника, а мы пойдём на работу. Вот и вышло, что мы во двор, а милицейский ГАЗик за нами. Прораб падла! Заложил всё-таки. И чё делать?

Колюха, как самый из нас опытный, толкнул меня и Бартолье в подъезд, а сам уронил, себе под ноги, бочонок с известью. Ну и наклонился, типа собирает и грузит. Короче, через него, так просто теперь не пойдёшь.

— Спасибо Коль! — крикнула Маша и схватив меня за руку, потащила куда-то вверх по лестнице.

С одним глазом бегать, как-то не очень. Да и не то состояние, чтобы это делать. Поэтому я притормозил.

— Машуль, ты иди, — сказал я, морщась от боли в голове, — начинай одну перегородку, а я чуть попозже подойду. В случае чего, я же ученик; с меня спрос маленький.

— Вилор, а ты точно дойдёшь? — с тревогой глядя на меня спросила Маша.

— Да, куда я денусь, — безо всяких эмоций, чтобы не продлять этот диалог, ответил я, — стройка это мой дом родной.

Маша усвистала, а я наконец-то понял, что ни фиги не знаю, где нахожусь. Это вообще не тот дом, на котором мы работаем. «Ну Коля, блин сварочный, хоть бы предупредил, что ли!» — думал я, осматривая незнакомую планировку подъезда. Ещё и глаз один. Всё-таки хорошо, что у меня опыт есть. Иначе, застрял бы тут надолго. Подняться наверх, на строящийся этаж, удалось достаточно быстро. А уже тут можно и осмотреться.

На лесах работала бригада каменщиков. Никого из них, я не знал. Ничего. Я же не буду им мешать! Только посмотрю по сторонам и определюсь, куда меня занесло. Вариантов здесь немного. Ведь Маша тоже сюда побежала. А это значит, только одно, что пройти к нашему дому, через верх, можно.

Как и оказалось, никто ничего не сказал. Посмотреть посмотрели, а вот словами ни-ни. Народ, что удивительно, совсем не обратил внимание на мой бланш в пол-лица. Может ещё не очень заметно? Синяк, обычно, появляется к вечеру. Ну и ладно. Так даже лучше. Стоило только выглянуть наружу, как всё стало на свои места.

На улице Чичерина, строилось одновременно несколько домов. Причём не с одной стороны, а сразу с двух. Ещё были начаты два здания, на улице Калинина, которая пересекала Чичерина примерно посередине, но это совсем другое. Вот и получилось, что я с Машей, чуть-чуть не дошёл до дома, где мы работаем. Наш был следующий.

Отсюда, сверху, прекрасно было видно, что милицейский ГАЗон стоит возле растворного корыта, там где прораб проводит пятиминутки. Вот ведь! Можно было никуда не бежать. Милиционеры нас бы всё равно не заметили. Интересно, а Маша уже добралась до рабочего места?

Спуск вниз прошёл полегче. В этом подъезде, как-то всё и устроено было получше. Или я уже приспособился. Ненадолго тормознул перед выходом. Надо собраться силами и на одном дыхании проскочить открытое пространство. А там я уже почти на месте.

Только сделал первый шаг, чтобы с высокого старта двинуться к цели, как в меня врезалось какое-то тело. Не один я, в такое время, бегаю по подъездам, как оказалось. Мир привычно, на миг, раскрасился вспышками и звёздами. Потом темнота.

Как хорошо! Лежу. Никто меня не трогает. Я ни от кого не убегаю и никого не догоняю. Ляпота! Темно только, но это не проблема. Надо просто открыть глаза. Но, не хочу. Пытаюсь

разобраться в обстановке. Лоб и глаз болят но, уже не так сильно, зато челюсть ноет прилично. «Опять не заметил удар. Что-то, какая-то нехорошая тенденция пошла», — подумал я, — «Это был настоящий нокаут. Прямой в челюсть, а это, даже в перчатках убойная штука». Дурацкие мысли какие-то. Нет, чтобы думать о прекрасном. О скором наступлении коммунизма, например. Или о любви. Гм, да.

Видать, получать по голове, два раза в день, это мой предел. Потому что третий раз будет последним и я сойду с ума. Послышался шум шагов по деревянному трапу и сразу же, чьи-то голоса начали переругиваться:

— Что ж ты, Ритуль его так неаккуратно бросила?

— Как смогла, так и положила, тётя Лариса! Попробуй сама этого увальня потаскай. Тяжеленный как колода берёзовая.

— Всё равно, надо было поаккуратнее. У него вон, голова ниже ног лежит. Кровь к голове прильёт. Будет потом от боли мучиться.

— У меня, между прочим, синяк на лбу будет, из-за него и тоже, голова болит тётя Лариса. Так, что пускай радуется тому, что не бросила и хоть как-то помогла.

— Как же так вышло? — спросила, незнакомая мне тётя Лариса.

— Я сама не поняла, — начала отвечать, скорее всего, неизвестная девушка с именем Рита, — спешила с раствором, забежала в подъезд. Бум! И я сижу на попе, а этот упал. Головой в него врезалась.

Голоса начинали напрягать. Этот диалог тётя Ларисы и какой-то Риты, грозил затянуться надолго. Тем более мне всё стало ясно. Похоже, эта реактивная Рита ударилась своим лбом, о мою челюсть. В результате: у меня нокаут, а у девушки синяк на лбу и скорее всего, ещё один на попе. Раз она так переживает, что села неудачно.

Пришлось прерывать мой диалог, себя самого с собой и открывать глаза. Лучше бы не делал этого. Третьего удара по голове, я не выдержу. А это было очень похоже на удар. Серые глаза, что смотрели на меня, оказались оружием страшнее кулака товарища Попенченко, а уж у него был удар, дай бог каждому. С одного удара валил любого напрочь. Я пропал в этих глазах. Утонул. Теперь, куда бы я не смотрел, везде будут они — эти глаза. Серые, выразительные и с какой-то внутренней завлекающей силой — непонятной и необъяснимой. И взгляд этих глаз, поразил меня прямо в сердце, задев при этом, каким-то образом, мой мозг. А эти пушистые ресницы? Которые делали глаза ещё более выразительными. Только один раз я видел такие же. Всё пропало! Потому что я, окончательно и бесповоротно, влюбился. Вот так! С первого взгляда. И это не шутка. Хотя, может быть и шутка. Шутка высших сил. Или кто там этими вещами командует? Честное слово, я даже не обратил внимание на фигуру, на лицо и вообще ни на что. Девушка с такими глазами просто обязана быть идеальной во всём. Впрочем, что я там мог разглядеть? В подъезде! При плохом освещении! К тому же Рита была в рабочей форме и повязанной на голове белой косынке «а-ля бандана».

Всё дальнейшее происходило как в тумане. Я смотрел только, на «единственную и неповторимую». Всё пытался, вновь встретиться с ней взглядом. И всё остальное, что происходило вокруг, меня не волновало. Пофиг на милицию! Пофиг на работу! Пофиг на всё! Деньги у меня есть! Беру это чудо и валим с ней, куда-нибудь подальше. Подальше от цивилизации, где нас никто не найдёт. Дом построю сам — это я умею. И будем жить поживать... и так далее, в том же духе. Короче, вёл себя как дурень. Ну и мысли, соответственно, были такие же.

Меня подняли, отряхнули, покрутили на месте, осмотрели со всех сторон, решили, что всё в порядке и отпустили. Как я дошёл до Маши не помню. Совершенно. Пришёл и сразу включился в рабочий процесс. Чисто на автомате. Таскал кирпичи, месил раствор и делал вообще всё, что просила моя наставница. Через час, примерно, Бартолье внимательно глядя на меня спросила:

— Вилор, что случилось? Ты сам на себя не похож! Тебе опять кто-то угрожал? О чём ты, всё время думаешь? Что ты молчишь? Чего улыбаешься?

А что ей ответить? То, что я мысленно, почти построил трёхэтажный коттедж, на берегу озера Байкал. Или то, что мы с этой незнакомкой, испробовали, как минимум, половину поз из Камасутры, пока отдыхали от строительства дома (Вилор, конечно же, даже названия этой книги не знает, тут опыт прораба сыграл свою роль). То есть — это я отдыхал от стройки, а она просто отдыхала. Не скажу я ничего. Не дождётся эта Бартолье от меня правды.

В своих чувствах разбираться некогда. Но и так понятно, что это — опять, всё та же долбанная химия молодого тела Вилора. Разбираться буду в спокойной обстановке. Желательно после изматывающей тренировки.

В себя, более менее, пришёл, как только к нам на этаж прибежала наш секретарь Исипова. Сразу посыпались просьбы, советы и обещания. В этом был и положительный момент; Маша перестала, подозрительно смотреть на меня и доставать дурацкими вопросами.

Всего-то и надо сходить в прорабскую, куда меня вызывают. Всех уже опросили. Остались только мы с Машей. Сначала у меня было желание, что-нибудь сломать или грохнуть об пол. Какой день идёт, а мы так и не можем закончить первые ряды перегородок. Постоянно, что-то мешает — то одно, то другое. А тут ещё и это! Но, злость моментально испарилась, как только я подумал, что по пути к прорабской могу встретить Риту.

— Мать перем.! — чуть не выругался я и тут же добавил, — фигли стоим? Побежали к прорабу в его эту комнату.

— Вилор, — держа меня за рукав комбеза, предложила Татьяна, — давай я, тебе, синяк мелом запорошу. Опухоль, конечно, не пропадёт, а вот цвет получше станет. На стройке это обычное дело. Здесь, не то что мелом, но и краской можно испачкаться. Мало ли что случилось.

Неожиданно её поддержала Маша. Которая тут же развила бурную деятельность. Мел у неё всегда в наличии. Подвела меня, к оконному проёму и начала мазать лицо этой фигнёй. Не знаю, что там получилось, но эти две любительницы остались довольны.

До прорабской шли со скоростью черепахи. Я смотрел по сторонам, в надежде увидеть Риту. Но, видать наверху решили, что хорошее на сегодня закончилось. Её нигде не было видно. Хотя такого не могло быть. Она же носила раствор, когда столкнулась со мной. Значит должна выходить на стройдвор. Бартолье никак не могла понять эту мою медлительность. И просто подталкивала иногда, для ускорения, в спину. Это не помогало.

Как бы я, не старался оттянуть неизбежное, оно наступило. Мы дошли. Сразу же в голове возник другой план. Надо быстренько закончить все эти мероприятия и отправиться на поиски девушки. А что? Я не сошёл с ума и хочу просто познакомиться. Может она замужем и я тут вообще не в тему. А вот если нет, то тут совсем другая картина вырисовывается.

Приняв, новый план к действию, я обогнал Машу и почти влетел в прорабскую.

Стремясь, как можно быстрее закончить эту бодягу. Но, меня вежливо отправили подождать на улице и пригласили только Бартолье. Вот фигли они? Я тут, можно сказать, сам пришёл. А они, как и все крючкотворы во всём мире, не хотят ничего делать как надо. Им надо делать так, как им хочется. Тьфу бл.!

На улицу так на улицу. Если они думали, что это меня каким-то образом заденет или оскорбит, то могу уверить, что ничего такого не произошло. Короче, пофиг мне! У меня теперь, помимо задания от деда, есть ещё одна цель. И я намерен этой цели добиться.

Уходить из-под окон, где засели менты, не буду. Ну их нафиг. Потом ещё обвинят в побеге. А оно мне надо? Вот и я про то. Так что устраиваюсь поудобнее и начинаю сканировать окружающее пространство. В поисках необходимого объекта, то есть девушки Риты.

Вот, кажется, что внизу, на стройплощадке, нет и не видно никакого движения. Ходят три непонятных работяги, что-то там делают и, по ощущениям, спят на ходу. Но это в корне неверное утверждение. Рабочий процесс идёт. И идёт он — так как надо! А-то, что нет суеты и выставленной на показ ненужной спешки — это заслуга вот этих самых ребят. Мне, с моим опытом, видно всё невооружённым взглядом. Даже то, что они не просто специалисты, а профессионалы высокого класса. Именно то, что нет никакой суеты это подчёркивает. Если бы там, наверху, чего-то не хватало или, не дай бог, было что-то лишнее, то крик бы стоял такой, что всем чертям было жарко. И никакой прораб, каким бы опытным он не был, этого бы не исправил. Так что, если кто и знает, о том, где находится красавица с именем Рита, то только эти ребята.

Найти повод, чтобы начать разговор, никогда не составляло, для меня, проблемы. О чём поговорить на стройке, не отвлекая и не мешая? Легко! Это же стройка!

Ребята молодцы, а я конь педальный. Нет, ну ладно там закрутился или, что-то случилось такое, что напрочь отключило мозг. Блин... Хорошо, что есть нормальные люди. Напомнили, что строятся несколько домов одновременно. И искать нужного человека, надо там, где её встретил! Балбес, что ещё сказать!

— Гражданин Тихий, пройдите в кабинет! — раздался крик, прямо из окна прорабской. Пойду потихоньку. Послушаю, что мне скажут хорошего.

Глава 21

«... любая проблема является двигателем развития...» (Гегель "Законы развития мироздания").

«Всё проблемы из-за женщин» (Адам)

Сначала, мне не понравилось, что не дали поговорить с Машей Бартолье, когда я встретил её в коридоре. Причём сделали это нарочито грубо. Увидев, что я остановился возле девушки, меня окрикнули, применяя совсем уж непечатные выражения и запретили останавливаться. Хотелось ответить. Да так, чтобы рифма была и смысл был соответствующий, но — не дали. Потом, чуть ли не пинками загнали в кабинет и усадили, на единственный, свободный стул. Хрям с вами! Потерплю. Но, зачем так-то? Вот и испортилось настроение.

Двое сидят за столом и один слева, на стуле, отдельно. Все трое молчат и смотрят. Ну, этим меня не удивить. Они бы, ещё в доброго и злого полицейского поиграли, ага. Фиг вам! Не дождётесь!

— Ну, раз гражданин Тихий, не хочет сам признаться, — произнёс один из тех, что сидели за столом, — приступаем к официальному допросу.

Чё? Правда? Да, ладно?! Наконец-то! Проснулись, мать — перемать и всё такое! Что самое удивительное, так это то, что этими словами они меня отвлекли. Я только-только нащупал, какую-то умную и одновременно здравую мысль. А тут такое!

Дальше, как и всегда, началось. Имя, фамилия, отчество, год рождения, год смерти, дата вступления в партию, ну и так далее и тому подобное. Ничего нового. Зато, когда закончилась официальная часть, то начался натуральный допрос. С применением различных методов убеждения: от запугивания до поощрения. Слава Джордано Бруно, силовые способы ко мне не применяли. А-то многое и всякое разное слышал про это время. Через какое-то время я заметил, что протокол не ведётся, какие бы ответы не давал. Вообще! Неужели история повторяется? И опять — это просто профилактика правонарушений? Да и вопросы были из разряда "сам себе придумай статью и срок". То есть, они не знали к чему докопаться и в чём меня обвинить. Просто напросто отработывали вызов. А это значит, что, как мы и договаривались, все свидетели рассказали правду. Кроме одной, маленькой детали, которую совместно решили не выставлять на общее обозрение. Ха! Молодцы! Значит и я их не буду подводить. Татьяна Исипова может быть спокойна, про её племянника никто не узнает. Да и вообще, я никого не запомнил. А впрочем, драки тоже не было. Так, потолкались немного. А когда я споткнулся, всё куда-то убежали. Как-то так.

Улучив минутку. А точнее пару секундочек. Когда в интенсивном допросе возникла небольшая пауза. Я прямо и со всем своим уважением, поинтересовался:

— Товарищи! А что собственно случилось?

Более дурацкого вопроса, я просто не успел придумать. Но, надо же как-то менять наш формат общения. Вот и брякнул, что первое пришло в голову.

Никто мне, конечно, ничего не объяснил. Скорее наоборот. Ссылаясь на показания, каких-то там свидетелей, меня обвинили в организации драки. И, по словам всех присутствующих, мне очень повезло, что это происходило в обеденный перерыв. Иначе — это была бы, совсем другая статья. В общем, всё вернулось, к тому, с чего и начиналось.

Заколебали короче. Я им одно, а они мне другое.

Вырваться, от этих монстров следственных действий, мне удалось минут через сорок. И то, благодаря нашему бригадиру Шкато. Который ворвался в прорабку и начал при всех, меня отчитывать. Типа, я специально скрываюсь вместо того, чтобы как все работать. Его, сначала, хотели выгнать. Даже пригрозили арестом и следствием. Потом, всё-таки решили посадить рядом со мной, раз уж он сам пришёл. Но, не тут-то было! Старого коммуниста тюрьмой и допросами не испугать! Не знаю откуда, он взял необходимые слова и чем, смог убедить милиционеров. Но, в конечном результате, всё поменялось кардинально. Меня стали склонять к тому, чтобы я написал заявление, о нападении. То есть, они хотели, чтобы я стал потерпевшим. Тьфу, блин. Слово какое-то, не очень хорошее. Отбрехались от такой, сомнительной чести вдвоём. Причём, милиция, в лице трёх представителей, настаивала на возбуждении дела. Иначе, зачем их вызвали — в конце-то концов?

На это, у нас с бригадиром, был универсальный ответ: "Кто вызвал, тот пусть и отвечает!" и никак иначе. Короче, после недолгого совещания, нас отпустили. Потому что, как там в поговорке "Нету тела — нету дела", а у нас ещё лучше: нету заявления — идите на ху... художественную выставку! Мы его писать не будем!

И всё-таки один положительный момент в этом был! Я наконец-то немного разобрался в том, что это за МГБ такое? Когда мне стали предъявлять срыв сроков стройки. Тогда я, ни к селу ни к городу, за каким-то фиггом произнёс: — «Если меня обвиняют, в чём-то политическом, то пусть этим делом занимается НКВД, а не РКМ». За что, вместо ответа получил лёгкий подзатыльник от нашего бригадира. И конкретное, его же обещание милиционерам, разобраться со мной своими силами. А если надо, то и привлечь, к этому, несомненно полезному делу, всех комсомольцев нашей строительной организации. Потом, уже в коридоре, этот уважаемый человек, мне попенял:

— Что ж ты меня позоришь? Совсем, что ли обалдел? Нету НКВД и РКМ давно. Тепер это всё МГБ.

Пришлось как-то выкручиваться и говорить:

— Не забыл! А просто хотел напомнить в чём разница.

— Ага, блин! — с какой-то тоской в голосе, тихо произнёс Шкато, — ты напомнил, а они запомнили кто это сказал. Вот, что мне теперь с тобой делать?

Пришлось, в стиле товарища Александра Родионовича Бородача, отвечать, опустив очи долу и грассируя, на французский манер:

— Понять и простить!

— Ну, вот и пиз... — Шкато резко прервался и почесав затылок, продолжил, — то есть быстро беги, к своей наставнице. И давайте там, заканчивайте уже с первыми рядами. Пока свободные люди есть, надо вам леса поставить. Иначе сами будете их ваять. Там ребята помогли немного. Кирпича натаскали и растворчика с цементом принесли. Все условия вам создали. Так что работайте и не на что не отвлекайтесь.

Пожав руку этого человека, я помчался к Маше. Мыслебурление и мыслеброжение только так можно назвать то, что происходило в моей голове. Послеобеденный сотряс, Катерина в больнице, серые глаза красивой девушки Риты, МГБ вместо НКВД, дедовское задание, завтрак в общежитии и столярная мастерская — это ещё не все мысли, что прямо искрились в моей голове. Надо что-то решать, чтобы эта фигня в голове прекратилась. А-то рванёт, не дай бог. Чём я потом думать буду?

Вроде недалеко идти. А так и не смог добраться. Некстати на меня накатил отходняк.

Совершенно неожиданно почувствовал сильнейшую слабость. Ещё эта боль в голове, что стучала в виски и затылок, а рикошетом отражалась прямо в лоб. Пришлось тормознуть и проблеветаться в тенёчке. Значит — точно сотрясение и вдобавок упадок сил. Ничего. Пару минут отдохну и всё будет в порядке. Мне бы аспиричику шипучего. Враз полегчало бы.

— Что с тобой паря? — чей-то голос отвлек меня, от борьбы с тошнотой.

— Нормально всё, — в своей привычной манере, как можно бодрее ответил я, — перегрелся на солнышке.

— Что ж ты так?! — произнёс стропаль, один из тех, кто работают внизу. Я наконец-то разобрался, кто со мной говорит, — надо в головном уборе ходить. Особенно в такую жару.

Вот ведь! Точно! Кепка! А я всё думал, чего мне не хватает? Начинаю вспоминать, где и когда, в последний раз, я её видел. Не вспоминается. Перед тем, как на меня напали, кепка точно была. Я её ещё поправил, когда соображал как поступить, увидев злобных чебурашек. А вот потом — не помню. Не до этого было.

Мысли, о головном уборе, немного отвлекли, что позволило встать в полный рост. Хотя голова по-прежнему болела, но приступов тошноты не было. Стropаль внимательно наблюдал за мной. Видя что мне полегчало, он протянул армейскую фляжку. Не кочевряжась, я взял и сделал пару глотков. А что? Нормальный квас. Домашний. Кислый, аж глаза прищурились.

— Ух! — только и смог сказать я.

— А то! — довольно осклабился стропальщик, — смотрю тебе полегчало, тогда беги куда шёл, тут может быть опасно; кран работает как никак.

Меня долго уговаривать не надо. Пошёл, всем своим видом показывая нормальное самочувствие. На самом деле, было тяжело. А может вернуться и попросить у прораба, какую-нибудь таблетку? Должна же быть у него аптечка, в конце концов. Или он вообще, ни ухом ни рылом, в технике безопасности на стройке и оказании первой медицинской помощи? Тогда я полон сочувствия к директору "Калужстроя".

Размышляя, на эту тему, потихонечку добрёл до нужного подъезда. Поднялся наверх. Маша, как почувствовала, встречала меня, выглядывая из-за дверного проёма. А окончательно убедившись, что это я, расцвела своей неповторимой улыбкой. Эх! Как же она похожа на Макогонову. Но, не будем о этом.

Первое, что сделала Бартолье — затащила меня в коридор. Потом попыталась, пользуясь своим ростом, меня отшлёпать; пока никто не видит. Ага! Фиг там! Меня тут же скрутило в рвотных спазмах. Только метать уже нечем было. Так что, я исполнил, только, звуковую часть арии "рыголетто". Маша зашла в "охах" и "ахах", а я продолжал сольную партию. На шум и непонятные звуки подтянулись девушки-штукатуры. Меня тут же, всеобщим решением, уложили на пол. Водрузили на голову мокрую тряпку. Стали впятером создавать сквозняк, размахивая всем, что попало под руки. Опять, из-за меня, мы ничего не успеем сделать. Но, как же я ошибался!

Это другое время. Это другие люди. Понятия — взаимовыручка и общее дело, ещё не потеряли своей актуальности. Две, из четырёх девушек, вернулись к своей работе, а остальные стали помогать Маше. Мне оставалось только наблюдать за их работой.

Кто там сказал, что: «Бесконечно можно смотреть на три вещи: горящий огонь, бегущую воду и на то, как работает другой человек»? Я бы немного изменил, а точнее, добавил к этим словам. Можно не только смотреть, но и получить кучу полезной и не очень информации, если работают три девушки. Такой объём, на меня свалился, что головная боль убежала до

той поры, пока я всё не обдумаю.

Кто с кем снюхался — это можно пропустить. Кто залетел и когда свадьба, тоже нафиг. А вот слухи и настроение в коллективе, после всех происшествий, с моим участием — это именно то, что нужно. Знаю, что подслушивать нехорошо. А что мне остаётся делать? Они сами, по моему, с удовольствием обсуждают все новости, зная, что я их слушаю.

Большинство, а это в основном женщины (война недавно закончилась, мужчин мало на стройке), на моей стороне. Даже больше, меня считают если не героем, то очень смелым парнем; настоящим комсомольцем и перспективным женихом. Что не мешает, им же, склонять меня всякими нехорошими словами. Особенно за то, что всё решаю сам — не с кем не посоветовавшись. А получается так, что страдает весь коллектив. Мне прямо-таки плохо стало, от таких слов. Хотя, куда уж хуже. Перед глазами замаячила перспектива взятия на поруки. Была такая мера, или скорее метод, воздействия на непонятливого индивидуума. Вилор, в моей голове, тут же стал рвать все воображаемые волосы, по всему телу, а прораб, только сплюнул, тоже мысленно, при этом пообещав самому себе прислушиваться к мнению старших и не влезать больше никуда и никогда. Как ни странно, но, из-за этих мысленных разборок, кровообращение в мозгу усилилось и мне неожиданно полегчало. Насколько, что я смог принять сидячее положение, безо всяких последствий.

Между тем, девушки решили сделать перекур. Конечно же, не в полном понимании этого слова. Просто отдохнуть. На меня красивого полюбоваться. Водички попить самим и мне немного, от своих щедрот, выделить. Тряпочку на лбу поменять, на более мокрую и холодную. Попутно, ведь языки свободные, обсуждали глобальные проблемы нашей организации.

Со стороны всё это выглядит наверное комично. Когда, вновь объединившись, пять девушек, пытаются меня вернуть в нормальное лежачее положение, поменять компресс и обсудить политику партии одновременно. Мне смешно не было. Тошнота, покинувшая мой организм на время, опять вернулась. Зато информация полилась рекой.

Опять-таки, отфильтровывая всякую шелуху, о красавчиках и симпотяшках, а также будущих детях, я наконец-то вник в то, что происходит в руководстве Калужской области. Не полностью, конечно, но достаточно для анализа.

Бурилина Андрея Ивановича, как оказалось, ещё зимой, указом из Москвы, перевели в другую область. А на его место назначили Симонова Александра Васильевича. За каким фигом и кому это надо девушки не упоминали. Может не знали, а может просто не интересовались. Да и мне собственно не важно. Важно другое! Передача дел идёт до сих пор! Полгода уже! Слишком много было завязано на Андрее Ивановиче. К тому же Бурилина в Калуге очень уважали. Именно за то, что он почти полностью восстановил промышленный потенциал города. Невзирая на послевоенную разруху. И не только восстановил, а пользуясь полной поддержкой населения и грозным мандатом из Москвы, начал строительство новых объектов. А тут, какой-то неизвестный хрям с горы приезжает и пытается что-то сделать сам! Ясен пень у него ни фига не выходит. Вот он и тормозит передачу дел, для лучшего понимания обстановки. Товарищу Бурилину ничего не остаётся делать, как мотаться туда-сюда как челнок — там, на новом месте принимая дела, а здесь в Калуге сдавая. Поэтому никаких дел в МГБ и не заводится, не уголовных и уж тем более политических, чтобы окончательно не похерить замену одного начальника другим. Вот! Теперь я разобрался. Мне стало легче. А-то чёрт знает что начал думать. Уф! Да!

Девушки давно убежали работу доделывать, а я перевариваю информацию. Повезло,

наверное, попасть именно в этот промежуток времени. Дед как знал и позаботился об этом. Надо и мне не подвести старого интригана. Но, как он всё рассчитал, а? Вот ведь! Ладно.

Что-то девушки притихли и разговаривают шёпотом. Забыли, наверное, что на стройке не действуют нормальные законы физики. Тут звуки распространяются не так как надо, а совершенно непредсказуемо. Полусидя, привалившись спиной к стене, я прекрасно слышал весь их разговор. Конечно же мешали посторонние звуки, коих на строительстве немало, но мне-то всё было отчётливо слышно. Сейчас, прямо в нескольких шагах от меня, осуществляется заговор против... меня?!

Да-с! Женщины, в каком бы возрасте они не находились, остаются маленькими девочками. Всё бы им поиграть в куколки. Поженить Кена и Барби, сыграть свадьбу Вани и Мани, познакомить какую-нибудь с кем-то там. Вот и тут, после того, как были вымыты все мои косточки, девушки сделали свои выводы и приняли решение. Интересно было их послушать.

Получается, что все мои поступки от недостатка любви. Какая может быть любовь в детском доме, откуда она там? Папы и мамы у парня не было отсюда и привычка рассчитывать только на свои силы. Кто может заменить родителей в детдоме, если там одни воспитатели? Книги он точно не читал и фильмы не смотрел про любовь. Откуда в детдоме кино и книги про любовь? Ещё и эта проклятая война, будь она проклята! Парень даже не мог в театр с девушкой сходить. Откуда у него деньги в детдоме? В общем — это всё надо менять. И в первую очередь, конечно же (кто бы сомневался), надо его познакомить с хорошей девочкой. Научить, как с ней правильно обращаться и взять все их встречи под контроль. Чтобы у них всё было хорошо и правильно. Потом свадьба и дети. А мы присмотрим и поправим, если надо. Я даже всплакнул. Честно. И-эх!

Мой вздох был услышан. Тут же раздались крики:

— Это Вилор! Ему плохо! Бежим! Надо скорую помощь вызывать! Дура! Сама такая!

А я сполз по стеночке и улёгся на таком удобном и тёплом полу. Меня не с кем не надо знакомить! Есть только одна и единственная! Девушка Рита с такими замечательными серыми глазами. Дайте мне только немного времени, чтобы мой фейс пришёл в порядок. Я сам познакомлюсь с ней.

Наверное я что-то произнёс в слух. Потому что, когда я открыл глаза и попытался принять более менее удобное положение, вокруг стояла тишина и пять девушек. Все они смотрели на меня и чего-то ждали. А вот фиг вам! Ничего не скажу! Не хочу чтобы меня направляли и поправляли. Сам умею и знаю, что делать с девушками.

Первая поговорить со мной, решила Маша:

— Вилор, я надеюсь ты мне всё расскажешь?

— У-у, — промычал я в ответ.

— Так, девочки! — приняла решение, возмущённая моим поведением Бартолье, — выдите на минуточку. Мне надо поговорить с моим учеником!

Думаете они ушли? Куда там! Эти слова, как и сама просьба Маши, только подкинули дровишек в костёр любопытства. Четыре подруги, уперев руки в бока, свирепо сдвинув брови, притоптывая от нетерпения, окружили нас с Бартолье. Маша не растерялась. Села рядом со мной и обняла за плечи. Её рост здесь сыграл свою роль. Наши головы оказались на одном уровне. Наставница негромко, но, достаточно, чтобы всем было слышно, спросила:

— Это что же за шалава такая успела тебе голову вскружить? А? Ты, Вилор не бойся, мы никому не расскажем. Даже наоборот поможем. Мы же многих девочек знаем.

И вот что мне ей сказать? Как объяснить? Я же по идее, кроме имени ничего о Рите не знаю. Даже, если хотел бы, ничего толком объяснить не смогу. Мало ли в Калуге красивых девушек с серыми глазами? Хотя... А может это выход?! Взять и всё рассказать. А они помогут. Найдут. Ещё и приведут. Им же это в радость.

Сначала эта мысль мне понравилась. Секунду, наверное, нравилась. А вот потом... Иду я, значит, с Ритой из кинотеатра. До дома её провожаю. А эта толпа сзади, с фонариками, путь нам освещают. Лавочки свободные платочками от пыли протирают. Газетки подстилают. Маша впереди со своим нестандартным ростом хулиганов пугает, чтобы они нам не мешали. Только мы целоваться начинаем, как эта группа поддержки, хором начинают подсказывать... Да, ну, нафиг!!!

Я так резко дёрнулся, что Бартолье взвизгнула от неожиданности:

— Ты что!

— Извини Машунь, но я сам, — отодвигаясь, на максимально безопасное расстояние, твёрдо произнёс я.

Ага! Разбежался. Тут пять взбудораженных и готовых на всё, ради обретения тайны, женщин и я изображающий партизана. Молчание долго не продлилось. Первая не выдержала миниатюрная, светленькая в коричневой косынке девушка-штукатур. Имени не знаю. Не успел познакомиться. Она, громко возмущаясь, попыталась схватить меня за ухо:

— Ах ты паршивец! Быстро рассказывай кто она! Это что за шалава такая наших парней из общежития уводит?

Остальные моментально и молча, с ней согласились. Стоило, только, ей произнести слово "общежитие", как я её вспомнил. И ведь, фиг узнаешь сразу. Это же одна из тех девушек, что готовили кулеш во дворе общаги. Только тогда, у неё была нормальная причёска, а не косынка на голове. И сарафан цветастый, вместо серой робы. Ножки у неё, ещё такие пухленькие и симпатичные. Сейчас-то она в сапогах, вот я и не признал сразу. Блин...

Мне не давали подумать. Поэтому никак не мог решить, что делать. Постоянный прессинг в виде торможения и потряхивания, а также скороговорка вопросов из пяти глоток. Всё это не давало сосредоточиться. Точку в этом поставила Татьяна Исипова. Она привела, ко мне на разбор полётов, своего племянника. Уф! Лучше это, чем находиться среди пяти женщин, когда им, что-то срочно надо узнать, о чьей-то личной жизни.

Наша секретарь не стала тянуть резину. Рыкнула на девушек так, что те моментально испарились. Правда обещали вернуться, так как мы, вроде, не закончили. Но это когда ещё будет. Я прямо видел, как они сдерживаются, чтобы не наговорить лишнего Исиповой. Такие, пять кипящих чайников, которым заткнули носик и не дают спускать пар. Брызги и струйки, из под крышки, во все стороны.

Татьяна помогла мне занять удобное положение. Потом, мы минут двадцать беседовали вместе. Но, сначала, конечно же познакомилась с пацаном. Феликсом его звали. Студент третьего курса строительного техникума. На первый взгляд нормальный парень. Шестнадцать лет, а скоро будет семнадцать, плотного телосложения, невысокий и светловолосый. Чем-то напоминает актёра Золотухина в фильме «Бумбараш». Но, именно чем-то, не двойник ни разу. Он, кстати, принёс мне мою кепку. Подобрал, кто-то из тех кто напал, а он отобрал. Феликс поблагодарил за то, что не сдал милиции и обещал полную поддержку, если вдруг я соберусь поступать в технарь. Он там вроде как в авторитете. Я мысленно посмеялся над этими словами — но, на всякий случай запомнил. Вдруг

действительно пригодится. По окончании беседы, когда счастливый племянник убежал на улицу, Татьяна наклонившись к моему уху, спросила:

— Мне-то скажешь, в кого ты там влюбился?

Это не стройка. Это деревня какая-то! Вот откуда она-то узнала? Ведь, не было её рядом. Даже в пределах видимости не наблюдалась.

Я выдохнул воздух сквозь сжатые зубы. Даже моему терпению есть какой-то предел. Посмотрел на секретаря. Она, с ожиданием во взгляде и молча наблюдала за мной. Что ж тебе сказать-то, чтобы не обидеть?

— Давай, я потом скажу? — наконец-то, смог произнести я. И то, когда молчание слишком уж затянулось. Ссора, с предводителем комсомольцев нашей организации, не входила в мои планы. А там посмотрим.

— Ну нет, так нет! — ответила Исипова, как мне показалось с разочарованием, — ты только не затягивай с ответом. Ладно?

А может вместе с Татьяной и Феликсом выйти на улицу и потихоньку пойти в общагу? Феликс мне поможет дойти. А Татьяна поговорит с Машей, чтобы меня прикрыла, перед прорабом. И так, и так обдумав эту мысль, я решил, что не стоит оно того. К тому же Феликс, судя по голосами женщин, уже убежал на работу.

Интересно, а сколько сейчас времени? Долго этот день будет продолжаться? Первый раз в жизни я пожалел, что отказался от госпитализации. Сейчас бы лежал в больнице и в ус не дул. А теперь, мне надо очень тихо дойти до общежития и лечь спать. Потому что с завтрашнего дня у меня начнётся новая жизнь.

Как же, дали мне спокойно отдохнуть. В комнату прибежало уже семь девушек. Откуда взялись ещё две, я без понятия. Хотя, конец рабочего дня. Почему бы и не сходить, в соседний подъезд, и не пообщаться с товарищами по работе. Но, это я так думаю. А как на самом деле неизвестно.

Разговаривала со мной моя наставница. Все остальные отделялись короткими фразами и возгласами. По первым же фразам я понял, что девушки полностью поменяли тактику. Куда-то делись жёсткие наезды и требовательные интонации. Теперь всё проходило ласково, мягко и ненавязчиво. Ха! Я делал вид, что с минуты на минуту, всё им расскажу. Но, в тоже время, продолжал молчать как Зина Портнова, о самом главном. А так, на отвлечённые темы, то почему бы и не поболтать. Про погоду например или о новом фильме. Да о чём угодно, только не о "сероглазке". Минут пятнадцать это издевательство девушки выдержали спокойно. Потом пошёл мягкий шантаж и очень сладкие обещания. Ничего такого не предлагали, а просто обещали кормить вареньем и халвой пока у меня попа не слипнется. Кто ж от халявы откажется? Особенно от такой. Но не срослось. Я им не кто-то! Я сам с усами.

Мне не было весело. На самом деле, я просто не люблю, когда лезут в мою личную жизнь. Ну, понравилась мне девушка. Кому какое дело, может быть до этого? Это только наше и ничьё больше. Нет, если вдруг что-то произойдёт, то я сам решу стоит или нет просить помощи. Хотя, в чём тут можно помочь?

Я пытался, отвлечь всех собравшихся девушек. Предлагал им заняться уборкой рабочего места и мытьём инструмента. Но, какое там. Им интереснее поговорить и обсудить. Даже напоминание, что мне пора уходить, на них не подействовало. Только и сказали, что отведут в раздевалку, переоденут и доставят до общежития. Вот что с ними делать? И я не знаю.

Прибежала нормировщица и девушки, чтобы не выдать меня, повели её показывать

выполненную работу. Я остался только с моей знакомой по общежитию и двумя новенькими. Раз уж делать нечего решил всё-таки познакомиться. А-то надоело уже, на вы, да на ты общаться. Только собрался это предложить и уже рот открыл, как в дверной проём зашла... Она!

Глава 22

Не заметив меня, девушка сразу начала, что-то обсуждать с женским коллективом. А я лежал не жив не мёртв, боясь привлечь внимание. Рита уже успела переодеться и выглядела, с того места где я полулежал, просто восхитительно. Лица, конечно, было не разобрать, но всё остальное... Да.

Неожиданно в комнате стало как-то тесно. Начали возвращаться все те, кто перед этим вышел. Рита, не видя меня, стояла сбоку от дверного проёма и продолжала кому-то что-то объяснять. Мне плохо было видно и слышно.

Насколько я понял и разобрался то, в гости заглянула бригадир штукатуров с соседнего участка, именно к ней, у всех были вопросы. Пока они разбирались между собой, я постарался закрыться женскими фигурами. Для этого пришлось немного сместиться в сторону. Но, как ни старался, мне это плохо помогло. Что-то на ходу объясняя Рите вся толпа сместилась к окну. А тут я, весь такой в синяках и с бледным видом, сижу привалившись к стене.

Рита первая заметила меня. А я, единственное что успел сделать, прислонил палец к губам; показывая, чтобы она промолчала. Но, не судьба...

— А ты, что здесь делаешь? — удивлённо и достаточно громко спросила "сероглазка".

Семь пар глаз уставились на меня в ожидании ответа. Потом, всё молча перевели взгляд на Риту. Затем женщины почти одновременно и как по команде: прищурились, упёрли руки в бока, напряглись, набрали воздух в лёгкие... А я уже ничего не замечал и просто выпал из этого мира. Девушка стояла напротив окна. При дневном освещении, я очень хорошо разглядел её лицо и её облик вообще. Такой узнаваемый и давно потерянный. Я не мог оторвать взгляда от неё. Потому что не верю в совпадения. Потому что, такого просто не может быть! Искал хоть что-то, что могло меня переубедить, и не находил...

Некстати, и совершенно не в тему, первой не выдержала Маша Бартолье. Она наклонилась надо мной и показывая на Риту рукой, спросила:

— Это она?

— Я не виновата! — громко и очень быстро возразила девушка, — он, между прочим, первый начал. Нечего было по стройке бегать. А у меня синяк теперь, на лбу, из-за него. Вот!

Пришлось закрыть уши. Надо отвлечься и кое о чём подумать. Но никак не получалось. Женский коллектив хаотично перемещался, махал руками и невзначай задевал меня.

Минут пять бушевал шторм вопросов и ответов. Даже сквозь ладони, по отдельным фразам, можно было понять, как идёт процесс разборок. Что сказать? Это был допрос. С пристрастием. Сначала девушка долго не могла объяснить, что на самом деле случилось. А более старшее поколение никак не могло поверить в случайность произошедшего. В чём только Риту, ну и меня заодно, не обвиняли. А самое дебильное, по моему, обвинение — это то, что Рита беременная. Поэтому врезала мне за то, что я отказался на ней жениться. (Офигеть, не встать! Я её второй раз в жизни вижу!) Когда же я, убрав руки от своих ушей, попытался вставить пару слов, на меня обрушилась вторая волна шторма. Теперь уже я оказался виновным во всех грехах. У меня, оказывается, есть жена и трое детей, а я кручу голову молодой и неопытной девочке. Мои слова о том, что я вообще-то только неделю назад приехал в Калугу из детдома, ни на кого не произвели впечатление. Почему-то версия,

о трёх детях и брошенной жене, всем нравилась больше. Тут даже Бартолье ничего не могла сделать. Перекричать шесть оппоненток и нормировщицу в придачу, оказалось не реально. Мой возраст вызывал смех, только у меня, а женское большинство считало по другому. Приписки в документах, чтобы попасть на фронт, никого не удивляли. Так почему бы и не сделать наоборот. Переписать или подделать, что мне не двадцать, а всего-лишь шестнадцать. Короче, полный дурдом. А я дебил. Надо было бежать отсюда нафиг, как только появилась возможность. Не пошёл, вот и получил. Кстати, больше всех выступала моя знакомая с общежития. Именно она выдвигала, самые, по моему мнению, дурацкие предположения.

В самый критический момент краем глаза увидел, что Рита мне подаёт какие-то знаки. Разобравшись, что она хочет, я решился (а как по другому понять, движение двух пальцев, как-будто идёт человек) и, пока на меня не смотрят, тихонечко встал. Вдоль стенки, стараясь не слишком резко двигаться, скользнул к выходу из комнаты. Долбанная моя голова. То ли от напряжения, а может и ещё по какой причине, у меня опять сдавило виски и проснулся молот, что начал бить в затылок. Слава всем Айболитам, хоть голова не кружилась. А боль? Боль можно чуть-чуть потерпеть. Мешает конечно, но не критично.

За дверным проёмом, стоило только повернуть в коридор, мне в нос упёрся красивый, маленький кулачок. И сердитый голос прошипел:

— Молчи и иди за мной! Пикнешь, добавлю.

Серые глаза блеснули в полумраке. Девичья рука ухватила меня за рукав комбеза и потащила на выход. А я что? Пошёл куда вели, что мне ещё делать-то?

Встречу этого муда... мудрого алкаша Рыжикова, который электриком здесь работает, всё руки поотрываю. Чуть голову, которая и так болела, не добил окончательно. Хоть бы одну лампочку повесил. Не темно, конечно, но спотыкался я часто. Рита шипела, но тащила меня. На лестничной площадке пришлось прибавить скорости. Женская ругань в комнате, которую мы покинули, перешла в вопли:

— Где они! Убежали! А я вам говорила! Дура! Сама такая!

Я думал, что мы сейчас, как рванём куда подальше... Ан нет, добрались только до соседнего подъезда. Потому что, на нашем пути нарисовался товарищ Иванов, чтоб ему... Вот фигли он! Целый день в прорабке сидит, морду лица плющит и на участке не показывается! А тут на тебе — вылез! Рита, то ли уже с ним встречалась, а может по какой другой причине, но решила избежать этой встречи. Поэтому и впрыгнула в проём подъезда. Ну и меня туда втянула. Ещё и на один этаж заставила подняться. Там, уже спокойно, зашли в какую-то квартиру. На удивление пустую.

Когда отдышались то, первый же вопрос, от моей спутницы, меня добил. Не, ну я всё понимаю — стресс, погоня, окончание рабочего дня. Мысли в голове сумбурные. Надо бы отдохнуть, расслабиться и перекусить. Домой надо идти, а не по тёмным углам прятаться. Так вот! Девушке было совершеннейшим образом наплевать на это. Она спросила просто и незамысловато:

— Это правда, что у тебя жена и трое детей?

Хоть стой, хоть падай. Больше ничего не остаётся. Я осмотрелся. Заметил пустой ящик в углу. К нему и подошёл. Уселся поудобнее и внимательно оглядел девушку. Прямо так, нагло, с ног до головы. Потому что, во-первых — не знал, что ответить, а во-вторых — мне надо было подумать. Ибо такого не могло быть.

Только один человек знал в кого я был влюблён по настоящему. До зубовного скрежета.

До бессонных ночей и совершенно дурацких поступков. И только он один мешал нашим встречам. Может быть он, о чём-то догадывался, а может и знал наперёд, что ничего хорошего из этой любви не выйдет. Не знаю. Но, сейчас я видел перед собой ту самую... Первую, настоящую. Или, если быть точнее, девушку с внешностью той. Одно отличие только и было — это цвет глаз. Поэтому я, как-то сразу и не сообразил, от кого мне привет. У той (имя не хочу называть и наверное, не назову никогда, незачем), по её же словам, глаза были редкого медового цвета, а у Риты, как говорилось раньше, серые. Даже, скорее, серо-голубые.

Дед! Что же ты со мной делаешь? О каком задании, теперь, может быть речь? Я же не смогу от неё отойти ни на шаг, чтобы опять не потерять! Или... Вот ты гад!

— Эй, что с тобой? — сквозь паутину воспоминаний, до меня донёлся голос.

Я ещё раз посмотрел на девушку. Сарафан цвета кофе с молоком до коленок. Босоножки чёрного цвета. Коса тёмно-русая, аж до самой этой... талии. Поясок белый, узкий похожий на витую верёвочку. И самое главное украшение — комсомольский значок на груди. И внешность, такая забытая и знакомая одновременно. Совершенно неожиданно мне несказанно полегчало. Прошла головная боль. Ломота в теле, от множественных синяков и ссадин, стала менее заметной. Легко догадаться, что это опять привет с того света. Значит я прав.

Ну, дед! Встречу на том свете, в ухо получишь обязательно! А может и амброзией поделюсь. Посмотрим по настроению.

— Как ты себя чувствуешь? — опять поинтересовалась девушка.

Я так думаю, что настал тот момент, когда никто мне не помешает, наконец-то по-нормальному познакомиться.

— Меня Вилор зовут, а тебя как? — спросил я, протягивая руку (хорошо, что вовремя вспомнил, как тут знакомятся).

— А я знаю, — ответила девушка, улыбаясь и сияя своими глазами, — на комсомольском собрании тебя видела.

— Ты не ответила, — напомнил я, продолжая держать её руку не отпуская, — к тому же, должен я знать, как зовут мою спасительницу.

— С чего бы это? — изображая сильное удивление, ответила девушка, а потом отвернувшись немного в сторону добавила, — у тебя жена и трое детей.

— Я тебя умоляю, — растягивая слова на одесский манер, я начал избавлять эту девушку от сомнений, — кому ты веришь? Они соврут и не поморщатся. Могу паспорт показать, если уж совсем приспичит. И подумай ещё над тем, что комсомолец просто не может солгать красивой девушке, тем более комсомолке.

С этого самого момента, я понял, что контакт налаживается. Я пошёл, на всё мне известные способы, чтобы она оставалась со мной подольше. Заодно выяснил, что она, так же как и я, работает по сокращённому графику. Но, я так работал, потому что ученик каменщика, а она как студент строительного техникума, на подработке. Перешла, кстати, на второй курс очного отделения. Всё хорошее когда-то заканчивается. Так как рабочий день ограничен во времени, пора и нам уходить домой. Увидев в окно, что народ начинает готовиться к завершению смены, мне пришлось пойти на хитрость. Я попросил её проводить меня до раздевалки. Ссылаясь на контузию, которую заработал по её вине.

Так быстро, я никогда не переодевался. Хотя, чего там переодевать-то? Но всё же. Пока занимался этим нужным делом, придумал как мы с ней проведём время.

Рюкзак на плечо и вперёд. Блин... в зеркало забыл посмотреть. А и ладно! Синяки, за такое короткое время, никуда не делись, а всё остальное ерунда. Главное, что голова не болела, а это значит можно гулять сколько угодно. На выходе из раздевалки, чуть не столкнулся лбами с Семён Семёновичем. Бригадир был не в духе. Поэтому наша встреча сразу не задалась.

— А молодёжь... Что? Сегодня работать не собираемся? — придержав меня за комбез, спросил Шкато, — как ругаться с прорабом, то мы первые, а как исправлять то, что сам же обнаружил, нас уже не найти?

— Семён Семёныч, — не зная, что ответить сказал первое пришедшее в голову, — меня в травмпункт отправили, с сопровождением. Я не хотел — честное слово!

— Кто отправил? — удивился бригадир, — почему я не знаю?

— А я откуда знаю, — с таким же удивлённым выражением ответил я, — у Бартолье спросите. Она-то точно знает: кто, чего, откуда и по чьему поручению. А мне спешить надо.

Кое-как протиснувшись между дверной коробкой и телом Шкато, я быстро, как мог, постарался исчезнуть из поля зрения одного. Рита, сидела на импровизированной лавочке из кирпичей и доски, накрытой сверху старой газетой. Быстро подойдя к ней, я тихо спросил:

— Кушать хочешь?

— Что? — ничего не понимая, спросила девушка.

— Да так, — нейтрально ответил я, — просто поинтересовался. А-то мне очень хочется. Пошли, может пирожок хоть какой-нибудь по дороге купим.

— Богатый что ли? — не вставая с лавочки, фыркнула Рита.

— Я экономный, — протягивая руку, чтобы помочь подняться девушке, ответил я, — немного денег есть. На пару пирожков, точно хватит.

Пора приводить мой план в действие. Я хотел совместить несколько дел вместе. Пора, наконец-то, купить кухонную посуду, а в процессе, заодно приобрести некоторые продукты. И в этом мне должна помочь Рита. По крайней мере, я на это надеюсь. Ну, не откажет же она мне, пройти вместе по магазинам? Я ведь, по легенде, из Брянска. Поэтому ничего в Калуге не знаю. Заодно и с девушкой получше познакомлюсь. Мне же надо про неё всё узнать? Может у ней жених есть или наоборот, она в кого-то влюблена. Хотя, конечно, фиг она мне об этом расскажет. Но, я и намёки, всякого рода, прекрасно понимаю. Разберусь как-нибудь. Осталось самое трудное — это уговорить Риту.

Как оказалось — это не так уж и трудно. Всё дело в том, чтобы заинтересовать девушку. И она сама ринется тебе помогать. Для начала, конечно, я узнал где она живёт. Потом потихоньку перевёл разговор, на тему: какие у нас по дороге будут встречаться магазины? Есть ли там промтоварные или только продовольственные магазины? Есть ли в овощном солёные огурцы? Можно ли купить кусок мяса с косточкой? Работает ли известная, на весь Советский Союз Калужская кондитерско-макаронная фабрика? Как правильно выбрать чугунную сковороду. Короче, нёс всякую ерунду, постоянно отвлекая и не давая сосредоточиться. О чём она в этот момент думала, мне неизвестно. Но, я очень надеюсь на это, что не о том, чтобы чем-нибудь меня огреть по голове. Зато, под это дело, удалось, лично для меня, получить разрешение на то, чтобы называть её Марго. Сослался на обычай детдома. Вроде прокатило.

В этот раз, меня повели почему-то по переулку Труда. Мимо забора старого кладбища. Прикинув в голове примерный маршрут (я же теперь знаю где живёт Рита), ничего не понял. Но продолжал двигаться в ту сторону, куда вела меня девушка. Ей виднее, в конце концов. Я

вообще-то, по легенде, из Брянска. Так что мои возражения могут вызвать ненужные вопросы. А мне это не надо.

Потом, я конечно проклял своё решение, о покупке вначале сковороды и кастрюли и то, что не прислушался к доводам Риты. Только это было потом, а сейчас самое главное это то, что мы вместе. И пофиг на всё.

Чугунного монстра аж полуметрового диаметра, мы приобрели в магазине хозтоваров на улице Ленина. Про весь ассортимент магазина, я не скажу, не успел посмотреть. Меня сразу поставили перед прилавком и предложили выбирать. А что тут выбирать-то? Я и брякнул:

— Девушка, мне самую большую.

Ну и получил. Да-с... Сам виноват. Марго, минут пять, меня уговаривала взять другую — поменьше. Но отступать, не в моих привычках. Балбес — я это уже говорил. И выгляжу как хомяк, наверное. Но, прошу учесть, что мне кормить семерых парней. И это ещё не факт! Фиг его знает, кто на запах еды может заглянуть! Вот с кастрюлей, было проще. Тут главное это математический подход. Если, у нас в комнате, живут восемь человек, то и ёмкость нужна такого же литража и плюс один. То есть девять литров. Именно такой не нашлось. Или семь или десять. Хоть ты тресни. Взял десять и зарёкся спорить с Ритой. И так её красивый и изящный кулачок несколько раз оказывался в опасной близости от моего носа. Ну нафиг!

Продовольственный магазин не впечатлил. Не богато, но и с голоду умереть не получится. Особенного изобилия не наблюдается, но кое-что я приобрёл. По мелочи: соль, спички, макаронный лом и перловку. Долго соображал — во что налить растительное масло, но так и не нашёл решения. С собой никакой ёмкости не было, а продавцы ничем не могли помочь. Выход подсказала моя спутница. Ничего особенного. Правда, пришлось купить минеральную воду в бутылке, а затем её освободить. То есть выпить. На двоих. А что? На улице, между прочим, лето и погода стоит соответствующая. Так что пили "Боржоми" с удовольствием из горлышка. Передавая бутылку друг другу по очереди.

Масло налили а, пробки нету! И опять выручила сероглазка. Из своей маленькой сумочки, она достала газету. Оторвала кусок в пол-листа и свернула заменитель пробки. Ничего так получилось. До общаги, я надеюсь, хватит — не промокнет и не протечёт. А там, что-нибудь придумаю получше. А да, ещё купил пять банок рыбных консервов. Пригодятся. Увидел гороховый концентрат в брикетах, но брать не стал. Потом как-нибудь. Вообще-то, гороховый концентрат это очень обалденная и незаменимая штука, особенно для тех кто часто бывает в командировках. Я к нему вернусь и закуплю побольше, но не сегодня. Сегодня у меня другая задача. Но, для начала, нужно купить мясо.

Марго долго смеялась, когда я спросил у неё, про мясо на косточке.

— Бывает, конечно, — сказала она, — но днём. А не сейчас, под конец рабочего дня. К тому же после очередного снижения цен, за мясом выстраиваются очереди. Как собственно и за всем другим.

Ну да. Как же я мог забыть? И что теперь? На рынок идти что ли? Ну нафиг! Сейчас Риту напрягу, пусть думает.

Думала красавица недолго. Сначала, конечно, мялась, смотрела по сторонам, что-то там прикидывала. А потом просто спросила о моих денежных возможностях. Я уверил Риту в своей состоятельности, сославшись на детдомовское братство и взаимовыручку. Тогда она взяла меня за руку и, свернув в ближайший переулок, показала своим красивым пальчиком

на вывеску "Коопторг". Вот я тупень! Совсем мозги потерял старый пень! И этот молодой, и чересчур гиперактивный не напомнил. Расслабился, блин. На девушек красивых заглядываются оба, а то, что магазины бывают коопторговские, забыли (фото в доп. материалах, магазин не тот самый, но очень похожий на тот, что был на ул. Ленина). Нет. Так-то всё понятно. Влюбился. Окончательно и бесповоротно, но голову терять зачем? Думать надо хоть иногда. Ладно. Пойдём зайдём. Зря, что ли столько топали?

Да-с! Тут было куда глазам разбежаться. И вот, теперь, возник вопрос: — А на фига ходить на рынок? Если на прилавках, чего только не было! Сравнить с супермаркетами двухтысячных грешно и совсем не в тему — время не то. Но выбор был.

Когда, первая эйфория спала то, неожиданно, нужного мне мяса я не обнаружил. Прикольно, да? Не было свинины, говядины, баранины, крольчатины, курятины, гусятины и так далее. Изделия из этой живности были, а вот мяса нет. Колбасу, сало берите — не обляпайтесь. А вот мяса нету! "Всё страньше и страньше" как говорила одна сказочная героиня. Тут, мне на помощь пришла красивая девушка Рита. Увидев, что я застыл перед витриной, она, в который раз, потянула меня за рукав в другой отдел. Тут мясо было! Но, оно, как бы это сказать правильно, было "дикое". То есть добытое охотой. Хотя, вроде бы не сезон? Или после войны, на это не обращали внимание? Да и пофиг! Заверните две!

Когда вышли из магазина то, чуть сразу же не поругались. Рита рвалась домой, а я этого не хотел. То есть был не против но, чуть попозже. Куда я её одну отпущу? Кругом мелкие неадекваты бегают. Сам от них недавно пострадал. Предложил компромиссный вариант. Идём в общагу. Там всё выгружаем, а потом я её провожаю. Тем более, что до общежития было рукой подать. Не прямо, вот тут за углом, а недалеко. Пешком, неспеша минут за десять можно дойти. Согласилась. А куда ей деваться? Землянику надо отрабатывать... Да, вот такой я крендель. Купил нам двоим бумажный кулёчек ягод. Уж очень девушка на неё засматривалась, пока я с другими продуктами разбирался и закупал. Сам-то я съел немного. Так, за компанию, десяток другой ягод. А Рита оторвалась по полной программе. В магазине оказалась небольшая лавочка. По моему мнению, для детей, чтобы не мешались под ногами. На ней-то мы и приговорили землянику к съедению. Вкусно! Но ещё интереснее было наблюдать за девушкой. Как она это лакомство ест. Как зажмуривается от удовольствия. Брррр! Уф! Да-с.

На вахте Касьян предупредил, что Светлана Егоровна комендант ждёт меня в кабинете. Махнул рукой, дав понять что всё услышал и потом подойду. Рита помогла донести и разложить поаккуратнее всё, что приобрели. Блин! Срочно нужен холодильник! Хоть какой-нибудь. Ладно. Вечером с ребятами поговорю. Тем более что повод будет нехилый.

Эрлис сразу поняла что я не один. Поэтому все вопросы свелись к общим темам: что нужно, чем помочь, чего не хватает? Ну я ей и выдал: и про кухню, и про холодильник, и про дрова. А когда первый запал спал, немного, то добавил про посуду и хоть какой-либо шкаф для неё. Смеялись все кто находился рядом. Даже Касьян, у себя на вахте, хихикал как не знаю кто.

— А что собственно я такого смешного сказал? — спросил я у всех, но делая упор всё-таки на коменданта, — я кастрюлю купил и не знаю куда её поставить! Мне её что, на цепь с замком сажать? А?

— Ну ты, Вилор, — сквозь слёзы, кое-как и более менее внятно, пробублькала бывшая ночная ведьма, — выдал так выдал! А-а-а, не могу!

Рита хоть и ничего не понимала, но тоже всю веселились. И это меня почему-то

задело. Не настолько, чтобы прямо, ах! Но чувствительно.

— Чего же это я такого выдал? — как можно язвительнее поинтересовался я у коменданта, — над чем можно так долго смеяться?

— Вилор! А-а-а! Заканчивай уже. Ха-ха-хаа!

Теперь смеялись вообще все. Я как-то упустил момент, что народ стал подтягиваться после рабочего дня. И возле кабинета коменданта скопилось человек десять. Вот эти кони и кобылы теперь ржали в полный голос.

Хотел уйти. Честное слово. Но тут, товарищ Эрлис вытерла слёзы и сопли, поправила одежду, смела со стола какие-то крошки и голосом строгой преподавательницы произнесла:

— На стенде висит листок бумаги, где изложено: правила общежития, обеспечение порядка, правила пользования кухонными приборами, а так же места хранения продуктов. Почитай, а! Как ребёнок — честное слово.

Стыдно. Стыдно, до такой степени, что охота провалиться сквозь землю. И это в присутствии Риты! Но тут проснулись гордость и злость одновременно. Прораб требовал крови, а комсомолец Вилор действия! Фиг вам! Я хоть и перестал понимать, что у меня твориться в голове, но не сошёл с ума.

— Марго, пойдём со мной, — и взяв девушку за руку вышел из кабинета, — почитаем вместе, что там пишут. А-то от этих любителей ржать по поводу и без, толку не добиться. Однозначно.

Так мы и продефилировали, к большой доске объявлений, под взглядами жителей и посетителей общежития. Я уже не раз говорил, что Рита очень красивая девушка. А сейчас это стало заметнее в несколько раз. Румянец от смеха и искрящийся взгляд серо-голубых глаз, несколько локонов, что выбились из причёски и всё это, на фоне уставших и только что пришедших с работы. Бомба! Ну или близко к этому. Я правда — ну никак не вписывался в общую композицию, со своими синяками и фингалами. Но! На меня никто и не смотрел! На фиг я никому не нужен. Когда здесь такая красота! А что? Такая вот маленькая месть. Нечего было над бедным мной смеяться. Завидуйте молча.

На стенде много чего было. Начиная от разного рода приказов и заканчивая простыми объявлениями о обмене или продаже всякой мелочи. Прямо-таки газета "малотиражка" какая-то. Но основную информацию я усвоил и принял к действию.

Нынешние обычаи и правила поведения не позволяли мне обнять или хотя бы взять за руку Риту. Приходилось виться вокруг неё на пионерском расстоянии. Это позволяло создать видимость, что девушка находится под моей защитой. Что, в свою очередь, остужало некоторые горячие головы. А-то как оказалось, здесь не только кони, что любят поржать, присутствуют, а и сексуально-озабоченные козлы. Которые бросали на сероглазку слишком заинтересованные взгляды. Драться с половиной общаги не входило в мои планы, но и просто смотреть на это мне хотелось. Вот и крутился вокруг ревнуя и переживая. Поэтому к будке вахтёра подошли каким-то непонятным зигзагом, типа бесконтактного танго.

— Касьян, а дай-ка мне ключ от сарая, — произнёс я, протягивая руку в окошко, — мне дровишек надо взять. Думалы буду делать.

— Чё? — проскрипел Касьян, наклоняясь вперёд так, что чуть не вылез в окошко, — Чегой-то ты собрался делать?

— Когда сделаю, тогда увидишь, — коротко ответил я, но увидив вопрошающие глаза Риты, решил добавить, — цыганское национальное блюдо. Рецепта никто не знает, но говорят что это очень вкусно. Поэтому все готовят так, как умеют и из того, что есть под

рукой.

Далее, под шушуканье и перешёптывание всех присутствующих, забрал у вахтёра ключ. Показал направление Рите и, уже вместе, мы вышли на улицу. Пока шли к деревянному сараю, я клял себя самыми последними словами. Как я мог забыть, о такой простой вещи? Ведь тысячу раз проходил мимо этих деревянных строений. Не просто проходил, а знал что это такое! Блин! Стыдно.

— Вилор, вообще-то мне домой пора, — немного смущённо, произнесла Рита, — мне с тобой интересно, но я обещала сегодня пораньше прийти. Опять родители ругаться будут.

— Так Марго, — спокойно сказал я, — сейчас быстренько смотрим, что есть в нашей секции. Потом, я отнесу ключ и провожу тебя. Здесь идти-то всего ничего. Пять минут быстрым шагом.

— Пять минут? — удивлённо переспросила девушка, — с чего ты взял?

Я попытался вкратце обрисовать путь, что нам нужно пройти. Но тут же был разгромлен необъяснимой женской логикой. Собственно говоря она права. Это по прямой минут пять идти, а вот если обходить все лужи и ямы, что будут нам встречаться, то выходит, что полчаса как минимум. Повздыхав, для приличия, я пообещал всё сделать максимально быстро.

Наша секция в сарае была под завязку набита дровами. Ну это-то понятно. Леня матушка рулит и правит. Никто не пользовался, вот и накопилось. Даже лючок, в маленький погреб, был завален поленьями. А вот потом, от увиденного в ближнем углу, я очень расстроился. Потому что всю жизнь мне вдалбливали всякие правила. С детского сада и до самой смерти. Там горшок чужой, на него не садись. Умирая держи в руке паспорт и страховое свидетельство. Отдельной строкой шли правила техники безопасности. Это вообще везде. Понятное дело, что на стройке это возведено чуть ли не в ранг религии — "Верю в проект, в геодезиста с его аппаратурой и технику безопасности!" — как-то так. Здесь же был полный кирдык. Дрова и бидон с надписью "Керосин" находились рядышком. Даже не так — несколько поленьев лежали на самом бидоне. Через минуту, я конечно, разобрался, что керосина в бидоне не было. Но всё равно — это неправильно. Что и сказал. Причём очень громко. Но, как оказалось, моя фраза ушла в пустоту. Кроме сероглазки, в пределах видимости, никого больше не наблюдалось. Ну и х... Потом разберусь.

Что я помню про печь "Буржуйку", так это то, что дрова она жрёт как, не в себя. Значит мне надо много. Вытащил не считая. Довольно большую горку набрал, прямо возле двери на улице. Надеюсь что никто этими дровами не заинтересуется. Лето ведь! Сбежал отдал ключ. Заодно узнал сколько сейчас времени. Уф! Всё.

Полностью отдал путеводную нить в руки моей спутницы. Чёрт голову сломит, в переплетении этих улиц и переулков, посреди старой Калуги. Вроде направление знаю, а вот куда и почему именно так — непонятно. Пытаюсь хоть как-то развеселить девушку. Несу какую-то пургу про детдом и жизнь там. Со стороны это выглядит наверно прикольно. Идём с Марго вроде бы рядом, но на расстоянии друг от друга. Прямо как пионеры на прогулке. Только мы ни на кого не обращаем внимание. Поэтому чужое мнение нас не волнует.

— Ну вот ты и попался! — сказал незнакомый парень, выходя из зарослей акации. За ним, по одному, начали появляться ещё какие-то кадры.

Я осмотрелся по сторонам. Бежать было некуда. Нас окружило человек десять и ещё в отдалении стояло столько же. Вашу ж мать! Обещал же не драться.

— Парни, а может погодим маленько? — я попробовал оттянуть неизбежное, — давайте, я девушку провожу, а потом мы с вами поговорим?

— Не сегодня банюшь, — услышал я в ответ, — не сегодня.

Глава 23

Спешим. Почти бежим с Ритой. Вечер, пока ещё не вечер, а домашних скандалов хотелось бы избежать. Ещё и эти любители правды отняли драгоценные двадцать минут, как минимум. Даже смешно местами было, честное слово, если бы не было так грустно. А как иначе? Время его не повернуть вспять. А мы уже сильно задерживаемся. То есть не мы, а Марго, но это не играет роли. Я обещал проводить, а значит опаздывает не она, а мы. Блин... мне ведь ещё ужин готовить! Вот ведь.

Наконец-то нужная улица. Название её, между прочим, не менялось ни разу. Какие бы перетрубаии не происходили в стране и мире, название "Зелёный Крупец" оставалось неизменным. Причина очень простая это — местечковое название. Только настоящий Калужанин знает, что такое "Крупец" и почему он зелёный!

Подожли к обычному дому. Как и многие в Калуге, он имел каменный первый этаж и бревёнчатый второй. На мой взгляд, учитывая ситуацию с жилищным фондом, тут могло проживать от трёх до пяти семей. Но я могу ошибаться. Некоторые люди умудрялись каким-то образом избегать, обычного в это время подселения.

Жаль, что не спрячешься никуда, а так хотелось поговорить с глазу на глаз. Лето, поэтому хоть и вечер но — пока ещё светло. А деревья хоть и присутствовали, но укрыться за ними не было никакой возможности. Мне надо было многое сказать Рите. С другой стороны я понимал, что сейчас не время и скорее всего половина слов, что хотелось сказать, просто проскочит мимо её ушей. У неё ведь другая забота — прийти вовремя домой. И нафиг ей ничего не нужно другого. Проблема в другом, о каком спокойном разговоре может идти речь? Постоянно в поле зрения кто-то находился. Хоть назад на стройку возвращайся. Там-то всегда можно найти укромный уголок, чтобы поговорить.

Так что надо прощаться. И это, между прочим, тоже проблема. Нет, так-то я знаю тысячу и один способ проститься с девушкой. Но сейчас, именно в этом времени они не подойдут. Дилемма... Выручил меня, как ни странно, кто-то из семьи Риты. А может и нет. Не знаю.

На втором этаже дома, было открыто окно. Вот оттуда и раздался, чей-то громкий крик: — Рита! Давай быстрее! Где ты там пропала?!

Судя по голосу это женщина. Надеюсь, что не будущая тёща, очень уж неприятный голосок.

Марго как-то вся напряглась. Резко протянула мне руку. Мне ничего не оставалось, как подать ей свою лапу. Она легко её пожала. Потом смотря в открытое окно, крикнула в ответ: — Иду уже.

Развернулась и опустив плечи, отчего стала как бы меньше ростом, посеменила к двери. Она шла не оглядываясь и смотря в землю.

Вот ведь! И тут какие-то семейные разборки. Ладно. Завтра спрошу. Может удастся чем-нибудь помочь. Дождавшись, когда девушка скрылась за входной дверью, я, со всей возможной скоростью, поспешил в общежитие.

Чтобы побыстрее вернуться, я пёр напрямую. Срезая дорогу незнакомыми переулками. Действуя по наитию. Боятся мне теперь нечего. Ребята с "Монетного двора" сняли все претензии. К тому же Феликс, не скрывая ничего, рассказал всем присутствующим, о моём

поступке. Возвращаясь к той ситуации, понимаю — всё сделал правильно. Так уж получилось, что увидев толпу, я окончательно решил драться. И пофиг сколько там было народа — двадцать, тридцать, а может и пятьдесят. Просто решил, что отступать не буду. Бежать — не вариант. Окружили нас с Ритой плотно. Я, если честно, даже приблизительно не мог понять сколько народу было вокруг нас. Может, как говорится "у страха глаза велики", но не в этом случае. Кстати, претензия, насколько я понял из выкриков толпы, ко мне была только одна. То, что побежал просить помощи у милиции. Вроде как я испугался и побежал на пивзавод, чтобы ментам позвонить. А когда пацаны пришли на стройку, со мной поговорить то, позвал бригаду строителей и под шумок вызвал ментов. Короче, я стукач и трус, и всё в этом роде. Тут, в такой ситуации, главное не начать оправдываться. Этим, ты, как бы сразу признаёшь за собой вину. Поэтому я стоял и молчал. Слушал эти нелепые обвинения и понимал, что это не вся правда. Чего-то они не договаривают. Даже обвинение в связях с ментами, не даёт право объявить на меня охоту. Я-то знал правду со своей стороны поэтому молчал, а они постоянно напоминали и этим, ещё больше накручивали себя. Постоянно вспоминая, что я бросился от них убежать и звать ментов на помощь. Этого, по понятиям парней с "Монетного двора", было достаточно, для пролития излишка моей крови. Не радовал и тот факт, что я не мог определить старшего, среди этой группы. Вот бы с кем поговорить. Я бы всё объяснил. Но нету никого. И вот, когда слова закончились и остались только более весомые аргументы, а я уже начал примериваться, кого бить первого. Вот тут-то и появился Феликс. Он, конечно, не был каким-то там уважаемым и авторитетным лицом. Но, видимо и шестёркой, тоже не являлся. Потому что, довольно быстро, ему удалось убедить всех послушать версию очевидца, то есть себя, и пересмотреть некоторые моменты. Парни подтянулись поближе так, что мы оказались в плотном кольце и приготовились слушать. Тут, прямо как по заказу, нарисовался интересный персонаж. По его поведению было видно, что он из тех кого слушают. Скорее всего он и руководил всей этой толпой. Пока не знаю и не уверен. Но он встал напротив Феликса и стал его внимательно слушать.

Ну Феликс и выдал. Хоть и понимал, что правда может оказаться губительной для его положения среди этих ребят. Рассказал всё — ничего не утаивая. Иногда, даже, переходил на показ некоторых сцен. Так что с пивзаводом разобрались быстро. Нету там моей вины. Добежал до проходной и спрятался, при этом никаких ментов не звал. Это кто-то просто не захотел долго ждать, вот и сказал про ментов. Да и стыдно было признавать, что один смог справиться с пятью парнями. Поговорили между собой и придумали про то, что я, якобы, вызвал милицию по телефону, вот и пришлось им уйти. А вот когда, он начал рассказывать о драке возле стройки, то тут неожиданно вступила Рита (убейте меня, но не знаю откуда она всё это видела). По её словам: я вообще один сражался с пятью противниками, пока не прибежали строители на помощь. Ни кого не звал и не за кем не бегал. Вот! А милицию вызвал прораб! По моему, она ещё и язык всем показала, от избытка эмоций. Короче, нормально всё закончилось. Тот, кто появился в последний момент, отошёл со мной в сторону. Как я и думал это был один из старших тех, кто руководил и принимал решения. Так вот он, под большим секретом, открыл некоторые подробности этого происшествия. Оказывается, старшие подумали, что меня специально подослала милиция для внедрения в среду подростков на "Монетном дворе". Слухи такие давно ходили, а тут парень непонятный нарисовался на лавочке и прямо возле основной площадки для игр. Вот и решили проверить эти сведения. Ну а получилось так, как получилось. Так что, после слов Феликса, меня признали своим парнем. А после того, как я сказал, что сам с Брянского детдома то, вообще,

удостоился приглашения на "поиграть". Правда, с небольшим условием — вход на первый раз червонец и с выигрыша налог десять процентов. Это — на поддержание порядка и чистоты. Да и какие вопросы с моей стороны? Никаких. Правила есть правила. Надо — значит надо! Отказываться не стал — фиг его знает, глядишь и пригодится, когда-нибудь. Расстались, если не друзьями то, с долей уважения друг к другу.

Пока вспоминал, сам не заметил, как добрался до общаги. Блин... Как будто бы и не уходил. Хотя, что тут времени-то прошло? Час с небольшим? И то — не факт! Часов до сих пор не приобрёл. Посмотреть негде.

Народ расслабленно бродил по территории общаги. Кто-то сидел на лавочке в тени. Кто-то кучковался по своим интересам. А кто-то, куда-то собирался: может в кино на вечерний сеанс, а может просто погулять. В общем было не очень шумно и уже, даже, как-то привычно. Ха! Это же хорошо! Мне никто не будет мешать!

Нафиг сомнения и переживания, для этого есть другое время. Сейчас мною двигали два основных инстинкта — голод и азарт. С голодом понятно, а вот с азартом... Мне, в какой раз, захотелось доказать самому себе и всем окружающим, что я могу что-то сделать сам. Даже мой организм был с этим согласен — я чувствовал себя достаточно неплохо. Такое ощущение что, все мои травмы, на какое-то время, заключили соглашение о перемирии и притихли в ожидании. Только — не знаю чего?

Пять осиновых полешек, для начала, удобно поместились на левой руке. Можно было взять и больше, но незачем самого себя насиловать. Перетрудишься — будут руки дрожать, а мне ещё картошку чистить! Не дай бог порежусь, кто тогда завтра работать будет? Вот и я о чём.

Касьян только и успел, что проводить меня взглядом — так быстро я проскочил мимо него. Лишь на лестнице я услышал, его голос:

— Подойди, очень важно!

Началось. Кто-то где-то сознательно мне мешает. Любое моё начинание, сразу же возбуждает нездоровый интерес. Что сразу ведёт к отступлению от заранее намеченных планов. Вот только не в этот раз! Фиг вам!

На кухне, как и ожидалось, не было никого. Повезло. Никто не будет приставать с советами. А-то знаем мы этих советчиков. Будут только мешаться.

Растопить печь? Да — как нечего делать! Уж что-что, а эту премудрость, я постиг в далёком-далёком детстве. Растопка и лучины были в одном из вёдер. Покопавшись поглубже, я обнаружил свёрнутую бересту. Блин... Даже не интересно. С этим можно домну запустить, а не печь разжечь типа "Буржуйки". Во втором ведре была вода. Гм... А что ещё ожидать от такого коменданта? Техника безопасности на уровне. Вот собственно и всё. Осталось дело за малым — начать, наконец-то, делать то, зачем я сюда пришёл! А значит что? Вперёд!

Полешки, ровно три штуки, в топку. Вьюшку открыть. Спичку зажечь. Ура! Заработало!

Теперь есть немного времени. Пока всё разгорится и наладится, есть возможность сбежать до комнаты и принести кастрюлю и сковородку вместе с продуктами. Помчался! Голос Касьяна меня догнал, только на площадке второго этажа:

— Вилор, не дури. Тебя просили перезвонить. Срочно!

А вот не угадали. Пока, не поставлю воду греться, я фиг отвлекусь. Было уже — хватит! Стоит отвлечься и всё пойдёт прахом. Ещё неизвестно сколько будет вода в этой кастрюле греться. Да и КПД печи "Буржуйки" пока мне не ясен. Дай бог успеть всё приготовить. Та

что — отстаньте.

Кастрюлю со сковородой и рюкзак с продуктами в руки и бегом на кухню. Уф! А тут уже всё нормально. Дровишки занялись и горят с лёгким потрескиванием. Ну что ж, можно и начинать.

Кастрюлю в раковину — надо помыть обязательно. Хорошо бы лимончиком протереть, но где же его возьмёшь. Не двухтысячные чай на дворе. Изобилия на прилавках не наблюдается. Ладно и так сойдёт. Так — чугунную конфорку нафиг всю. Мне эти кольца не нужны. Вот чуть позже можно будет вернуть.

Пока вода будет закипать, надо почистить картошку. Взял два килограмма старой, прошлогодней. Молодой картохи, что не удивительно, даже в коопторговском магазине не было. Да и не суть. Так даже лучше. Нож пришлось позаимствовать у ребят в комнате. Надеюсь что не обидятся. Я же на всех буду готовить. Только начал чистить, как тут же нарисовался Игорь. Тот самый — любитель игры на гитаре. Передал, что меня ждёт Касьян. Как не сорвался на него — не знаю. Но зубами потихоньку поскрипел. Предложил ему поискать немного керосина, для нашего примуса, вместо того, чтобы меня отвлекать. Вроде как обещал найти.

Картошку почистил а, вода не закипела. Хрям с этим. Продолжаем чистить. Только теперь морковь и лук. Да и картошку надо порезать — каждую на восемь частей. Сделал всё, а вода всё равно не кипит. Хоть ты тресни! Какой бл... буржуй эту "Буржуйку" изобрёл? Мало их в семнадцатом на тот свет отправили гадов. Я бы этого изобретателя с особым удовольствием уконтропупил. Делать нечего, придётся открывать консервы. Думаю что все пять банок, как раз будет. Делать всё равно нечего.

Всё сделал. Сел на стул и стал гипнотизировать кастрюлю. Мне бы антрацитику где-нибудь раздобыть. Глядишь и процесс закипания ускорился в разы. А что? Раз нету угля то, пойду-ка я за дровами схожу. Стоило только принять решение как, в дверном проёме появился разъяренный Касьян.

— Ты, бл... Вилор совсем охрефонарел? — без всяких предисловий начал орать вахтёр, — я тебе в прислугу не нанимался. Бегать, за каждым малолетним балбесом, который занимается чёрте чем и игнорирует приказы сотрудников милиции, я не буду. Тебя, еб... мудилу, лейтенант Собкин полдня уже ищет. Беги, звони пока до недоразумения не дошло.

Вот ведь засада! Слов нет. Посмотрев на кастрюлю, которая и не думала закипать, плюнул на всё рецепты — взял и закинул картошку в воду. Надеюсь что, пока буду разговаривать по телефону, всё это дело наконец-то закипит. А Касьяну, не отрываясь от дела, высказал всё что накипело:

— Касьян, я не скрываюсь ни от кого. Поэтому нечего меня "по матушке" воспитывать! Времени вообще ни на что не хватает!

— Да откуда у тебя могут быть дела-то? — обиженным тоном спросил вахтёр, — мал ещё, дела иметь.

— Касьян! Хороший ты человек, — постарался снизить напряжение Вилор, — но это ты дома, здесь в Калуге. А я-то всего ничего. Вот и пытаюсь обжиться. В Брянске всё знакомо было, а тут каждый день что-то новенькое узнаёшь. Вот и бегаю, как белка в колесе, пытаюсь найти лучшие варианты.

— Ладно, — примирительно буркнул Касьян, — пошли, сам всё лейтенанту расскажешь.

Посмотрев на кастрюлю ещё раз и не заметив никаких изменений, я кивнул головой в

знак согласия. Теперь от меня ничего не зависит — можно и по телефону поговорить. Заодно, надо будет телефончик запомнить. В прошлый раз, чуть будку Касьяна не разобрал от огорчения, когда номер не мог найти.

Собкин ни грамма не удивился моему позднему звонку. Сразу видно, что человек понятливый, не то, что некоторые. Дело, с одной стороны, вроде как важное, а вот с другой — проблемное. В Москве задержали одного из подозреваемых и я требовался в качестве свидетеля, для опознания. На мои робкие возражения, по поводу занятости на работе и отсутствия денег на дорогу, мне коротко пояснили, что — надо! К тому же Собкин обещал договориться на работе, о предоставлении отпуска за свой счёт — на два дня.

Не, ну я всё понимаю — но блин... Два дня! У меня что? Своих дел нету, что ли? И веди куда не денешься. Придётся ехать, опознавать. И тут я решился спросить:

— А может его к нам, в Калугу?

— Кого? — удивился лейтенант.

— Ну этого... — замялся я, потому что из головы вылетело название, — ... которого задержали.

— А на каком основании? — уточнил Собкин, — он пока ещё подозреваемый, а не обвиняемый. Так что придётся тебе ехать.

Минут пять мы ещё утрясали всякие мелочи. А в конце разговора Собкин поинтересовался:

— Вилор, я сейчас к Катерине поеду. Ты не хочешь вместе со мной?

И что мне ответить? Я не просто хочу увидеть Катерину, а офигеть как этого хочу! Но если я соглашусь то, все мои соседи по комнате останутся голодными.

— Сейчас не могу, — через силу, переступая и нарушая все мыслимые правила морали, произнёс я, — завтра с утра забегу сам.

— Нечего там с утра делать, — как мне показалось, с сожалением отчеканил лейтенант, — вернёшься из Москвы, вдвоём сходим. Всё! До завтра!

Я положил трубку и только сейчас обратил внимание на Касьяна. Он сидел и смотрел на телефон, полностью погруженный в свои мысли. Ну и ладно. Задумался человек — с кем не бывает. Только хотел выйти, как этот старый пень подскочил и грозя мне пальцем, начал читать нотацию:

— Нельзя отказывать сотруднику милиции, если он о чём-нибудь просит. Тебе что? Трудно было встретиться с ним?

— Касьян, вот чего ты лезешь? — не повышая голос, но достаточно громко и выделяя каждое слово, произнёс я, — спасибо тебе, конечно, за совет. Но я, сам как-нибудь разберусь что и когда делать.

Не дожидаясь ответа, потому что вспомнил о кастрюле с картошкой, я пулей вылетел по направлению к кухне. Бля! Всё не слава богу... Там уж небось всё выкипело, пока я тут разговоры разговаривал. Что ж за день-то такой идиотский? Ещё и Москва эта — дурацкая нарисовалась, некстати. Хотя... Если взглянуть с другой стороны то, всё к этому шло. Не удивлюсь если это опять помощь от одного старого хрыча. Чтоб ему на том свете икнулось от нектара, или чем они там питаются. Ладно. Подумаю об этом, когда время будет. А сейчас некогда.

Картошка кипела. Сильно кипела. Надо уменьшить температуру и я знаю как это сделать. Отодвинул кастрюлю и вернул чугунные кольца конфорки на место, без самого маленького, центрального. Теперь всё просто — почти полностью закрываю поддувало.

Собственно всё. Кастрюлю на место и можно готовить дальше.

Вовремя появился любитель игры на гитаре. Принёс почти полную бутылку керосина. По его словам это подарок от девушек из какой-то там комнаты. Я в подробности не вдавался. Но мысли, нехорошие появились: а чего это они керосин в комнате держат? Непорядок это! Коменданта на них нету.

Роюсь в рюкзаке. Достаяю кулёк с пшеничной крупой. Ну да! Купил в коопторговом магазине. А что оставалось делать? Я же уже понял, что ничего не успеваю. Вот и взял то, что быстро готовится.

— Игорь! — почти кричу этому тормозу, — давай не стой! Заправляй наш примус и побыстрее его запускай. Он сейчас нужен будет.

— А как же... — в растерянности парень застыл с бутылкой и смотрел на меня, — его чистить надо!

— Я его почистил, — спокойным тоном соврал я, потому что сил спорить уже не было, — две минуты тебе на всё про всё!

Гитарист наконец-то включился в процесс. А мне оставалось только проклинать самого себя. Не было ничего, чем можно помешать вареву в кастрюле. Где мой любимый половник? Где дорогая моему сердцу шумовка? Где вообще хоть что-нибудь? Нету ничего кроме простой ложки. А и хрям с ним! Так справлюсь. В первый раз что ли?

Полкулька пшенички высыпаю в кастрюлю. Теперь помешать немного и пусть себе бухтит потихонечку. Минут десять пройдёт и всё. Дальше только консервы высыпать и поджарка, которую надо ещё приготовить. Кстати, один из самых лёгких рецептов для холостяка или командировочного — советую.

Примус, возбуждённый умелыми руками гитариста, ровно гудел на столе. Брякаю на него сковородку. Надо её прокалить сначала и обязательно с солью. Хотя бы немного и недолго. Во избежание всяческих недоразумений. Пока это делается, я режу лук и морковь — как можно мельче. Хрям с ним, что морковь прошлогодняя и вялая. В супе это заметно не будет. Особенно после обжарки.

— Игорь, беги к ребятам и скажи пусть готовят тарелки и ложки, — я отдал ещё одно указание музыканту, — через пятнадцать минут ужинать будем.

Соль на сковороде начала потрескивать. Это нормально. Так и должно быть. Берём её и под воду, чтобы аж зашипела. Соль смылась — можно начинать готовить.

Не успел налить масла, как на кухне нарисовался Серёга Сергачёв, комсорг. Блин! А этому-то что надо? Морда довольная, аж светится вся! Не замечая, что я весь в работе, ослабившись, как пёс дворовый, он спросил:

— Тихий, а это правда, что ты в Москву едешь?

Пинпец — это вообще что было? Как тут люди чего узнают? Не прошло и десяти минут, а уже все всё знают. Собственно мне, на это, глубоко пофиг но — всё равно интересно.

— С какой целью интересуетесь? — только и смог ответить я, а что бы немного удивить настырного комсорга добавил, — это вообще-то секрет.

— С райкома комсомола Исиповой позвонили, а она мне, — продолжая лыбиться как товарищ Фернандель, ответил Сергачёв, — ну и заодно заданий, для тебя, наговорила целый вагон. Не каждый же день, наши комсомольцы в Москву попадают. Вот и постаралась.

Как у них, в этом времени, всё просто. Едешь в Москву — будь добр какое-нибудь поручение выполнить, а о том, что у человека совсем другие дела — это второе. Бля... Совсем забыл про поджарку. Масло уже дымиться начало. А так как это был, нифига не

рафинированный продукт то, и запах стоял соответствующий. Кидаю лук и пошло оно всё лесом. Не хватало в первый же раз напортачить с простейшим супом. Как я, потом, буду объяснять людям политику правильного питания? Меня просто не поймут и, между прочим, будут в своём праве.

А вот мои переживания, для товарища комсорга, были, как говорится, по барабану. Ему дали задание и он его выполняет. Лучше бы помог — гад такой. Так нет — стоит и ждёт. Опаньки! Лучок стал прозрачный, а это значит пора загружать морковь. Засыпал и стою, мешаю. В голове работает калькулятор: — сколько банок открывать для супа? Пять штук — это всё-таки много или, для первого раза, сойдёт?

Терпение у Сергачёва закончилось. Обойдя стол он стал напротив меня. Ну и, как говорится — понеслось: надо это сделать, надо туда пойти, надо этого найти, надо этому передать, какие-то адреса и остановки метро и так далее. А мне эта информация, на данный момент, как доярке лекция про пластичность рифлёной арматуры. То есть — по фиг совершенно. Лучше бы он придумал где лавровый лист найти. Гораздо полезнее и вкуснее. Забыл я про эту ароматную специю. Надеюсь что в консервах она присутствует. Хотя и без лаврухи тоже будет нормально. А с комсоргом завтра всё решим. Не поверю что, с утра, он не повторит всё тоже самое и не один раз. Надеюсь что, Исипова не прибежит ему помочь, а то знаю я этих комсомольцев-активистов. Комсорг посмотрел на меня, увидел что, я никак не реагирую, и махнул рукой. Вот и правильно! Я занят — всё вопросы завтра. Правда, перед уходом, Серёга громко напомнил о обязательной явке на работу. Откуда я поеду в Москву. Всё уже! Иди куда ты там собрался.

Ну вот и пришло время! Снимаю поджарку с примуса — пусть немного потомится в сторонке. Открываю консервы и сразу же выбухиваю их в кастрюлю. Пшеничная крупа не разварилась и картошка нормальная. Неужели получилось? А чтобы в этом убедиться, надо попробовать. Ага! Я олух! Соли не хватает. Балбес — я это уже говорил. Быстренько исправляю ситуацию. Вот теперь нормально! Можно и поджарку вводить.

— Ой, Вилор! — неожиданно раздался женский голос из-за спины, — а что ты тут делаешь?

Пришлось оторваться от дегустации и посмотреть, кого там ещё принесло. Я же говорил что, в общаге готовить это отдельная история. Если не будут мешать то, советами замучают обязательно. А уж на запах подтянутся все у кого всё нормально с обонянием. У этой девушки, с нюхом было всё в порядке. Как и со зрением что, совсем недавно, она мне и демонстрировала. Это была та, кто больше всех возмущалась, по поводу моего знакомства с Ритой. Девушка-штукатур которая умеет готовить настоящий кулеш. Имени её, я до сих пор не знаю.

Наверное у меня, что-то отобразилось на лице. Потому что эта красавица озадачила меня вопросом:

— Пересолил?

— Нет, — ответил я, — всё хорошо.

— А чего тогда у тебя такое лицо? — изображая недоумение спросила девушка.

Блин. Как же её зовут? Надо что-то придумать чтобы это выяснить. Придётся вспомнить "Студенческую весну" в Бауманском институте.

— Представляешь, только что про тебя вспоминал! — радостно воскликнул я, — смотрю а ты, вот, прямо передо мной стоишь. Тебя случайно не Наина зовут, та тоже по зову являлась?

— Какая такая Наина? — возмущённо взерепенилась девушка, — я Маша. А кто такая Наина?

— О, это долгая история! — важно произнёс я, продолжая помешивать суп, — сказку Пушкина "Руслан и Людмила" читала?

— Конечно! — ответила Маша, — только я, там, кроме Людмилы ни одной красавицы не помню.

— Да ладно?! — натурально удивился я, — а как же возлюбленная ведуна Финна?

— Так она же уродина, — округлив глаза и не веря в происходящее, тихо возмутилась Маша, — он от неё убежал. Какая же она красавица?

— Так это потом было, — ответил я, вновь пробуя супчик и добавил ещё немного соли, — а сначала-то красавица была.

Пора уже всё со сковороды в кастрюлю перекладывать а-то перетомится и будет на кашу похоже. Эх! Сюда бы пол-лимона выжать, для сохранения аппетитного вида. Но, чего нет — того нет. Пока опять перемешивал, потом пробовал совсем забыл о девушке. А она, всё это время, стояла и о чём-то размышляла. Общее молчание на кухне было прервано гитаристом Игорем. Этот нехороший человек привёл с собой всех парней из нашей комнаты. Все несли с собой тарелки и ложки.

Меня аккуратно отодвинули от плиты. А я, на это, только улыбнулся. Ща посмотрим!

Не, так-то всё нормально. Ребята покрутились вокруг кастрюли, попробовали по несколько ложек супа и обломились. Половника-то нету! А я чего? Я не причём. Я их, между прочим, не звал. Тут ожила Маша и быстренько навела порядок. Не знаю, что, её так оскорбило, в моих словах, но досталось всем. Мне меньше всех.

Пока все выясняли запутанные общажные отношения, я перенёс кастрюлю на стол. Печь, недолго думая, поставил на полную мощность. То есть открыл поддувало нараспашку. Да и дверцу чуть приоткрыл. Пусть остатки топлива побыстрее сгорают. Сковорода заняла место в раковине — потом помою. А весь мусор я сгрёб в ведро. Для этого пришлось его освободить от растопки и бересты, но это ненадолго. Выкину мусор и всё верну на место.

Полюбовался на Машу. А что? Она когда сердится, выглядит очень симпатично. Минуту отдохнул и вспомнил что, я, вообще-то, бывший прораб. А службу проходил в королевских войсках. Поэтому, ни грамма не сомневаясь, начал раздавать указания.

Двое понесли кастрюлю с супом наверх, в нашу комнату. Один следом за ними все тарелки и ложки. Двое занялись уборкой на кухне. Игорь, чтобы не звиздел много, понёс мусор на улицу. Ещё один стал помогать Маше мыть сковородку. Между прочим, я её об этом не просил — она сама. А я собрал вещички и поплёлся на вахту. Ничего серьёзного но, предложить тарелку супа — просто обязан.

Когда вдвоём с Касьяном зашли в комнату то, я понял — всё пошло не так как задумывалось. Слишком много народу было там. Мне, если честно, даже присесть было негде. Но вахтёру я всё-таки смог выделить пару половников из того что осталось. Сам еле наскрёб со дна себе неполную тарелку. Ругаться не стал — сам виноват. Не объяснил, не посоветовался вот и получил. Ладно, вернусь из Москвы попробую ещё раз.

Меня хвалили, благодарили, пожимали руку и целовали в щёчку. Даже избавили от мытья посуды и кастрюли. Всём понравилось и это, с одной стороны, радовало. С другой, я вообще перестал что-либо понимать. Так что ложусь спать. А завтра будет другой день. Эх... Всё не так ребята, всё не так...

Эпилог

С утра никакого настроения. Вчерашняя неудача, с общим ужином, заставила меня задуматься. Если разобраться, то я готов кормить всё общежитие, но — "откуда у тебя деньги" будут спрашивать все кому не лень. Да и... не поймёт меня никто. Ладно. Что-нибудь придумаю. А сейчас у меня утренняя зарядка.

Погода показательно была против меня. Дождь мелкий и противный накапывал не спеша, обещая затянуть это дело на несколько дней. А ведь я хотел сбегать до дома, где живёт Рита. Что ж значит просто упражнения и небольшая пробежка вокруг общаги. Нормально. Добавил к "своему" комплексу, приседания "пистолетиком" пока с махом. Потом буду делать без.

Возвращаюсь слегка уставший и более менее спокойный. Спорт лучшее лекарство от депрессии и я это, только что доказал. Касьян махнул рукой подзывая к себе.

— Приветствую, — произнёс я, засовывая голову в полуоткрытую дверь, — что случилось?

— Меня попросили напомнить, — начал выговаривать вахтёр, — что, на работу надо прийти пораньше.

— Помню я всё. Ещё что-то?

Касьян стал звереть на глазах, что моментально и высказал:

— Я тебе что?! Фифа, на побегушках?!

— Да нет... — спокойно ответил я, разворачиваясь к лестнице, — но похоже...

Пришлось рвануть с места. И не просто бегом, а галопом — прямо до комнаты. Нормальное упражнение для ног получилось. Чего? А Касьян сам разберётся. Не такой он человек, чтобы обидеться. Сейчас посидит, попытит, подумает и успокоится. Надо будет ему ещё раз напомнить об этом, чтобы запомнил — меня, когда я занят, не отвлекать!

"Пораньше надо появиться", а то, что я голодный это никого не беспокоит. В малину всех. Ща собираюсь и иду на рынок. Пирожки покупать с обратом. Надо не забыть с собой набрать побольше — фиг её знают эту Москву. Может там, в это время, пирожки на вес золота!

Я ещё раз убедился, что надо искать другое место обитания. Вернусь, сразу же займусь. А пока, в общаге придётся горевать.

В комнате все спали. Достая из под кровати рюкзак, чтобы никого не разбудить, действую аккуратно. Всё ненужное из продуктов укладываю в кастрюлю, а её ставлю в сковородку и теперь уже вместе на стол. Так места меньше занимает. А-то тут не стол, а небольшой краеведческий музей — чего только нет. Теперь здесь есть, в добавок к прежнему натюрморту, моя посуда. Ну и продукты — бакалейного направления.

Долго, целых три минуты, думал сколько денег с собой взять. Плюнул и взял все. Москва всё-таки — много чего можно купить. Часы например. Давно надо, а я всё время забываю. Теперь уж точно найду и приобрету. И не какие-то там, а постараюсь найти настоящие командирские. На широком кожаном ремешке. У моего наставника, в той жизни, были такие.

Касьян только зыркнул в мою сторону, когда я прошёл мимо него — не остыл пока. Но я, в отличие от некоторых, вежливо попрощался с ним и, даже, ручкой махнул на прощание.

Дошёл быстро. Пирожковый ряд только собирался торговать. А и ладно, зато у меня есть варианты. Устроился за крайним столом. Так я видел всех вновь приходящих, чем собственно и пользовался. У каждой торговки пирожками я спрашивал: с чем товар? Это позволяло сразу выбрать нужное. Затарился по полной программе ни грамма не напрягаясь. Тут же, не отходя далеко, позавтракал, попутно размышляя о том, почему сегодня преобладает рыбная начинка? Какая-нибудь причина есть точно, только я её не знаю. Да и не суть. В Калуге всегда рыбные начинки были в чести. Река Ока вот она — рыбы до фига! Сегодня, кстати, на пробу взял экзотику — пирожки с пшеном и солёной икрой плотвы. Раньше, даже, не слышал о такой начинке. Вот в поезде и попробую. Очень уж товарка расхваливала вкус и упоминала, что это любимая закуска буржуя Домогацкого. Прямо жить он не мог без этих пирожков. Попробую. Магазин этого галантерейного магната знает любой житель Калуги. Прodeгустирую буржуйскую экзотику — узнаю чем этот крендель предпочитал питаться.

До стройки шёл неспеша. Дождь в этом деле — не помеха. Да и какой там дождь-то? Пыль водяная и что-то типа тумана, но надоедливо и мокро. В голове как будто бы диалог двух личностей: прораб строил далеко идущие планы с визитом в МИСИ, а комсомолец-активист мечтал посетить мавзолей. В Москву приеду там и решу, что выбрать. Если дадут конечно.

Когда подошёл к дому, где заседал прораб, то увидел, что меня уже ждали. Старшина Фёдор и лейтенант Собкин о чём-то тихо переговаривались, стоя возле "Победы". Я к ним неспешно и вразвалочку подошёл. А что? Прораба всё равно нету, куда спешить-то? Рюкзак, к тому же тяжёлый. Чего мне, в припрыжку что ли скакать?

Поздоровались. Поручкались. Обменялись новостями. Потом меня сразу напрягли, на тему "отнестись серьёзно к моей поездке". От моих показаний будет зависеть дальнейшая судьба человека: или тюрьма, или свобода. Я проникся и даже, немного пожалел, что связался с этим делом. Но потом вроде как отпустило. Успокоился. Пока не появились все остальные участники шоу под названием "Проводы Вилора в Москву".

Исипова и Сергачёв притащили плетёный ларь с ремнем через плечо. Дурацкая конструкция — неудобная и громоздкая. Неужели нельзя было просто чемодан какой-то приспособить? У меня рюкзак. Куда мне ещё и этого монстра вешать? Ручек для нормальной переноски, у этого девайса не предусмотрено. А когда я попробовал поднять, то чуть не выругался матом. Килограмм двадцать точно есть. Хоть бы колёсики какие-нибудь приделали. Но нету. Тащи Вилор так, как есть и не выёживайся, так как это комсомольское поручение. Заглядывать внутрь, как-то неприлично. Поэтому просто спросил:

— Что там?

Оказалось, что посылка нашему земляку. Он сейчас находится в командировке. Работает в Московском горкоме комсомола по приглашению местных товарищей. Ехал только помочь, а вышло так, что уже полгода его не отпускают. Понравился наверное. Удивляться нечему, мы калужские все такие. Все комсомольцы "Калужстроя" его ждут и хотят напомнить о себе. Вот и собрали ему посылочку, как говорится: от наших вашим с лучшими пожеланиями. В основном рыбка холодного копчения, ну и сала немножко. Куда же без него. Поверх, всех этих вкусовостей, лежал кожаный портфель набитый битком какими-то папками. Даже не стал спрашивать, что там. Ну нафиг. Узнаю, а меня потом ФСБ, то есть КГБ... Тьфу ты блин... МГБ конечно, с этими бумажками на Соловки репрессируют. На фи — на фиг эти знания.

Придётся помучиться и каким-то образом доставить всё до места. Исипова, конечно, мне всё объяснила: где, что и как. Как пройти от Киевского вокзала, кого спросить и что сказать. Делов-то, всего ничего, только тащить всю эту фигню мне, а не им. Тьфу... блин. Под самый конец разговора мне вручили листок бумаги с адресом, где этот горком находится. На всякий случай — чтобы было где посмотреть и вспомнить. Колпачный переулок, дом 5 — было там написано. А на обратной стороне фамилия с именем — Кормертаев Ерасыл Азик. Да и пофиг — найду. Дурдом, конечно, но — надо! Справлюсь как-нибудь. Главное, чтобы в милиции всё нормально прошло, а там разберусь!

Прораб Иванов нас не заметил и проскочил мимо. Рванули всей толпой за ним. Хотя... я-то там нафиг? Вернулся и сел на лавочку. Правильно сделал. Потому, что через десять минут, меня уже грузили в машину.

Знакомое здание транспортной милиции и табличка возле входа. Не спеша зашли всей камарильей. Я не стеснялся здороваться со знакомыми ребятами. Помнят меня. Спрашивают: как дела, продолжаю ли слушать джаз на зло фашистам, куда устроился, где меня найти? В конце концов, меня затащили в Ленинскую комнату, где провели мини-конференцию. Меня спрашивают, а я отвечаю. Долго поговорить не дали. Серьёзный, как памятник Карлу Марксу, Собкин разогнал всех, куда им там надо было, а меня, чуть ли не за руку вывел на улицу. Обидно, но что тут поделаешь. Время.

Опять машина и дорога. Знакомые места. Вокзал на станции Тихонова пустынь. И вот уже стоим на перроне. Слушаю последние наставления от лейтенанта. Собкин более подробно рассказал: куда мне подойти на Киевском вокзале и с кем вести разговор. Передал запечатанный конверт — это для предъявления. Там всё что нужно. Дальше делать то, что скажут. Подписывать только если полностью уверен. Чтобы вернуться назад в Калугу обратиться туда же. Там помогут. Так как всё уже решили заранее по телефону. Блин... а когда мне комсомольское поручение выполнять? Но мои страхи оказались беспочвенны. Всё учтено. Надо только предупредить дежурного и можно смело заниматься своими делами. Но! Недолго. Сутки максимум. Перед возвращением перезвонить, чтобы меня здесь встретили. Всё!

Между прочим этот плетёный ларь оказался удобной вещью. По крайней мере, сидеть на нём очень удобно.

Поезд "Одесса — Москва" не вместился на перрон полностью. Пришлось спускаться на землю и идти в хвост состава. Мой вагон предпоследний. Лейтенант помог донести ларь до места посадки. Фёдор побежал вперёд и, пока мы шли, показал какие-то бумаги проводнику. Сам, я, загрузился внутрь без проблем. Только ларь этот, дурацкий, пока его запихивали, всё время цеплялся и не впихивался. Хорошо, что остановка долгая. Паровоз заправляли водой и углём. Успел не только разместиться, но и выйти назад к своим провожающим. А как же иначе? Надо поговорить напоследок. Вдруг больше не увидимся. Но, как оказалось, говорить нам было не о чем. Собкин корчил из себя строгого начальника, а Фёдор вообще отвлёкся на молодых девушек, что вышли подышать свежим воздухом.

Наконец всё это закончилось. Проводник пригласил пассажиров занять свои места. Ну и ладно.

Плацкартный вагон, в это время, ничем не отличается, от такого же в нашем. По крайней мере, исходя из первых минут пребывания. Ларь никуда не поместился. А учитывая, что моя полка была верхняя, пришлось его ставить наверх в угол. А самому, свернувшись кренделем, уместиться рядом. Зато никому не мешаю. Рюкзак под голову и смотрю в окно.

Пофиг на всё — может удастся уснуть. Ехать, по самым оптимистичным прогнозам, шесть часов и это, не считая двух остановок: в Малоярославце и ещё где-то. Там тоже заправляют воду и грузят уголь для паровоза.

За окном лес и поля вперемешку с болотами и оврагами. По дороге будут несколько крупных рек: Нара, Суходрев и Протва. Можно полюбоваться на мосты через них. Глаза от постоянного мельтешения начали закрываться. Первое время я боролся с этим, а потом... Потом впал в какое-то оцепенение. Образы. Картинки. Все эти несколько дней, после моего попадания, мелькали перед глазами и я, как бы, смотрел на них со стороны. Заново переживал и подмечал всякие мелочи. Осознавал — понимая, что всё было не так, как кажется на первый взгляд. Меня вели. Вели за руку, направляя и заставляя делать то, что кому-то было нужно. Это стало возможным только сейчас, когда сознание комсомольца-активиста Вилора, на некоторое время, впало в полуспящее состояние. А прораб, наоборот, смог полностью воспользоваться своими способностями, так как не потерял ясность мышления. Именно привычка, докапываться до любых мелочей, позволила выявить несоответствия и какую-то чужую волю. Не мог я, сам, попасть в эти дурацкие ситуации. Все эти драки, беготня и суэта происходили с одной стороны неожиданно и без смысла, а с другой позволили познакомиться с очень интересными людьми. Одна Катерина чего стоит. А лейтенант Собкин? Того же Касьяна можно вспомнить с его "товарищами" с рынка и проходной пивзавода. А последняя встреча с представителями "Монетного двора"? Это вообще ни в какие ворота не лезет. Сначала, я не стал топить племянника Исиповой Феликса, а потом он меня, так просто, без каких-либо просьб и намёков, знакомит с самой большой, хоть и не очень опасной, но всё же подростковой бандой. Да, эти пацаны не воры и не грабители. Но, их возможности, в плане разведки и поддержки в щекотливых ситуациях, могут мне пригодиться. Как это все случилось? У меня ответа нет. Есть только догадки. Но они, скорее, из области фантастики или мистики.

На какой-то миг, я опять увидел перед глазами зелень лесов и полей, что пробежали мимо моего взора в окошке плацкартного вагона. И эта зелень слилась в один фон. Я перестал чувствовать себя в поезде и уже, как бы не лежал, а стоял.

Стоял посреди бескрайнего изумрудного поля. Вглядывался в даль и ничего не видел кроме туманной дымки над зелёным полем.

— Ну привет, внучок! — раздался весёлый голос сзади.

Обернувшись я увидел своего деда. Он сидел на, каком-то пне в виде кресла. В своей любимой папахе чёрного цвета и гимнастерке с наградами. Широко улыбался и дымно пыхал своей люлькой.

— Здорово дед! — с настороженностью ответил я, — вроде попрощались при последней встрече? Или я чего-то не понял?

— Всё ты правильно понял! — не переставая курить и улыбаться, бодро отвечал дед, — смотри, даже, кое в чём разобрался.

— Не во всём, — уже более уверенно произнёс я, — некоторые моменты, до сих пор не понятны.

— Да-а, внучок, — протянул и сразу перестал улыбаться дед, — расстроил ты меня. И что же тебе не понятно?

— Рита здесь с какого бока?

— Тьфу ты тудыть-растудыть, — опять заулыбался дед, — всё гораздо проще чем ты думаешь. Ты помнишь, чем закончилась ваша любовь в прошлый раз? — дед внимательно

посмотрел на меня и стерев улыбку с лица, продолжил, — Я напому. Из-за неё ты проиграл соревнования. Проиграл тяжелейшим нокаутом. После этого у тебя испортилось зрение, а это значит, что в ВДВ тебе путь заказан. Из-за неважных оценок, с трудом поступил в строительный институт. Связался с сынками-мажорами и начал гулять — направо и налево. Они тебя использовали как охранника, а сами делали свои дела. Потом ты заступился за одного из них, считая что он друг. В результате — условный срок и служба в стройбате. Я чего-то пропустил? Нет. А всё из-за чего? Из-за этой вашей любви с той, приезжей. Думал только о ней, а не фигу о том, о чём надо. А она умерла. Рак мозга в то время это был приговор. Не лечили в СССР рак. Не лечили! Я знал что она больна. Поэтому не хотел чтобы вы встречались. Потому что знал тебя и чем всё это может закончиться.

— А может, надо было мне сказать?! — заорал я в полный голос, — просто сказать! Я-то думал, что она уехала и забыла меня! На письма не отвечала, а телефон я не знал. Только проиграв и перестав заниматься, появилось свободное время и я поехал в Свердловск. Там и узнал, что она умерла. Представляешь что у меня тогда творилось в голове?

Дед слез с пня и подошёл ко мне. Обнял и похлопал по спине. Тихо начал меня успокаивать:

— Ладно — ладно. Оба хороши. Я хотел тебе тогда сказать, но ты не приезжал в деревню. Пропадал на тренировках и сборах. А потом стало поздно.

— Так зачем всё это, дед? — почти успокоившись, тихо спросил я, — причём тут Рита?

— Тебе пора, — начал говорить дед и стал понемногу становиться прозрачным, — а с Ритой всё просто. Если не выполнишь то, о чём я просил, она тоже умрёт. Всё иди. Пора... Пора!

— Товарищ! Пора! Проснитесь! Проснитесь скорее! Москва! Пора выходить!

Какой-то мужик тряс меня за руку, не боясь, что я могу упасть на него сверху. Хлопнув его по плечу, я показал что проснулся. Потирая глаза пришлось поблагодарить этого чудика:

— Спасибо! Я проснулся! Вы идите, мне всё равно придётся выходить последним. Вещи негабаритные. Два раза придётся ходить.

В голове полный сумбур и непонятки. Ничего страшного — пять минут и приду в порядок. Надо просто успокоиться. Посидеть, подумать, чаю в конце концов выпить. Ладно. Буфет на вокзале есть, значит там и буду заниматься размышлениями и анализом. А пока, надо просто чем-то заняться.

Спрыгнул вниз. Соседей не наблюдалось, хотя народ в вагоне был. Наверное, пошли готовиться к выходу или ещё чего. Мне, собственно, не до них сейчас. Делать нечего от слова "совсем", поэтому достал ларь и поставил его на нижнюю полку. Свернул матрац. Взял рюкзак в руки и сел поближе к окну. Вид привокзальной территории не впечатлял. Серо и уныло. Паровоз медленно затягивал состав под крытую платформу. Скоро совсем остановится. Вагон несильно толкнуло.

— Ну что ж вроде как приехал. Привет Москва!

Больше книг на сайте - Knigoed.net